
АБЕЛЬ ПОССЕ
РАЙСКИЕ ПСЫ
История Америки настолько мрачна, что рассказывать о ней без юмора совершенно невозможно. АБЕЛЬ ПОССЕ
CORPUS
РОМАН
18+

Райские псы
Абель Поссе

Аннотация
Абель Поссе. Райские псы
I. Воздух
II. Огонь
III. Вода
IV. Земля

Аннотация

Абель Поссе (1934–2023) – аргентинский писатель и дипломат. Автор романов, переведенных на шестнадцать языков. Роман “Райские псы” (1983) был удостоен высшей литературной награды Латинской Америки – премии им. Р. Гальегоса. Это рассказ об открытии Америки Христофором Колумбом, но Поссе смотрит на далекие события через призму магического реализма, вводя в текст поэтические, фантастические и сюрреалистические элементы, игру масок, из-под которых выглядывают лица знаковых персонажей разных эпох. Автор отказывается от пресловутой “реконструкции событий”, считая более важным то, что никогда не попадает в официальные документы и хроники, служа истинным двигателем великих деяний. Такую роль играют в романе два гениальных юнца, соединенных великой любовью, – Католические короли Фердинанд и Изабелла, без помощи которых не открыл бы новые земли Христофор Колумб, иудей и католик, герой и работорговец, пророк и алчный искатель

золота, воплотивший в себе все противоречия, свойственные западному человеку.

Абель Поссе
Райские псы

Памяти моего сына Ивана посвящаю эту книгу, название которой он подарил мне, пока еще был счастлив и не сказал последнего “прости”

Где-то там, за тропиком Козерога, лежит обитаемая земля – самая высокая и благородная часть мира, это и есть Рай земной.

Епископ Пьер д'Альи. Imago Mundi

…Именно там находится Рай земной, и никому не дано попасть туда без Божьего соизволения.

***Письмо Христофора Колумба Католическим королям*[1]**

Вот он, Рай. Вне всякого сомнения. Эти люди любят ближнего своего, как самих себя. Я верю в то, во что верили и верят ученые и святые теологи: что эти земли – Рай земной.

Письмо Христофора Колумба папе Александру VI

Его послали за золотом и демонами, а он шлет нам перья ангелов.

Фердинанд Арагонский

---

[1] Примечания: 1

Здесь и далее Письмо цитируется в переводе Я. М. Света. *(Здесь и далее прим. перев., кроме оговоренных случаев.)*

Можно с полной уверенностью сказать,
что адмирал достиг центра земного Рая
4 августа 1498 года.

Дж. У. Килкенни

Abel Posse
Los perros del paraíso

Перевод с испанского
Натальи Богомоловой

© Abel Posse, 1983, and Heirs of Abel Posse
© Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026
Издательство CORPUS ®

I. Воздух

Хронология

1461 Истоки современного Запада: 12 июня Изабелла Кастильская публично объявляет об импотенции своего сводного брата короля Энрике IV. Бельтранеха.

1462 Христофор Колумб крадет в приходской церкви алфавит. Он говорит, что станет поэтом. Побои, угрозы. “Ты будешь шерстянщиком или портным. Это твоя судьба”.

1468 Запоздалое, двусмысленное и практичное обрезание Христофора Колумба.

2-Калли[2] Неудавшиеся инко-ацтекские переговоры в Тлателолько. Отказ снаряжать флот для захвата “холодных земель Востока”. Воздушные шары инков. Перелет Наска — Дюссельдорф.

1469 Ландскнехт Ульрих Ницш, обвиненный в

---

[2] Примечания: 2

Дата указана согласно ацтекскому священному календарю, где двадцать дней в комбинации с тринадцатью числами формировали ритуальный 260-дневный год. Дни под знаком Калли (“Дом”) считались относительно спокойными или хорошими.

скотоложстве за то, что поцеловал лошадь, бежит из Турина в Геную. Земля, *wo die Zitronen blühen*[3]. Онтологические муки и иудеохристианское мошенничество. “Бог умер”.

1469 Упоение дивными порывами юности: Изабелла и Фердинанд Арагонский вступают в греховную связь, освященную церковью 18 ноября. Самые надежные и преданные — это люди из *SS*. Зарождается империя, над которой никогда не зайдет солнце.

Мир задыхался без притока свежего воздуха. Жестокая агония. Пир смерти. Маятники всех часов, не давая забыть, отбивали: “жизнь-ради-смерти”. В Ротенбурге, Тюбингене, Авиле, Урбино, Бордо, Париже и Сеговии.

Жизнь задыхалась без новых просторов. А грозный иудейский Бог как одержимый твердил о Грехе и вконец запугал легион своих неистовых приверженцев.

Без устали хлестали себя плетьми флагелланты. А потом посыпали раны солью. Даже плечистые здоровяки мечтали теперь лишь о том, как бы умереть во святости, приняв медленную мучени-

---

[3] Примечания: 3
Где цветут лимоны *(нем.)*.

ческую смерть на кресте.

Никогда еще юдоль скорби не знала более мрачных времен. *Totentanz*[4]: мчится меж могил безумный ручеек из взявшихся за руки юных фигур. На черных туниках белой краской нарисованы ребра. Свинцовыми белилами — черепа. Но вот по цепочке пляшущих пробегает еле заметный трепет. Лишь намек на страсть, лишь тень тоски по жизни. Улыбка под черным тюлем. Лукавый глаз. Чуть заметное движение бедер — и ломается траурный ритм барабанов Пляски смерти, *Danse macabre*.

Что это? Легкий бриз, свежий ветерок, эрос? Мягкое дуновение, которое каким-то чудом смогло долететь сюда с Карибского моря?

И все чаще можно увидеть, как разбредаются парами изнуренные пляской грешники, как обнимаются они под церковными арками или находят приют меж кладбищенских плит. Точно бешеные псы рвутся на волю из черных балахонов их тела, погрязшие в грехе, но так и не раскаявшиеся. Летят прочь бутафорские черепа.

А виноват во всем ветер. Это он смущает на закате покой семинаристов. Наполняет воздух

---

[4] Примечания: 4
Пляска смерти *(нем.)*.

кисло-сладким ароматом. Так пахнут далекое море или спящая под летним дождем женщина.

Но куда более заметные следы мятежного ветра обнаружились в Италии. Достаточно сказать, что у Антонио дель Поллайоло, писавшего Мадонну для монастыря Святого Иеронима, кисть вдруг вырвалась из рук. Дерзко возмечтав о новых чувствах, формах и красках, изобразила она прекрасную Симонетту Веспуччи, Красавицу, с обнаженной грудью. И тут же, словно испугавшись, поспешила нарисовать змею — символ зла. Но змея, играя, тотчас обвилась вокруг шеи Симонетты, укусила себя за хвост и застыла прелестным ожерельем.

И то был не единственный случай. Во второй половине апреля 1478 года у молодого живописца Сандро Боттичелли полотно заполнилось нежными полунагими юницами, которые славили танцем приход поры цветения.

Non c'e piu religione[5], — ворчали, крестясь, усатые монахини монастыря Святой Безнадежности.

Дикая кошка срывалась в прыжке с карниза старого готического собора. И все это видели.

---

[5] Примечания: 5
“Религии больше нет” *(итал.).*

Запад не просто задыхался, он бился в предсмертных судорогах. Напуганные правители просили друг у друга совета. Надо было принимать срочные меры.

Надо было выпустить пар из готового взорваться котла агоний и подавленных желаний. Но на Юге весь Магриб и славные земли Аль-Андалуса заняли мусульмане, преданные своему сильному и гордому как ятаган богу.

Не даст себя в обиду и древний православный мир Московии.

Пыталась что-то сделать Церковь, найти выход, но потерпела поражение. Дюжинами возвращались миссионеры из земель Ислама, из Центральной Азии. Измученные, высохшие как урюк, задирали они прямо на глазах у папы свои ветхие рясы и показывали ягодицы с вырезанными на них стихами из Корана, с изречениями типа “Аллах велик. Мы тоже готовимся к Судному дню”.

Константинополь перешел под власть турок. Это стало последним ударом. Папа Сикст IV скорбно возвестил владыкам Запада: “Плотная стена ятаганов движется на нас, и растянулась она от Кавказских гор до южной оконечности нашей излюбленной Испании…”

Не с кем было торговать прежде всесильным

купцам. Дышали на ладан мультинациональные компании. С гневным нетерпением взывали о помощи кланы Берарди, Ибарра и энергичный предприниматель из Антверпена Ван дер Дин, а также семейства Негри, Каттанео, Спинола, Будденброки из Любека, судовладельцы из Ганзейского союза и каталонские ткачи во главе с Пуигом. Все они знали, что им по силам гораздо большее. И поэтому обзывали моряков трусами, астрономов невеждами, а королей скаредными и ленивыми тугодумами. Доставалось и феодальной знати. “Дайте нам больше простора! Дайте драгоценную древесину! Новые рынки! Восточные специи и слоновую кость! Доколе мы будем терпеть проклятых турок в *Mare Nostrum!*[6]”

Запад погибал, тосковал о своем мертвом солнце, о засохшем жизненном нерве и уже давно похороненном празднике. Во мраке монастырского подвала ощупывал он статую греческой богини (которую кто-то когда-то выбросил в море). Люди, лишившиеся телесности и уже почти не имевшие тени, мечтали вернуть себе прежний облик.

Запад — эта старая птица Феникс — складывал

---

[6] Примечания: 6

Наше Море *(лат.)* — название Средиземного моря у древних римлян.

из душистых поленьев коричного дерева костер для своего последнего возрождения.

Западу были нужны ангелы и сверхчеловеки. Так возникала в неукротимом порыве секта искателей Рая.

Июньская сиеста. Горы Кастилии плавятся в прозрачных языках пламени. Скалы потрескивают под ударами неумолимого солнца. Спит в тени кустарника пастух, слегка прикрыв глаза, как ящерица. Недвижно сидят в густой листве воробьи. Их манит к себе водоем, но, вспорхнув с дерева, можно изжариться на лету.

Слышится голос Изабеллы Трастамары:

— Ну пошли же, пошли, теперь самое удачное время!

Только дети снуют сейчас туда-сюда в сонном мадридском Алькасаре. Да босые и полуголые стражники играют в мус у крепостных стен. То и дело выливают они ушаты воды на землю, чтобы прибить раскаленную пыль.

Маленькая принцесса Хуана, прозванная Бельтранехой[7], которая уже и в пять лет имела повсюду своих шпионов, знает: затевается что-то

---

[7] Примечания: 7

Принцесса *Хуана* (1462–1530) — дочь короля Энрике IV Кастильского и Хуаны Португальской. Считалась незаконной дочерью королевского фаворита Бельтрана де ла Куэва.

важное и для нее опасное. Изабелла Трастамара, юная тетка Хуаны, — ее враг. Поэтому Хуана не дает себя провести и спешит следом за остальными. Даже в жару не расстается она с королевскими атрибутами, найденными в старом сундуке: на ней тяжелая зеленая мантия, конусообразная шляпа, как у сказочной феи, с тюлем, который окутывает ее всю — до кончиков кожаных башмаков на пробковой подошве, украденных из будуара легкомысленной матушки, большой модницы. Хуана кричит Изабелле, шепелявя от бешенства:

— А я вот тозе с вами пойду! Пойду, и все тут! И глаз с тебя не спусю!

Изабеллу сопровождают восемь графов и идальго (самому старшему десять лет). Жаль, конечно, что не удастся проделать задуманное тайком. Изабелла надела довольно короткую тунику, из-под которой — к ужасу придворных дам и монахинь-прислужниц — выглядывают узенькие панталоны с кружевами, изготовленными в монастыре Святого Иосифа Вечно Тоскующего. Настоящая *baby-doll:* веснушчатая, прелестная, белокурая, с собранными в хвост волосами.

Изабелле нравится вдруг замереть — слегка расставив ноги, выгнув спину, откинув голову назад — и медленно провести рукой по волосам.

Пусть все любуются ее чуть оттопыренной соблазнительной попкой. Дерзкий придворный поэт Альварес Гато[8] не преминул записать в свою потайную тетрадь:

У нее задок
как сырок.
А грудки
как незабудки.

Монахини шипели:

— Что за девчонка! Разве пристало принцессе так себя вести!

Теперь Изабелла ведет вперед свою свиту. В руке у нее длинный голый прут, сорванный у пруда — того, где водятся жабы.

Один за другим текут каменные коридоры. Там все погружено в полумрак. В Кастилии хорошо знают: от любого света становится только жарче.

Они проходят через дворцовую трапезную. Сильный чесночный дух — напоминание о съеденном накануне жареном ягненке. Кое-кто из слуг растянулся прямо на мозаичном полу и спит, блаженно впитывая всем телом его прохладу.

---

[8] Примечания: 8

Хуан *Альварес Гато* (1440? — 1509) — кастильский поэт, мастер “малых жанров”. Его именем названа одна из улиц Мадрида.

— Т-с-с! — приказывает Изабелла.

А Бельтранеха в ответ:

— Кто ты такая, чтобы говорить мне “т-с-с”! Я — принцесса!

Наконец перед ними королевский оружейный зал — весьма скромный, надо отметить. Он больше говорит о прошлом, нежели о настоящем: шпага короля-деда, арбалеты с истрепавшейся тетивой, что-то похожее на мушкеты. Траченные молью головы огромных кабанов — когда-то их мясо весьма кстати пришлось в котлах с ольей[9]. Ведь в те времена охота была не столько изящной забавой (в подражание Бургундии и Британии), сколько способом обеспечить себя едой.

Они видят трон: деревянное кресло, отделанное тисненой кожей и покрытое для внушительности — или для мягкости — шкурой эфиопского тигра. Король Хуан до самой смерти восседал на нем во время пиров. Здесь мечтал он завоевать для Кастилии новые земли, мечтал о походах за моря, о том, как обратит в истинную веру раскинувшиеся на юге счастливые королевства мавров.

Вот, пожалуй, и все, что осталось от той старой и бедной Испании, где после дворцовых празд-

---

[9] Примечания: 9

Олья (или *олья* подрида) — популярное в Кастилии и Галисии блюдо: тушеное мясо с овощами.

неств счищали мясо с костей, чтобы было из чего приготовить салат к завтрашнему обеду, а из бокалов сливали в кувшин недопитое вино — для следующей трапезы. Где с ликованием встречали поданную на стол жареную курицу. Где короли еще умели, мельком взглянув на оливковую рощу или скотный двор, подсчитать, какая прибыль ждет их в конце сезона.

Ныне все переменилось. Энрике IV, Энрике Бессильный — или Энрике Импотент, — завел в стране моду на чванливую роскошь, что обычно чревато инфляцией. Если прежде монетных дворов было пять, то теперь стало сто пятьдесят. Вокруг богатые наряды и украшения — а в карманах пусто.

Его фаворит Бельтран де ла Куэва носит расшитые драгоценными каменьями и бисером сандалии, словно щеголеватый тореро.

Король рядом с ним — оборванец. Он млеет от восхищения перед любовником королевы и велит заложить монастырь на том месте, где Бельтран победил в поединке своих наглых соперников, тоже претендовавших на ее благосклонность. Энрике IV — услужливый рогоносец.

Жалкая погоня за наслаждениями. Двор призраков, чьим обитателям вечно угрожало безумие.

Там принцы сражались с чудовищами, вылезавшими из зеркал. Привидения оставляли подпалины на переплетах Библии, указывая путь в преисподнюю. Монахини в часы пиров чувствовали на челе шипы венца Христова и блаженно истекали кровью. Дамы на рассвете левитировали в мистическом экстазе, а служанки хватали их за ноги, чтобы возвратить на землю — к законам гравитации и реальности.

Маленькая Изабелла часто шпионила за королем Энрике, своим сводным братом. За тем самым Энрике Импотентом, который медленно погружался — вместе со всем королевством — в маразм мрачной меланхолии. Она устраивалась на башне у слухового окошка и видела: Энрике (он старше ее на двадцать шесть лет) полулежит в кресле, укрывшись залитой супом мантией, похожей на мавританский плащ, перед ним стоят — кувшин с водой (вино король ненавидит) и неизменное серебряное блюдо, украшенное рубинами, на котором горой лежат свиные шкварки. Придворные шлюшки, что-то бессвязно лепеча и хихикая, шумно и весело суетятся вокруг короля, точно захмелевшие сестры милосердия у ложа глухого богача-паралитика. Две или три из них льнут ласковыми кошками к королевскому

телу, большому, но безвольному, и теребят его равнодушную плоть. Где-то в дальнем конце зала кардинал и нотариус громко читают посольские депеши. Время от времени они замолкают и натужно кашляют, наглотавшись зловонного дыма. Королю Энрике нравится подбрасывать в очаг волосатые копыта першеронов (а летом пронзительный запах горелых костей и кожи сменяется навозным смрадом: со скотного двора и из псарни приносят сюда большие бадейки столь любезной королевскому обонянию жижи). Вонь так сильна, что маркиз де Вильена по совету своего заклятого врага, хитроумного Бельтрана де ла Куэва, неизменно носит в кармане пучок свежего базилика, который вдыхает, растирая между пальцами.

Изабелла всякий раз, покидая свой наблюдательный пункт, задыхается от бешенства. А еще от ненависти и отвращения к брату. Что-то подсказывает ей: вместе с ним агонизирует целая эпоха. Сама не зная зачем, она со всех ног несется в патио Алькасара. В ушах у нее звучит голос матери: “Никогда не поддавайся безумию. Это пропасть, страшней которой нет ничего на свете. Помни про своих бабку, деда и отца… Не слушай Дьявола и не веди с ним бесед. Взгляни на Энрике:

его окружают адские чудовища, под постелью у него прячется окутанный туманом кабан, из преисподней летит к нему пылающая нечисть, суля бесславный конец… Ищи опору в земном и очевидном. Держись подальше от богословов. Полюби свое тело. Окружай себя животными и солдатами. Не поддавайся искушению разговаривать сама с собой. Бойся покоя! Запомни: покой — это пустота, где обитают злые духи. Да, смерти никому не избежать, но лучше умереть, уже устав от жизни!”

Не отставая ни на шаг от Изабеллы, дети входят в зал аудиенций. Сразу разлетается рой царящих здесь придворных распутниц, не выразив должного почтения принцессе. Быстро мелькают их ножки, выбеленные по последней моде гипсовым порошком. На лицах черные или фиолетовые тени, веки позолочены. Огромные, как у фламандских щеголей, шляпы с желтыми, синими и зелеными перьями. Веселые красотки спускаются во двор, где их ждут мулы, на которых они поскачут галопом, распугивая кур и топча засеянные поля.

Полумрак. Зевающий писец склонился над протоколом судебных слушаний. Больше тут вроде бы никого нет. Но вдруг в каком-то углу, на

маленьком пятачке ницшеанского Вечного возвращения, возникают смутные фигуры: генерал Кейпо де Льяно в начищенных до зеркального блеска сапогах и идеально наглаженных *breeches* идет во главе делегации академиков и ученых (Диас Плаха? Доктор Дериси? Баттистеса? Д'Орс?). Эти люди намерены просить у короля поддержки и финансовой помощи для проведения Конгресса испанской культуры 1940 года.

Сумрачная средневековая Испания. Она пахнет отслуженной мессой и той последней свечой, которую погасил своим кашлем чахоточный служка.

Но тут Изабелла, маленькие графы и бдительная Бельтранеха вбегают в галерею, ведущую в спальню Энрике IV, где их уже ждет дон Грегорио, королевский камердинер. Он был подкуплен заранее и успел куда-то отослать стражников.

Но старик выглядит смущенным и что-то мямлит о досадной помехе, кивая на разлегшегося во всю ширину порога льва (внука того, что жил при короле Хуане). Полузакрыв глаза, в которых больше скуки, чем дремы, лев внимает ритмичному похрапыванию Энрике. Он не голоден, но и вести пустые разговоры не расположен. Как с ним поступить? Как умаслить? Резко пахнет зве-

рем. Зверем, который согласился на перемирие, но не покорился (всего три года назад он сожрал какого-то епископа).

Бельтранеха смотрит на эту сцену насмешливо. Старик пытается сдвинуть льва с места, робко пихая ногой в зад. Но тот лишь равнодушно зевает.

Тогда Изабелла делает шаг вперед и кричит:

— Пошел вон! А ну убирайся!

Никакой реакции. Тогда она дает льву крепкую затрещину. В ярости хватает за гриву и впивается острыми зубками ему в ухо. Короткое, грозное молчание — и враг отступает (решимость девочки, а вовсе не ее слабые удары, заставляет его подчиниться). Он показывает клыки, трясет огромной головой, а когда все же собирается рыкнуть, получает новый удар — прямо в морду. Нет, все-таки лучше подняться и лечь подальше, хотя бы вон там, у окна.

Дети переступают порог. Дону Грегорио позволено удалиться. Ему в любом случае не хватило бы духу взглянуть на голого монарха. Но первой в опочивальню проскальзывает Бельтранеха.

Тишина. Мерное дыхание крепко спящего человека. Изабелла цепляет прутиком подол его рубашки и по грудь обнажает тело.

Они видят бледные, хилые, волосатые ноги. Вы-

ше — что-то темное и непонятное. Однако, даже вглядевшись попристальней, невозможно различить неразличимое. Почему-то на ум им тотчас приходит хрупкий пергамент. Или ломтики сушеного персика, которые путешественник приготовил, чтобы взять в дорогу. Или съежившаяся за века кожаная сандалия римского легионера, сраженного у ворот Самарканда.

И как тут опять не вспомнить строки язвительного Альвареса Гато:

Вот погляди:
морской конек усох в песке,
лежит на берегу…
Ужели прежде
резвился он в волнах?

Маленькая Бельтранеха бледнеет. Но Изабелла прут не опускает. Юные графы смотрят и выносят свое суждение.

Не может быть никаких сомнений: в том, что они видят, нет ни малейшего признака жизни. Ни капли мужского сока. Беатрис де Бобадилья говорит, что *это* почему-то напоминает ей каменистый пейзаж Сории. А Хуан де Виверо говорит, что нет, скорее *это* похоже на пустые ракушки, которые прибой выбрасывает на берег в Канта-

брии. Мстительная Изабелла заставляет бедную Бельтранеху посмотреть туда же. Та дрожит и взрывается жалким криком:

— Все равно королевой буду я! Я! Ненавижу тебя! — И бросается бежать, спотыкаясь и едва не падая в слишком больших для нее материнских туфлях.

Когда Изабелла и ее свита возвращаются обратно, принцесса с довольным видом чеканит:

— Теперь вы сами убедились. Она не может быть его дочерью. Королевой буду я!

Так была объявлена война. Война амбиций против незаконной законности.

Он белокур и силен словно ангел, любила повторять его матушка Сусана Фонтанарроса. Да, этот мальчик не был похож на других. И не хотел осваивать унылое портняжное ремесло. Не хотел становиться ни ткачом, ни сыроваром, ни трактирщиком. Словом, отвергал все, что сулило спокойную жизнь.

Для него были живыми неистовые морские боги. Он без ложной скромности верил, что они и прежде уже не раз говорили с ним. Зимой — суровыми и хриплыми голосами, а тихими летними вечерами что-то шептали, но их шепот мог различить лишь избранный, посвященный.

Сейчас мальчик бежит вдоль кромки прибоя. Вдыхает нежный ветер, какой бывает только лунной ночью. Он почти раздет, но на ногах, как всегда, связанные матушкой толстые чулки, которые скрывают от посторонних глаз некую тайну. Мальчик бежит ровно, словно воспарив над землей, и в этом есть что-то завораживающее — так ритмично умеют двигаться лишь бегуны-ламы на тибетских плоскогорьях. И цель у него только одна — снять напряжение, расслабиться, укротить бурлящую кровь.

Он пробегает мимо Торре-дель-Мар и знает, что тамошний стражник, его дядя Джанни, тотчас сообщит об этом своим сыновьям, завистливой своре сыроваров и портных, уже учуявших в нем врага, разгадавших его мятежную природу — душу мутанта и поэта.

Он пробежал еще две лиги по изогнутому дугой берегу. Движения его стали почти автоматическими, как у натренированного спринтера. Потом поднялся по отмели, покрытой колониями мидий, а оттуда нырнул в воду — уверенно и решительно, как и положено посвященному. Смело поплыл в темноту. Замер, лежа на спине и вновь убеждаясь в своей сверхъестественной плавучести, потом позволил течению отнести

себя к берегу и выбросить на песок. Долго не поднимался, зачарованно глядя в небо широко открытыми, неподвижными глазами — точно такими же, как у мерлана, которого утром видел на городском рынке.

Он опять слышал хриплый шелест неустанных волн, который поглощали песок и мелкие ракушки. Стоит накатить очередной волне, как она, падая, разбивается брызгами пены — и ее тотчас всасывает земля.

Голос моря словно шепчет стихи, призывая его:

— Ко-лумб! Ко-лумб!

Море не говорит: “Ко-лом-бо”. Нет. Оно отчетливо произносит по-испански: “Ко-лумб”. Последнее “-лумб” звучит сухо и резко, даже повелительно. Или как будто говорящий торопится закончить слово, прежде чем чихнет.

Мальчик видел, как заря — та, что с пурпурными перстами, — осторожно приоткрывает завесу ночи (наверное, именно так Ариадна входила в убежище Минотавра).

Вода стала холоднее. Вдалеке на фоне уходящего мрака он заметил светящиеся белизной рубашки кузенов, которые двигались в его сторону по песчаной отмели с южной стороны.

Надо было бежать, спасаться от их неумолимой и тупой жестокости. И он помчался, забыв о боли в усталых ногах. Мощенная брусчаткой улочка привела его к крепостной стене, за которой уже зарождался утренний гомон молочниц и рыбаков.

И тут он понял, что попал в ловушку. Вся орава во главе с Сантьяго Баварелло, женатым на его сестре Бланките, стояла, перегородив узкий проход Вико-де-Л'Оливелла.

Мальчик в отчаянии начал колотить в запертые ворота. Но ответом было лишь ржание белого жеребенка из конюшни.

Он глянул на ряды деревянных балконов, украшенных горшками с геранью, и наткнулся на неподвижный взгляд Сусаны Фонтанарросы, которая с первыми лучами солнца села за пряжу.

Она понимала: ему нужно пройти этот ритуал. Ненависть и зависть людей заурядных готовят ее сыну испытание. Но оно лишь закалит и укрепит его доблесть. Ведь он — из породы титанов.

Послышались глухие удары. Сдавленные стоны. Его прижали спиной к воротам, из разбитого носа уже сочилась кровь. Колотили в ребра, в живот, от тычка в солнечное сплетенье перехватило дыхание. Он еще раньше успел убедиться,

что кулаки наливаются силой как от страха, так и от накопившейся обиды. Его били молча. С холодной профессиональной расчетливостью отыскивали самые уязвимые места.

Из конюшни вышел ослепленный злобой Сантьяго Баварелло, на одной ноге у него был сапог с железными шипами. Такие сапоги в их семье обували, когда отправлялись в горы искать заблудившихся коз.

Кто-то крепко держал раздвинутые ноги Христофора. Баварелло примерился и дважды ударил. Пронзительный крик. И блаженный обморок — спасенье для истязуемого.

Он остался лежать на улице, а они поспешили к завтраку, который уже ждал их на очаге.

То была месть. Самая обычная месть. Их терпение лопнуло, когда он заявил, что не будет чесальщиком шерсти.

— Я стану мореходом, — сказал он тихо и скромно. И словно высыпал мешок пауков на уютную, сверкающую белизной воскресную скатерть.

Женщины жалели его и плакали, сидя на своих балконах. Сестра, кузины и юная тетка. Все женщины в душе встают на сторону Того, Кто Дерзает. Он будто овладевает ими (в метафизическом, конечно, смысле) и всеми вместе, и каждой по

отдельности; а кроме того, в своем воображении расчленяет их, чтобы затем вновь восстановить, но уже отбрасывая пороки и шлифуя достоинства, и делает это очень тщательно, будучи уверенным в своей непогрешимости.

Всхлипывая, поглядывали они на Сусану Фонтанарросу. Но она была тверда как скала и даже не подняла глаз от пряжи. Лишь процедила сквозь зубы:

— Что с ним ни делай, все впустую. Он из племени исполинов. Никто и ничто его не удержит.

Ландскнехт Ульрих Ницш забрел в Вико-де-Л'Оливелла, чтобы набрать свежей воды во флягу. Кем он был? Дезертиром, бежавшим с полей сражений, проигранных безрассудными и самонадеянными правителями. Страдальцем, испытавшим на себе все беды, которыми чревато абстрактное мышление с его роковыми безднами. Жертвой теологической нетерпимости, тирании иудеохристианского монотеизма и банды его вооруженных проповедников. В скитаниях своих он двигался все время на юг и наконец достиг солнечных земель, где цветут лимоны.

Он мечтал валяться под виноградными кустами, беспечно воровать груши, засыпать среди античных руин, где *тень его будет оживать в*

танце. Послеполуденный отдых фавна, но непременно в обличье Аполлона.

У него был вид воина, который выбрался живым из пекла жестокого боя и ушел от погони варваров. И теперь он вызвал переполох среди рыбаков. А портные тут же громко защелкали ножницами, дабы предупредить собратьев по цеху о появлении опасного чужака.

Его усищи топорщились, как шерсть у кабана, самку которого выследили и коварно убили охотники. Взгляд был как у тигра, загнанного в клетку: глаза с коричневыми прожилками метали золотистые искры. От него пахло потом, как от путника, долго ночевавшего под открытым небом. Пахло кожей военного снаряжения и проржавевшим под дождями оружием.

Он поднимался к Вико, грохоча коваными сапогами и звякая старыми ножнами. Кто бы поверил, что путь его лежал от самого Савойского герцогства, где был он застигнут *in fraganti*[10], когда обнял лошадь и поцеловал в морду — прямо посреди площади Сан-Карло, за что его обвинили в скотоложстве.

Он бежал от холодной могилы туманов. Искал

---

[10] Примечания: 10
На месте преступления *(лат.)*.

возможность жить так, чтобы не превратиться в собственную тень.

В ненавистном ему Берне, городе часовщиков, он осмелился сказать, что “человек — это то, что до́лжно преодолеть”. В ту же ночь его жестоко избили. (С той поры он ревниво оберегал эту страшную тайну и мог открыть ее только тем, кто заложит фундамент Империи.)

Некоторые исследователи, например Гюстав Тибон, полагали, что он оказался на юге, решив получить место в швейцарской гвардии Ватикана. Нет, планы его были иными, более высокими. Скажем, в данный момент он желал быть свободным, праздным и неукротимым, как те его предки, что голыми скакали на конях по промерзшим германским лесам, спасаясь от общественного порядка и коллективного образования.

“Морской воздух опалит мои легкие; гибельный климат покроет загаром”[11]. Эта мечта была самым опасным его проступком, самым главным предательством, который не простил бы ни один из военных трибуналов тех времен.

Так вот, доподлинно известно, что источника

---

[11] Примечания: 11
Артюр Рембо. Дурная кровь. Перевод М. Кудинова.

он в Вико так и не нашел. Зато наткнулся на белокурого юношу, лежавшего без сознания в *cortile*[12].

Ницш смочил ему виски и губы водой с уксусом и, чтобы как-то утешить, сказал с жутким германским акцентом:

— Держись, парень. То, что не убивает нас, делает нас сильнее…

Но продвинуться дальше основ сей варварской педагогики ландскнехт не успел, так как ему пришлось и самому поскорее уносить ноги. Совсем близко были мальчишки, которые гнались за ним от самого порта. Уже слышны были их вопли. До него долетали первые камни. (Тогда в германцах все еще видели варваров, грязных оборванцев и бездельников. Таких же варваров, как болгары или цыгане.)

Юный Христофор навсегда запомнит эти тевтонские усищи. Вода с уксусом показалась ему сладкой.

Мачта “Санта Марии”? В ту пору она еще была стволом огромного пиренейского кедра, росшего на крутом берегу в Сантандере.

Во время январской грозы молния опалила

---

[12] Примечания: 12
Двор *(итал.).*

верхушку дерева — как раз в том месте, где потом укрепят марсовую площадку. (Родриго де Триана находился именно там, в “вороньем гнезде”, когда закричал “Земля! Земля!”, рассчитывая получить обещанную награду — сто тысяч мараведи, но коварный Колумб захапал их себе, записав в бортовом журнале, будто видел “свет” еще накануне ночью.)

Итак, то был кедр, чья жизнь прошла в отчаянной борьбе с дикими ветрами Бискайского залива. Он вырос на пустынном склоне горы, где было больше камней, чем земли, цепляясь за них корнями, похожими на тигриные когти.

Кедр бывал счастлив только в апреле, когда прилетал сюда легкий ветер с земли, принося мирный запах конского навоза, мычанье коров и голоса крестьян, перекликавшихся в вечерних сумерках.

Галисийские рыбаки заметили кедр с моря (а до них к нему не приближался ни один человек). И сразу решили, что из него получится отличная грот-мачта. Целое утро они карабкались на кручу, и всего часа им хватило, чтобы свалить дерево.

За день они обрубили все ветки и ближе к ночи погрузили на палубу готовую мачту — ровную, гладкую, без опасных сучков.

Ее продали на верфи в Ла-Корунье. И там на ней остановит свой выбор хозяин и строитель “Галисийки”, позднее переименованной в “Марию Галанте”, которую Колумб наречет “Санта Марией” — и вместе с новым именем словно возвратит ей девство.

Ранние годы избранного были безмятежными. Только такими они и могли быть в тогдашней Генуе. Генуе лавочников. Генуе, защищенной от воинственных соседей кольцом суровых гор. От соседей — и от культуры. В Генуе, где умели радоваться лишь стуку ткацких станков, удачным торговым сделкам да нехитрым плутням с векселями.

Это было непрошибаемое невежество, не ведавшее о существовании всяких там Данте и Микеланджело, и оно стояло на страже общественного порядка и муниципального прогресса. Католическая церковь была здесь не слишком строгой, она вполне терпимо относилась к иудеям и маврам, зато не одобряла интереса некоторых молодых людей к мистике и теологии, способных отвлечь от служения полезному и конкретному. Город умел жить в согласии с Ватиканом: раз в полгода отсылалось туда подношение в виде больших партий саржи для сутан — по цене всего

в два цехина.

Генуя. Горы в три ряда, точно акульи зубы, отгораживали ее от новой эпохи, защищали от ветра глубоких перемен.

Правда, по морю сюда порой проникали турецкие или венецианские корабли. Но если судну удавалось подплыть достаточно близко к скалистым берегам, на экипаж обрушивалась вся ярость лавочников, сразу хватавшихся за оружие. (Как известно, самое отчаянное сопротивление оказывают те, кто почитают себя беззащитными, или праведниками, или беззащитными праведниками.) Плохо приходилось беспечным пиратам. Дело довершали бродячие псы. Они спускались на берег и пожирали растерзанные тела.

Именно в детской поре Христофора следует искать ключ к его будущей силе. Как он рос? В атмосфере незатейливых семейных традиций, черпая любые познания — поостережемся называть это образованием или воспитанием — в приходской церкви. Ему повезло, его не задела чума, он не знал власти победоносных дуче.

Мальчик мягко втягивался в систему заблуждений и устрашений своей эпохи. А та вкрадчиво готовила его к мрачной и благоразумной покор-

ности.

Священник падре Фризан после баньи кауды[13] или густого песто, которые обычно служили завтраком в дождливую зимнюю пору, заводил рассказы об огненных драконах у адских врат и о вечных (вечных! вечных!) муках, а иногда брался расписывать доброту Иисуса Христа, да так, словно речь шла о собственном его богатом и влиятельном двоюродном дядюшке, который обитал где-то далеко и которым было так приятно похвастаться.

А еще он давал им уроки тогдашнего сурового милосердия: убей мавра, разорви на куски, но потом не забудь помянуть его в воскресной молитве (и даже попроси для него местечко попрохладней в чистилище для неверных).

И надо признать, что именно падре Фризан заразил Христофора страстной и мучительной мечтой о Рае. В одну дождливую пятницу (в самый разгар зимы), осушив за обедом целую бутыль *Lacrima Christi*, священник изумил детей рассказом о берегах, покрытых белейшим песком, о пальмовых рощах, что перешептываются с ласковым ветром, о ярком полуденном солнце

[13] Примечания: 13

Банья кауда — блюдо пьемонтской кухни: горячий соус, в который макают овощи.

и небе эмалевой голубизны, о кокосовом молоке и несказанно сладких фруктах, о нагих людях, которые плещутся в прозрачных струях, и о звучащих там нежнейших мелодиях. О разноцветных птицах. Об их трелях. О кротких хищниках и крошечных колибри, вкушающих нектар розы. О земле ангелов, совершенных существ, не знающих времени. “Вот что такое Рай! Вот откуда нас изгнали по вине Адама и иудеев! Вот почему только смерть кажется нам верным способом избавиться от грязной и безрадостной плоти, от череды унылых дней! А Рай — это мечта, детки! Нет ничего прекрасней Рая…”

Священник был так взволнован, что не мог сдержать слез. Какая боль! Какая тоска! Хотя представление о Рае он, надо полагать, составил себе по гравюрам из тех соблазнительных и гнусных книг — поддельных дневников странствий, — что уже начали изготовлять в Венеции на новомодном аппарате, названном печатным станком.

Дети были потрясены его рассказом. Вечером Христофор заснул в слезах. Теперь он понял, что случилось ужасное несчастье. Владея всем, мы все потеряли. Нас лишили настоящей жизни!

В их доме царит белый цвет: овечьи шкуры

на стульях и лавках, шерстяные покрывала на кроватях, молоко для сыра в крынках, мучная пыль, которую поднимают дядья-булочники. И неизменные белые нити в руках Сусаны Фонтанарросы, его матери.

Из чесальной машины выходила белая шерсть — мягкая, воздушная, больше похожая даже не на снег, а на сахар. Стоило дунуть — и белые комочки взлетали вверх, кружились, парили в воздухе.

По субботам Доменико, отец Христофора, ровно в семь садился за стол, придвигал к себе кувшин вина из Чинкве-Терре и заводил песню. В восемь, уже изрядно взбодрившись, брался за мясо. В девять вопил с простецкой удалью:

Сгинь, чума!
Сгинь, чума!
Будем жить веселей!

Следом шли песни и вовсе уж непристойные, как, скажем, небезызвестный “Пилигрим”, и Сусана Фонтанарроса спешила запихнуть сына в постель, накрыть с головой толстым шерстяным одеялом, а потом поплотнее задвинуть ставни на окнах, выходивших на улицу.

Со стола падал и разбивался стакан. Смех сменялся вязкой тишиной. Опять лилось вино.

Доменико пел один. Славил Господа. В третий раз подсчитывал выручку за полмесяца.

Иногда сын подсматривал из-под одеяла и видел: влажное от пота женское тело с прилипшими завитками волос, рядом — розовокожий Доменико, похожий на огромного индюка, общипанного бабушкой перед Рождеством.

Они занимались своим делом с чистым и простодушным крестьянским упорством. А как же иначе? И весь тогдашний феодально-католический уклад служил им в том надежной опорой. Потом они засыпали — довольно похрапывая.

Да, они были снисходительны, горды собственной заурядностью, не знали страстей, которые приоткрыли бы им путь к славе или хотя бы к бунту против косной рутины. И пуще смерти боялись одного: что их сын будет лучше, чем они. Что станет он поэтом, мистиком либо кондотьером. Доблесть воинов казалась им дымом. Культура — опасной. О героях и открывателях новых земель или людях подобного склада — нечего и говорить.

Семейство Коломбо было в меру религиозно. По воскресеньям они ходили к мессе — послушно, торжественно и не без известной доли здорового скептицизма, поскольку мелкие буржуа всегда

с некоторым подозрением относятся ко всему Великому.

Молва называла их иудеями. Да, среди родственников-портных многие могли похвалиться и крючковатым носом, и заостренным книзу ухом.

Случалось им есть птицу, кровь из которой напоказ выпускали в особом дворе в Вико, чтобы о том наверняка узнали и семейство Берарди, и управляющий дома “Спинола”, большой мультинациональной компании.

Они считали себя скорее италийцами, чем генуэзцами. Скорее рабами одного великого Бога, нежели католиками (они хорошо знали, что из-за враждующих между собой богов и велись на земле самые жестокие войны).

Итак, они были скептичны, эклектичны, синкретичны — и мудры. Одним словом, ловили рыбку в мутной воде конъюнктурного политеизма.

Сын принес им первое большое огорчение в девять лет. Он показал характер. Все произошло сразу после причастия: Христофор, как и все, съел кусочек Бога, благоговейно закрыв глаза, а потом стащил у зазевавшегося ризничего алфавит и картонку с образцами букв. Священник прекрас-

но знал, какая опасность таится в двух дощечках алфавита, и хранил их с особым тщанием. (В те времена лишь один-два отпрыска из каждой знатной семьи рисковали пуститься в нелегкое плавание по четырем действиям арифметики или окунуться в непостижимый мир грамматики.)

А Христофор за три ночи при свете свечи сумел-таки проглотить всех этих черных, вездесущих и непоседливых жучков под названием “буквы”. А еще их можно было назвать запретными плодами с Древа познания. На четвертую — и тем памятную — ночь он составил первое слово: ROMA. И задохнулся от колдовского восторга, когда смог прочесть его еще и наоборот: AMOR.

Через неделю ему уже удалось разобрать главное установление падре Фризана: “Нож в спину врагу терпимости и веры в Господа нашего Иисуса Христа”.

Преступление Христофора раскрылось. Он стоял в желтом колпаке, и мальчишки-подлизы плевали в него. Получил он также тридцать ударов линейкой по ступням. И, надо сказать, легко отделался. Поскольку никто не мог даже вообразить, что он уже выучился читать, сняв точные копии с двух запретнейших дощечек.

Эту тайну мальчик тщательно оберегал.

На улочку Олика порой забредали странные люди — в провощенных сапогах и передниках с прилипшими к ним водорослями и ракушками. От них пахло солью, гаванью, растоптанными моллюсками. Они всегда казались насквозь промокшими, даже если светило солнце.

Это были люди моря. Они приносили корзины с живыми игрушками: морскими ежами, крабами, раками и лангустами, которые, стоило их чуть подтолкнуть, начинали медленно двигать своими бронзовыми антеннами.

Христофор смотрел на этих чудищ издали, они были страшны, но не омерзительны, в отличие от пауков, сороконожек и прочих земных тварей.

Люди моря всегда говорили очень громко. И раскатисто хохотали. Портные с опаской просовывали свои носы сквозь балконные решетки. И злобно смотрели, как их женщины, взвешивая на руке рыбу или проверяя, насколько красны жабры у мерлана, не только охотно выслушивали, но и неуклюже поощряли вольные шутки рыбаков — с намеками на аппетитные формы покупательниц.

Порой пришельцы от слов переходили к делу. И до балконов долетал звук мягкого шлепка. Тогда

портные хватали ножницы и принимались щелкать уже решительней, изображая, будто готовы вот-вот кинуться в бой.

Людей моря следовало угощать вином, пусть даже самым плохим — им было все равно. Видно, глотки их совсем огрубели от соли.

Они рассказывали истории про шторма, неведомые созвездия или плывущие по воле волн корабли, на которых нет ни одной живой души, а в очагах все еще горят поленья.

Люди моря отчаянно сквернословили и щедро раздавали мелкую рыбешку вдовам и калекам, почему те и шли следом за ними, словно чайки за каравеллой.

Они жили по иным законам, что было сразу понятно. И врали без зазрения совести: о том, как пообедали на спине у кита святого Брендана величиной с остров, как их товарищи вступали в схватку с гигантским спрутом или косаткой-убийцей и лишались рук.

Один из них поведал покрасневшему от смущения Христофору, что как-то раз Мальстрём затянул его в страшную бездну. Там он потерял сознание, а очнулся уже на берегу Бристольского залива, где жизнь ему спасла веснушчатая крестьянка, напоив молоком из собственной груди.

Христофор глядел на него с восторгом. Морской человек протянул руку и потрепал белокурого мальчугана по щеке. И тот почувствовал, как больно царапнул кожу жесткий, потрескавшийся и покрытый солью палец. Мальчик поднял глаза и увидел сухие губы и всего несколько зубов, желтых, цвета нарвальего рога.

Ребятня бежала за рыбаками до самого порта, куда те возвращались с деньгами, полученными от портных и ткачей. В порту они горланили песни и хлестали вино. Захмелев, кидались на необъятных сирийских проституток — жирных, ленивых, наряженных в пестрые тряпки, лежавших на жалкой роскоши дешевого бархата. Но тут мальчишкам приходилось отлипать от узких оконцев — к ним уже спешил хромой Стаффолани, потрясая дубинкой муниципальной морали.

С тех пор Христофор знал, что море — это совсем другой мир. Море, оно похоже на сурового, гневливого, капризного бога. И могло вести себя точно так же, как начальник дворцовой стражи Риццо, когда его дочь Нинфетта удрала в горы с ризничим. Если море ревело особенно грозно, Сусана Фонтанарроса спешила поплотнее задвинуть ставни. А к вечеру хорошо укутанным детям ткачей и сыроваров позволялось выйти на берег

и посмотреть вблизи на этого взбесившегося зверя.

С высоты было хорошо видно, как колотил он своими лапищами по песку. Был слышен густой, вновь и вновь накатывавший грохот. Ветер в клочья разрывал соленую пену, напоминавшую слюну закованного в цепи и обезумевшего праведника. Зверь швырял на песок рыб, морских тварей, обломки кораблей. А бывало, и щупальца гигантского кальмара.

Чтобы успокоить разъярившегося бога — когда приступ бешенства длился у него дольше трех дней, — в ближней деревне покупали ребенка-урода и, надев на него плащик из куриных перьев и ожерелье из сухого инжира, чтобы облегчить несчастному полет в чистилище идиотов, бросали с кручи в воду.

А когда зверь утихал, можно было снова без опаски рыбачить. О недавнем буйстве напоминали раскиданные по берегу и разбитые о камни рыбы-скаты, раковины и обломки досок. Однажды к берегу прибило даже кита, которого поделили меж собой акулы и нищие.

По правде говоря, ацтеков волновало лишь одно: как решить наконец солнечную проблему. Они стали заложниками собственной несокру-

шимой веры, вбив себе в голову, будто их боги, пьющие лишь кровь, вечно испытывают жажду. Вывод был один: без великого и последнего переливания крови уже не обойтись. Только многотысячная жертва сможет вернуть силы анемичному светилу и поможет ему дожить до конца нынешнего временного цикла.

Уаман Кольо, посланник Инки Тупака Юпанки, надевал положенные знаки отличия, готовясь к заключающему этапу переговоров. В Мехико-Теночтитлане луны текли так же быстро, как зерна маиса сквозь пальцы юной девушки, когда она готовит тамали. Ему казалось, что он уже очень давно поднимался со своими людьми на плотах по реке от Перу к берегам ацтекской конфедерации.

Трудно договориться о чем-то с людьми, чья воля уже целиком подчинена безрассудным богам.

К тому же они слишком верят в роковые пророчества. Не видят разницы между символом и реальностью. Покорно ждут, когда исполнятся предсказания их изгнанного правителя Кетцалькоатля (Пернатого змея): “Я вернусь в год 1 Тростник” (1519). Почему они так уверены, что их солнце умирает? На главной площади Куско, на Уакайпате, к ногам Инки тоже упал мертвый

орел. Ну и что с того? Нельзя же приравнивать смерть орла, у которого вдруг остановилось сердце, к концу империи!

Они верили, что Земля — это мирно спящая в иле ящерица. Глупцы! Давно пора было понять, что Земля — это пума в момент прыжка из мрака в туман. А жизнь…

Трудно договориться о чем-то с людьми, которые магию и собственные фантазии выводят за разумные рамки науки и логики чисел.

Он надел на голову корону маскайпачу и вышел на балкон, откуда хорошо были видны Торговая площадь и Большая пирамида. Теночтитлан! Теночтитлан! Неистовое праздничное веселье! Роскошный звон гонгов. Мальчишки ударяют по ним обсидиановыми ножами, когда вниз уже спустились жрецы, забрызганные жертвенной кровью.

Закатный час. Праздничный вихрь. Гомон и шумные игры. Толпы людей на улицах. Город похож на муравейник, по которому растеклись медовые реки.

Зазывные крики продавцов и менял. Перехлесты петель купли-продажи. Эта опасная суета знакома Уаману: ее сеют вокруг себя только торговцы. У них есть даже собственный бог

— Якатекутли. Но разве достоин он места в священной иерархии? Не слишком ли много чести? Уаман, как и подобает чиновнику, стоял на позициях ортодоксального и официозного социализма, и его такое почитание этого бога не могло не возмущать. И вообще, само устройство здешней жизни было оторвано от реальности (как можно, скажем, отрицать науку кипу?[14]). Этим ацтекам никогда и в голову не пришло бы принять закон, подобный тому, что ввел у себя недавно Тупак Юпанки для тех, кто трудился в рудниках: шестичасовой рабочий день и работа не больше четырех месяцев в году… Да, именно так: шестичасовой рабочий день!

Бешеный жизненный вихрь. Голоса певцов, которые порой заглушаются криками солдат, которых обучают играть в мяч. С вершины храма бога дождя и грома Тлалока доносится мрачный бой барабанов, а потом — одинокий, пронзительный и отчаянный вопль жертвы. Опять жрецы, эти злосчастные прислужники божьи, вырывают у кого-то сердце — чтобы вложить его в грудь

[14] Примечания: 14

Кипу — узелковое письмо, существовавшее у ряда народов Южной Америки.

Чак-Мооля[15].

Снуют в толпе цветочники. Хлопают крыльями плененные туканы. Паясничают на шестах обезьяны, которых хозяева вынесли на продажу. Резкий запах острых соусов и тортилий с начинкой из собачьего сердца. Теночтитлан! Неугомонный праздник. Беспечная и веселая жизнь, какая бывает лишь в больших городах.

Да, ацтеки знали толк в изящном, но совсем не ценили точности. Вполне терпимо относились к свободе торговли и к лирике. А вот Империя инков была, наоборот, геометричной, симметричной, статистичной, рациональной и двумерной. Иными словами, социалистичной.

Пропели рожки и раковины, по традиции возвещавшие приход сумерек. И сразу же, как и предписано ритуалом, в комнату вошла прелестная девочка из племени тлашкальтеков. Она принесла стакан пенистого какао и чашу, доверху наполненную перышками. Уаман сделал то, чего она так ждала: зачерпнул горсть перышек и, дунув, пустил их в сторону окна. Переливаясь всеми цветами радуги, пушистое облако взмыло над их головами. Уаман почувствовал, как спала с него

---

[15] Примечания: 15

Чак-Мооль — у индейцев майя скульптурное изображение богов.

чиновничья спесь. Снова и снова повторял он эту игру. Пока чаша не опустела. Пестрые перышки продолжали парить в воздухе, порхали и кувыркались, точно молодые бабочки, прилетевшие сюда из жарких земель. Те, что заменяют богам верткие бумажные конфетти. Сколько красоты и счастья дарят они в краткий миг своей жизни!

— Итак, вы полагаете, что есть смысл идти войной на земли бледнолицых? — с сомнением в голосе обратился Уаман к текутли, знатному чиновнику из Тлателолько.

— Эти земли мы могли бы завоевать, установить там свою власть, — сказал текутли, словно не услышав вопроса.

Уаман уже понял: им нужно двадцать или тридцать тысяч бледнолицых варваров, чтобы в год 219-й по ацтекскому календарю открыть храм Уицилопочтли и не дать солнцу погибнуть от малокровия. “Ведь кровь у всех у нас одна — у зверей, людей и богов”.

— Давайте завоюем их. Освободим. Высадимся на их берегах, — твердил ацтек. — Вы, инки, разгадали тайны морских течений. Разве нельзя…

Уаман Кольо помнил, сколь осторожен и разумно недоверчив был в этом вопросе его господин Тупак Юпанки. Легко догадаться, что торговцы

из Теночтитлана давно мечтают нарядить бледнолицых в шкуры ягуаров и гризли или в плащи из перьев. Подсадить на табак и коку, порадовать яшмой и какао.

Сколько раз эти бледнолицые, бородатые, сильные и недалекие, в погоне за тунцом — на большее у них ума не хватало — терпели бедствия в теплом море или высаживались на острова, чтобы запастись пресной водой и фруктами. А потом спешили вернуться в свое холодное море.

Даже ацтеки, не слишком умелые мореходы, не раз с ними встречались. Например, когда отправлялись исследовать то место (две недели пути от Гуанахани), где сливаются воедино потоки воздуха и воды, образуя недвижное озеро среди моря. Там скапливался всякий хлам и мусор из обоих миров: ритуальная трубка и раздувшееся как бурдюк тело собаки-фокстерьера, жезл касика и несколько тонких кишок, завязанных с одного конца узелком (якобы изобретение лорда Кондома), которые летними ночами любовники щедро бросают прямо в Темзу. Голова коня, отсеченная сарацином в приступе подлой ярости, и набедренная повязка из оленьей кожи (ее тесемки весело вились в воде), а также деревянные четки с крестом, потерянные каким-нибудь га-

лисийским священником во время праздника в честь местной святой.

Ацтеки тщательно изучили все эти предметы и, применив дедуктивный метод, составили себе некое представление о мире бледнолицых. Он показался им малопривлекательным. Кроме того, ацтекам случалось наблюдать также исландских мореходов, хотя теперь они заплывали сюда гораздо реже, чем в предыдущие века. Но в любом случае инки знали гораздо больше, чем ацтеки.

Вот и сейчас, не слишком вдаваясь в детали, Уаман рассказывал об их первых попытках трансатлантических перелетов. Как о чем-то вполне обычном, он сообщил текутли, что им удалось пролететь над Курящимися Островами (Канарами) и над оконечностью Носа Ягуара (Иберией).

А потом как можно небрежнее, дабы не ранить болезненного ацтекского самолюбия, заметил с подчеркнутым безразличием:

— Один из наших шаров достиг Дюссельдорфа. Там тоже обитают бледнокожие, и выглядят они не слишком счастливыми.

Речь шла об огромных шарах из тонкой ткани, выделанной на Паракасе, с маленькой тростниковой корзиной, которые поднимались в раскаленный воздух Наски и Юкатана. Ими

управляли те, кто постиг трудную науку о движении теплых ветров. “Небо, оно как море, только это море совсем иное”.

Текутли понял, что вряд ли ему удастся пробудить у инков хотя бы малейший интерес к бледнолицым. Они ни за что не согласятся участвовать в имперском походе в холодные земли. Иными словами, переговоры закончились провалом.

Уаман был неисправимым скептиком. Он считал, что люди — это злая шутка, придуманная богами, чтобы унизить животных. Люди — часть неразрывного целого и ведут свое начало из общего источника, но почему-то либо отчаянно тоскуют по прошлому, либо отдаются несбыточным мечтам. У них две ноги, как у макак, но ходят они неуклюже, так и не сумев приспособиться к реальной жизни на земле. И ждут возвращения к Открытому — туда, где нет теней. Ради чего же тогда тратить силы на подвиги, на новые завоевания?

Затем Уамана церемонно ведут на пир в императорский дворец. О нем расскажет нам третья часть *Codex Vaticanus C,* навсегда погибшего в огне вместе с другими ацтекскими документами по приказу свирепого архиепископа Сумарраги.

Итак, они входили в *Codex* медленно и важно. “Торжественные, словно карточные короли”. Ведь то был их последний пир. Юноши и девушки, выстроившись в два ряда, приветствовали гостей, взмахивая опахалами из пестрых перьев. Идеограммы не сохранили последней попытки текутли, который, вне всякого сомнения, был весьма опытным политиком, переманить Уамана на свою сторону, когда он сказал:

— Ну что ж, давайте поскорее пообедаем… пока бледнолицые не поужинали нами!..

Холодное туманное утро похоже на серый воздушный шар, который пытаются проколоть первые солнечные лучи. Осенний ветер налетает на крепостные стены вокруг дворца.

Вернулись охотники. Стук копыт, пение рожков, созывающих возбужденных собак. Дети, стражники и люди с кухни сбежались, чтобы поглазеть на добычу, еще окутанную последним дыханием жизни.

На самой верхушке колокольни (и как она, интересно знать, сумела туда забраться?) маячит Бельтранеха. На ней немыслимое боа из перьев ибиса, наверняка украденное у одной из дворцовых потаскушек. Лицо подкрашено в модные цвета: лиловый, желтый и красный, но явно без

помощи зеркала. Ветер пытается сорвать остроконечную, как у феи, шляпу, с которой она никогда не расстается, и длинная вуаль обвивается вокруг колонок звонницы.

Чуть пониже, но так, чтобы можно было хорошо разглядеть водоем и утоляющих жажду всадников, сидят меж зубцов крепостной стены Изабелла и ее друзья. Кузен Изабеллы, принц Фердинанд Арагонский, прибыл сюда инкогнито, не пожелав, чтобы краткая остановка в пути превратилась в скучный — и нежелательный — официальный визит.

На Фердинанде костюм зажиточного пастуха. Принц скорее похож на горца: светло-каштановые волосы, широкое плоское лицо и живые лукавые глаза (как ни странно, миндалевидные). Молокосос с поступью короля. Он расхаживает меж мулами — что-то проверяет и подправляет. Потом приказывает:

— В Сарагосу мы выедем еще до полудня.

Ему подносят бурдюк с вином, он жадно пьет. И, откинув голову, отыскивает взглядом то, что на самом деле больше всего интересует его в этом мрачном дворце.

Можно залюбоваться тем, как ходит он по каменным плитам, по-военному звонко печатая

каждый шаг на темном граните, когда каждый шаг его — это шаг настоящего мужчины. Почти так же решительно и по-королевски ступал в свое время его дед. Фердинанд уже пересчитал охотничьи трофеи: зайцев и кроликов, растерзанных собаками (которым так и не удалось привить английскую дисциплину), забитую дубинками кабаргу и двух кабанов, истекающих кровью — вязкой, густой и все еще теплой.

Слуги начищают потускневшую от сырых туманов бронзу. Укладывают в ящики кинжалы, шпаги, арбалеты. Заметим, что излюбленным оружием этих не слишком изысканных храбрецов была дубина. Ею владели они с особым мастерством и легко могли уложить даже дикого быка. (Арагонцы тренировали руку, охотясь на каталонцев, людей толковых и трудолюбивых, обреченных служить заслоном для всех прочих испанских земель.)

Снова раздается голос Фердинанда. Он велит привести собаку, струсившую во время атаки на третьего кабана. Берет легкий лук и, не внимая мольбам жалостливого слуги, выпускает стрелу, которая пронзает пса насквозь, от затылка до хвоста.

И сразу понятно, что только настоящий муж-

чина способен, не колеблясь, принести дорогую собаку на алтарь правосудия. Стражники с алебардами наблюдают за расправой в печальной задумчивости (справедливая жестокость всегда почиталась в Испании).

Но дело было, как все поняли, вовсе не в собаке. Выстрел этот много говорил о решимости и силе характера Фердинанда. (Не трепыхнулось ли в этот миг сердце у Атауальпы, последнего Инки?)

Изабелла — с трогательной косицей, в коротком плаще — крепко ухватилась за шершавый камень зубца и перекинула голые ноги через стену наружу. Фердинанд сделал вид, будто подтягивает подпругу у мула, а сам исподтишка бросил взгляд наверх. Взгляд стальной, жесткий, акулий. Взгляд, который взлетел по гранитному скату, мягко замер на крепких икрах Изабеллы и затем скользнул к последней тревожной тени! В ушах у Фердинанда почему-то зазвенело от слабости. Он судорожно глотнул воздух и вскинул голову, как попавший в трясину олень. Или как боец, получивший удар с неожиданной стороны. И только из-за этой дразнящей тени, похожей на лисий хвост, что мелькнул на рассвете в зарослях ежевики.

Глаза Изабеллы впились в затылок юного ара-

гонца. Он напомнил ей холку быка в период гона, шар власти или колено римского гладиатора.

Девочка-принцесса почувствовала, как ноги ее слегка раздвинулись, потом она мягко вспорхнула и стала кружить в сером воздухе над затылком кузена. Словно бледная бабочка-недотрога, что порхает вокруг огня. Но когда вспотевший от волнения Фердинанд протягивал руки, чтобы схватить ее, она поднималась чуть выше, целиком отдаваясь капризной и хрупкой игре в полет. При этом она изображала из себя невинную дурочку.

Маленькая Хуана Бельтранеха затаив дыхание следила за этой сценой и хорошо понимала, что именно происходит на ее глазах.

Она не могла сдержать злых слез и несколько раз отчаянно взвыла, а потом заскулила, как несчастный зверек, которого вот-вот настигнет поток воды из разлившейся реки.

— Брат и сестра не должны так смотреть друг на друга!

Бельтранеха всей тяжестью своего тела повисла на веревках и в бешенстве стала раскачивать язык колокола. Боа из истрепанных перьев безнадежно запуталось вокруг них. Правда, колокольный звон больше походил на стук дождя из

стекольных осколков.

И тогда Хуана скользнула по канату вниз (легким облачком летела за ней следом небесно-голубая вуаль). А спустившись, бросилась в исповедальню к духовнику принцесс Торквемаде. Из мрачной деревянной кабины, где монах проводил целый день в ожидании соблазнительных признаний, исходил странный и резкий запах французского писсуара.

Священник выслушал новость, но не успел промолвить ни слова, так как охваченная отчаянием Бельтранеха уже мчалась к трону своего отца, короля Энрике, чтобы побыстрее сообщить ему: Изабелла потеряла невинность и самым непристойным образом отдалась своему кузену Фердинанду Арагонскому, переодетому пастухом.

— А это значит, что никогда, никогда не носить ей кастильской короны!

Между тем арагонцы, весьма похожие на разбойников, разложили на красных от крови плитах свою добычу. Поодаль лежала кабарга, которую они собирались зажарить прямо в поле по дороге домой.

Но самый главный трофей — кабан, покрытый засохшей кровью и комьями грязи и навоза, с

расщепленной стрелой, впившейся ему точно в глаз, не был предназначен королю, как следовало ожидать.

То был дар любви, о чем и гласил *billet-doux*[16], адресованный Изабелле:

Для Изабеллы, принцессы кастильской,
сей поверженный кабан с нежным мясом…
Незнакомец

И не было никакого сомнения, что столь незатейливые слова несли в себе тайный смысл. Изабеллу привел в такое смятение этот кусок пергамента с черными пятнами крови, что она убежала, чтобы поскорее спрятать его в свой молитвенник.

Пять недель спустя безымянный посланник прибыл в Сарагосу, в королевскую резиденцию, и передал принцу Фердинанду, бывшему также королем Сицилии, крошечного сахарного кабанчика с нацарапанной булавкой гривой. Грудь его пронзала щепочка, раскрашенная в пурпурный с желтым цвета. Никакого письма к нему не прилагалось.

Сей трогательный и понятный без слов символ

---

[16] Примечания: 16
Любовная записка *(франц.)*.

изготовила Изабелла тайком от Хуаны, Торквемады и прочих придворных соглядатаев.

Совсем легкий срез, вроде бы обрезание, но как бы половинчатое, — вот что, по мнению Доменико, было нужно Христофору. Ведь не сегодня завтра ему предстоит пуститься в жизненное плаванье.

Отец с сыном направились в *гетто*. Глянув с высокого холма на море, Доменико с досадой бросил, вроде бы уже смирившись с неизбежным:

— Вот к чему ты рвешься! Но будь уверен: тебя ждет разочарование, и ты не без сожаления вспомнишь козлы чесальщика и нашу спокойную жизнь. Вспомнишь похожие один на другой вечера, мирные беседы за ужином и крепкий сон в собственной постели. Бог Яхве посылает гордыню нам в наказание, мой мальчик. И, чтобы погубить человека, достаточно всего лишь дать ему то, о чем он мечтает.

Они вошли в лачугу Ибн Соломона — то ли раввина, то ли знахаря. Чего тут только не было! И всякие старинные вещи, и каббалистический хлам. Забальзамированные птицы и рыбы. Сочинения мистиков. Талисманы с изображением Изиды. Словом, старик занимался всем чем угодно и не мелочился.

Он держался сам по себе, и к нему не цеплялись ни ортодоксы, ни власти диаспоры. Коньком его было толкование снов на рынке — по цехину за штуку. Хотя он, конечно, и ведать не ведал, что был пионером злосчастного психоанализа. Увидев Христофора, старик язвительно буркнул:

— Вот и еще один мальчик, готовый прибиться к истинной вере!

И стал раскладывать все, что требовалось для ритуала: ножички, промытые смесью уксуса и виноградной водки, а также тонкие шерстяные тряпочки, точильный камень и горшочек с паутиной, которая считалась незаменимым заживляющим средством.

Взволнованный Христофор глянул на стену. Там висела условная схема Древа жизни с тридцатью двумя бегущими от ствола дорожками. С веток Древа свисали бумажки, на каждой из которых указывалась дата истечения того или иного срока (старик еще и давал ссуды — надежным людям и под умеренные проценты). Рядом — бронзовая звезда Давида, сочлененная так, что в мгновение ока ее можно было превратить в святой крест. Хозяин был искушен во всем, что касалось *pogroms*. Точа ножик, он объяснял:

— Всякая магия идет от Сифа, третьего сына

Адама и Евы, зачатого у райской стены, да вот только уже с внешней ее стороны. Имей в виду, мальчик, первая магия означала бунт и отчаяние, а вторая начала учить покорности. Разум должен повелевать, а инстинкты — подчиняться. Тот, кто забудет сей закон Яхве, не умрет в своей постели. Уж ты мне поверь…

Доменико заранее условился с раввином: им нужно обрезание практичное — чтобы мальчик беспрепятственно мог получить место в какой-нибудь мультинациональной компании. Ибн Соломон предложил свой фирменный вариант, пригодный для всех случаев жизни: половинное обрезание — или “обрезание многоконфессиональное”. Может, в синагоге оно и не покажется достаточно убедительным, зато вполне устроит банкиров, судовладельцев и ростовщиков. А главное, не подставит юношу под удар антисемитизма, который растет вместе с укреплением новых империй. (То было время больших перемен. Со всех четырех концов цивилизованного мира шли вести о том, как евреев с энтузиазмом побивают камнями и отправляют на костер.)

Ибн Соломон несколько раз провел лезвие ножа через пламя зеленой свечи (той самой, при свете которой полагалось бросать кошачьи кости

для предсказания судьбы). Затем окунул нож в золу от ладана. И грубо пошутил:

— Не бойся, парень. Я набил себе руку, холостя баранов в Ливане… — Потом неожиданно быстро, пока Христофор еще гадал, будет ему больно или нет, отхватил кусочек кожицы. — Да, мы единственный народ, законченный вручную! — заявил старик. — Промывай рану дважды в день борной кислотой, и скоро все у тебя потечет как надо. Будет жечь — смажь свиным салом. Будет кровоточить — приложи паутину. Да не забывай, что селезня за хвост ловят… Ну вот, теперь ты можешь по субботам быть избранным, а по воскресеньям — гоем.

Он бросил кусочек кожи в коробку, где другие такие же успели потемнеть и высохнуть точно изюм. Потом с гордостью мастера встряхнул коробку: послышался звук, похожий на шуршание кожаных денег, какие использовали для торговых сделок персидские погонщики верблюдов.

Ибн Соломон получил условленную плату — добрый кусок ягненка и отрез плотной саржи.

— Ну вот мы и подправили задумку Яхве, мальчик! Отныне ты — *demi*, как говорят франки. Только старайся не напутать, когда станешь предъявлять свой документик!

Христофор прикрылся салфеткой, специально для этого случая связанной сестрой Бланкитой из самой лучшей шерсти, к тому же выстиранной в дождевой воде и просушенной на солнце.

Две недели спустя родичи уже наводили справки, в какой из крупных торговых домов пристроить Христофора: Дориа, Пинелли или Берарди (с головной конторой во Флоренции, столице рода Медичи).

Наконец на парня согласились взглянуть в банкирском доме Чентурионе.

По дороге на эту встречу Доменико сказал своему отпрыску:

— И все-таки не могу я понять людей, которые от добра добра ищут! Чистое безумие! Учти, ты нахлебаешься всякого: в мире слишком много убийц, спесивых вельмож и мошенников. Ну скажи, чего тебе не хватало? Только дураки считают, что лучше быть орлом, чем волом. Да ладно, что с тобой толковать…

Никколо Спинола, управляющий компании Чентурионе, заявил, что им требуется человек, хорошо знающий испанский язык и бухгалтерию, нужен десятник, который будет следить за погрузкой и выгрузкой товаров, то есть хорошо умеющий складывать и вычитать.

— Ты будешь плавать на торговых кораблях, парень. Но не забудь: главное — испанский язык и бухгалтерия. В наше время без этого никак не обойтись…

Энрике Импотент плел международные интриги, чтобы так или иначе разлучить свою сводную сестру Изабеллу с опасным Фердинандом. А заодно отодвинуть ее от кастильского престола. Он подыскивал ей женихов: тщеславных принцев, рыцарей-эротоманов или хотя бы достаточно знатных юношей. Но Изабелла все никак не могла забыть затылок арагонца. И в бешенстве отвергала всех претендентов.

Тогда коварный Энрике остановил свой выбор на известном сластолюбце — магистре ордена Калатравы. Старый развратник очень быстро получил от доверенных лиц все нужные сведения о прелестях шестнадцатилетней принцессы. (Мнимые монахини, пока она спала, обмерили ей грудь, бедра и талию. По этим меркам магистр приказал изготовить тряпичную куклу, чтобы получить пусть приблизительное, но вполне наглядное представление о красавице, которую ему хотели дать в полную власть ради интересов государства.)

“Видно, Господь Бог еще при жизни награждает

меня за службу”, — решил похотливый подагрик. И тронулся в путь из Альмагро в Мадрид — за счастьем. (О своей невесте он знал уже все — о ее коротких хитонах, шелковистых волосах и тонких лодыжках, затянутых в узкие сапожки.)

Пышный кортеж маркиза состоял из восьми экипажей. Причем в двух из них ехали швеи, пальцы которых были в кровь исколоты из-за тряской дороги. Они продолжали шить и весело пели.

Швеи готовили приданое. А магистр в своей карете как безумный набрасывал углем эскизы — лист за листом, придумывая весьма смелые фасоны нижнего белья. Он изобретал шелковые панталоны с немыслимыми тайными прорезями и пестрыми оборками, которые должны были как бабочки замерцать в простынной полутьме. Добавлял неожиданные пуговички, бахрому, ленточки и строчки. Нервными стрелками указывал: “лучший шелк”, “полотно из самых тонких”, “узор”, “вышивка на сюжет венерина холма”.

По правде говоря, старый магистр не был оригинален: все это он когда-то видел в борделях Венеции и Парижа.

Тряска мешала ему сосредоточиться. Магистр откидывал голову назад и под стук колес пре-

давался мечтам о восхитительном полумраке брачного покоя. Едва они поженятся, как велит Господь, никто не сможет их разлучить, никто не помешает ему воспользоваться своими правами. Сразу по возвращении в замок Альмагро он положит совершенно нагую принцессу на дубовый стол в зале и станет вдыхать запахи ее лона — час за часом, день за днем. Его дикая, но не совсем обычная, глубокая и чистая любовь потребует от юной супруги вечной девственности.

Изабелла меж тем металась по дворцу, в отчаянии ожидая, когда завершится долгое путешествие похотливого магистра. До нее доходили подробные сведения обо всем, что происходило с ним в дороге. Известно было и о двух экипажах с поющими швеями.

Лучшая подруга Изабеллы, ее наперсница Беатрис де Мойя, кричала:

— Бог этого не допустит! Лучше умрем!..

Пришлось даже вырвать кинжал у нее из рук. Беатрис и Изабелла, обнявшись, проплакали всю ночь.

Все шло по плану, намеченному Энрике Импотентом, и, пока магистр ордена Калатравы спешил ко двору, король, стремясь окончательно разрушить тщеславные замыслы сестры, решил

доказать собственную мужскую полноценность, чтобы впредь никто не мог усомниться в том, что в жилах маленькой Хуаны течет его кровь.

Архиепископ по его настоянию засвидетельствовал:

После того как были опрошены четыре проститутки из Сеговии,

УСТАНОВЛЕНО:

Его Величество с каждой из них вел себя так, как подобает мужчине вести себя с женщиной, имел мужской член твердым, что дало свои результаты, и семя было извергнуто, как случается со всяким мужчиной, имеющим силу.

(Много-много позднее документ был опубликован Грегорио Мараньоном[17], которого тема эта, очевидно, весьма интересовала.)

Энрике, в свою очередь, бумагу должным образом узаконил и довел до сведения недоверчивых придворных. Хотя при дворе по-прежнему считали, что подобные обобщения отнюдь не проливают свет на конкретный вопрос. То есть на вопрос о рождении Хуаны Бельтранехи.

---

[17] Примечания: 17

Мараньон-и-Посадильо *Грегорио* (1887–1960) — испанский врач, историк и философ-идеалист; написал несколько исторических эссе, отдавая предпочтение биографическому жанру.

Да и вообще, подобный прием слишком напоминал покупную славу вышедшего в тираж итальянского жиголо.

Наступили тревожные дни. Однако план короля провалился в самом своем зародыше. С прибывшим на почтовую станцию магистром случился приступ “внезапной злой лихорадки”, хотя камердинеры поначалу решили, что речь идет всего лишь об обычном и естественном *мастурбационном кризе*.

Утром магистра нашли мертвым — со звездой Давида в крепко сжатом кулаке (вот каким оказался его Бог в час истины) и с девичьими панталонами из будущего приданого, прижатыми к правой щеке.

Но тут нельзя не упомянуть еще и о том, что именно в те отчаянные дни Изабелла и Беатрис послали к Фердинанду в Сарагосу проворного всадника с вылепленной из теста голубкой, которую терзала страшная птица из жженого сахара.

Через несколько часов после известия о внезапной кончине магистра, случившейся в Вильяррубии, Изабелла получила от Фердинанда любезнейший ответ (не случайно он был королем Сицилии), достойный самого галантного из кавалеров:

Сдается нам, будто следующий к Вам жених, тот, что из Калатравы,

внезапно почувствовал себя дурно в Вильяррубии.

Видно, на ином брачном ложе — вечном — ждет его истинное блаженство…

Друг

Жажда любви терзала тело девочки-принцессы. То были дни восторгов и смятенья. Любой ветерок, стоило ему приблизиться к ней, начинал дышать жаром. И даже холодный сентябрьский ветер, уже долетавший сюда, не нес Изабелле успокоения.

Пытаясь совладать с собой, она вскакивала в седло и неслась галопом по осенним полям. И в десять дней загнала трех коней.

Как сообщают хроники, от принцессы стал исходить сильный запах (о нет, конечно, не отталкивающий!) — запах львицы, ждущей самца.

Особенно много хлопот доставляла она придворным дамам по вечерам. Они неустанно прикладывали ей ко лбу ледяные компрессы и давали нюхать нашатырь. Только так удавалось ей выстоять положенный час молитвы.

Для Бельтранехи это были дни жестоких страданий. Она все понимала: это была настоящая

любовь, безжалостная и неукротимая страсть.

Хуана кидалась к отцу и требовала, чтобы тот наконец очнулся и принял срочные меры:

— Найдите же еще одного магистра ордена Калатравы, какого-нибудь французского принца, кого угодно, ради бога, поскорее и кого угодно!

Она билась в истерике, рыдала, угрожала. Пыталась расшевелить мрачного Торквемаду. Объявила свою тетку иудейкой. Хуане повсюду мерещились посланцы влюбленных. И по ее приказу была усилена охрана у покоев Изабеллы.

Она велела избить, а потом пытать на дыбе каких-то ни в чем не повинных козопасов, прибывших с востока. Спотыкаясь на высоких каблуках, походкой скороспелой шлюшки мчалась к торговцам и цепкими ручками ворошила их поклажу. Отыскивала сахарных кабанчиков, раскрашенные стрелы, неподписанные послания… В каждом чужестранце виделся ей гонец любви.

Изабелла чувствовала, как кольцо сжимается вокруг нее. Как сгущается атмосфера невыносимой ненависти и подозрительности. В довершение всего груди ее налились и стали твердыми, словно две тыковки. Принцесса боялась, что в любой момент они могут раскрыться подобно

бутонам апрельских роз, и брызнет из них густое молоко.

Бывало, когда она пыталась молиться, вдруг слышалось легкое шуршание, а следом — громкий треск: платье на ней разрывалось по шву — от пояса до щиколотки. Изабелла точно знала, что вот-вот плоть ее лопнет, как спелый плод граната под жарким июньским солнцем (к тому же под солнцем Гранады).

Дальше — хуже. Запах, о котором мы упоминали (запах течной львицы), вырывался наружу и приманивал стаи собак. Они сбегались сюда с полей Сеговии, Авилы, Саламанки. Их было видно издалека — они напоминали одно огромное адское чудище, обезумевшего дикого зверя, который мог напасть на путников, выскочив из-за любого холма. И ночами людям не давали уснуть лай, вой, рев — океан буйства, волны ярости, жестокие брачные бои.

Пришлось посылать на их усмирение отряды мужчин, вооруженных топорами и дубинами.

Тогда-то и зародилась мода, которой суждено

было накрепко утвердиться в Испании[18]: чтобы защитить волосы от брызг собачьей крови, воины сего братства придумали причудливые шляпы из прорезиненной ткани — моющейся, непромокаемой и мягкой.

Медленно и неудержимо подкрадывалась осень. Дни делались короче, а ночи — окутанные плотным облаком неутоленной страсти — все длиннее и мучительнее. Уже в три утра просыпались спавшие вместе Изабелла и Беатрис и, как могли, убивали время до спасительного рассвета. Молились. Вышивали, придумывая особенно сложные узоры. Ничего не помогало: девочка-принцесса то и дело бежала к окну и жадно глотала холодный и влажный ночной воздух.

Надо было на что-то решиться. И вот Изабелла, воспользовавшись отлучкой злобного цербера, маркиза де Вильены, верного сторонника короля Энрике, тайком помчалась из Оканьи туда, где родилась и провела раннее детство, — в Мадригаль-де-лас-Альтас-Торрес. Там, заливаясь слезами, она расцеловала вырастивших ее мо-

---

[18] Примечания: 18

Имеется в виду исторический головной убор, который на официальных мероприятиях до сих пор носят гражданские гвардейцы, — черная лакированная треуголка (трикорнио), ставшая символом испанской гвардии.

нахинь и долгие часы изливала свои беды перед матушкой, которая, прежде чем снова вернуться к привычной немоте, только и сказала:

— Дочь моя, всеми силами усмиряй зверя страсти. В ней, в страсти, таится корень Зла. Главное — живи. Жалеть стоит лишь о том, чего ты так и не сделал. Убивай сама, прежде чем в тебе самой еще при жизни убьют жизнь. Но пуще всего страшись безумия…

Однако вскоре и там, в своем родном дворце, Изабелла перестала чувствовать себя в безопасности. Всюду мерещилось ей предательство. И эти стены оказались ненадежными. Пора перейти Рубикон! Сжечь все корабли! Спасет только риск!

— В Вальядолид! Скорее — в Вальядолид!

В тот день и с того клича начались войны, которым суждено было продлиться два десятилетия. Затянутая в кожу принцесса вскочила на коня. За ней последовали верные ей люди. Кожаный костюм, как полагала Изабелла, — это не только самая удобная одежда в пору суровых испытаний, главное — она станет крепко стягивать плоть, рвущуюся на волю. (Изабелле исполнилось девятнадцать, и у нее, как утверждают хронисты, уже были “широкие, совершенной формы бедра”. И тело, как у тридцатилетней танцовщицы румбы,

а не как у юной девушки. Фигурой она была похожа на знаменитую Бланкиту Амаро в лучшие ее годы[19].)

Принцесса упрятала копну волос цвета старого золота под фетровую шляпу с широкими полями. Что сделало ее еще прекрасней!

Изабелла вдруг поняла, что мятежную силу страсти можно обратить на богоугодное дело, зарядить этой энергией новый крестовый поход — всенародный, национальный. Иначе говоря, принцесса направила — совсем по Фрейду — брызжущую через край чувственность в идеологическое русло, найдя для нее подходящую надстройку.

— Видно, пришла пора замахнуться на невозможное! — заявила она. — Знамя мое будет неколебимо, а цели понятны всем!

Изабелла произнесла речь про жизнь без ростовщиков, педерастов и комунерос-бунтовщиков. Пообещала объявить войну инфляции. Испания, клялась она, не будет больше униженно пресмыкаться и сможет наконец, устремляясь вверх, подняться сперва хотя бы на колени. Не забыла упомянуть о хлебе, работе, власти и мо-

---

[19] Примечания: 19

Бланкита Амаро (1923–2007) — звезда аргентинского кино 40-х и 50-х гг.

гуществе. В этой речи, как и положено, хватало демагогии: ведь народу нужны лишь посулы, как нужны они привередливым горничным, чтобы отдаться хозяину, не терзаясь угрызениями совести.

Хронисты, разумеется, не запечатлели текст сей пылкой речи. Их внимание обычно привлекало лишь заурядное и банальное.

Итак, Изабелла во главе отряда своих приверженцев устремилась в Вальядолид. И долго (лиги две, не меньше) в стуке копыт их кавалькады слышались ритм и энергия ее пылких призывов.

Однажды им пришлось завернуть в тополиную рощу, чтобы там переждать, пока мимо промчится отряд, посланный за ними в погоню и состоявший из охваченных злобной решимостью людей маркиза де Вильены. Впереди скакала Бельтранеха. Она поняла, что в дорожной пыли потеряла след своей тетки, и рыдала от бессильной ярости.

А Изабелла с триумфом вступила в Вальядолид. Отныне этот город станет ее опорным пунктом.

Он никогда не забудет запах своего первого корабля — большого грузового парусника, принадлежавшего компании Чентурионе и направлявшегося на остров Хиос.

Сусана Фонтанарроса приготовила ему моряцкую торбу и вышила на ней ангела-хранителя (что дало товарищам по трюму повод для грубых шуток). Сунула туда кулек домашней карамели, талисман с ликом Изиды и мешочек сухого эвкалипта — верного средства против частых в море заразных болезней. А также четки, освященные доном Аббондио — человеком, по общему мнению, святым.

На завтрак Христофору зажарили яичницу из полудюжины яиц с салом, и Доменико впервые налил ему вина вместо молока. Затем родители с сыном отправились к *molo vecchio*[20], и у всех троих душа от тоски разрывалась на части. Сестру Бланкиту они будить не стали, поскольку она принялась бы рыдать точно Магдалина.

Грузчики, водоносы, моряки. Бледный туманный рассвет. Кипит работа. Матросы сворачивают запасные паруса. Крепят якоря. Сердито перекрикиваются.

Цепочки грузчиков-муравьев тянутся с пристани к трюму. Бочонки с каштанами в сиропе. Виноград в агуардьенте. Ящики с черепаховыми гребнями. Вина из Фраскати в амфорах, похожих

---

[20] Примечания: 20
Старый порт *(итал.).*

на римские. Бочонки с маслом, от которых сильно пахнет оливковой рощей. Тонкие ткани. Шелка из Вогеры, вышитые словно по заказу султана и его жен. И корзины, множество корзин с неаполитанской и флорентийской церковной утварью — католический *kitch*, который на волне венецианской экспансии старался проникнуть в зону Эгейского моря. Складные алтари на любой вкус — с канделябрами, ангелочками из позолоченного дерева и трафаретными образами Голгофы.

Ну а что они привезут из Хиоса, центра торговли с землями Великого хана? Лучшие мастики, благовонные смолы, отличные камеди и непромокаемую замазку — вещи крайне нужные в эпоху бурного развития мореплавания. Бирюзу и золотую восточную парчу. Стойкие египетские ароматические смеси.

Едва боцман, читавший список, выкрикнул “Коломбо!”, как тот птицей взлетел на борт. И был настолько взволнован, что не заметил слез на глазах своих стариков. Такими он их навсегда и запомнил: стоявшими рядышком среди царивших в порту шума и суеты.

Запах прочной древесины, солонины, краски, индийской канатной пеньки, эссенций, но в первую очередь — запах твердой и благородной

древесины, шедший от корабельной палубы. Навеки будет он связан с этим духом плавучего лабаза, трюмового пота и скисшего вина. Того, что постепенно облагораживается, вбирая в себя целебную силу соли и йода.

Теперь, оказавшись на палубе “Мариэллы”, видел он, как медленно надуваются нижний прямой и главный паруса под нестройные крики моряков, тянувших фалы.

Паруса неспешно росли, закрывая собой рассветное небо и становясь похожими на огромные, налитые молоком груди. Не случайно в мореходном искусстве так силен культ женского начала, йони. Пойманный в ловушку ветер, его легкое дыхание и распухшее чрево, вдруг ставшее крылатой мощью, энергией, движением. Запутавшиеся в белых сетях ангелы. Снисходительный Бог, который с усмешкой взирает на человечьи выдумки.

Суровые, отрывистые, резкие голоса:

— Фал, фал, фал! Давай, поднимай! Поднимай!

Галеон вздрагивает, словно стряхивая оцепенение. Христофор видит, как уплывают назад башня Сант-Андреа и Генуэзский маяк.

Он принимает крещение дикой свободой. Взбежав на мостик, чувствует лицом напор воздуха, в

который врезается нос корабля.

Чья-то суровая и всемогущая рука направляет корабль в сторону Эгейского моря. В чем тут секрет? Как разгадать его? Как заключить союз с незримыми силами?

Сначала надо освоить особое искусство — научиться ладить с морем, искусство, каким в совершенстве владеют чайки или галисийцы.

Он уже догадывался, что в этом деле, как и во многих прочих, главными наверняка будут инстинкт и безрассудство.

Забыть о себе. Отрешиться от себя. Броситься в бездну — чтобы почувствовать свободу!

Перед готовностью рисковать отступает даже смерть.

Когда башня Сант-Андреа растаяла в тумане, стало ясно: ушел в прошлое мир портных, сыроваров и шерстянщиков с их убогими радостями и заботами.

Христофор ощущал, как пересекает черту, отделявшую унылое существование от настоящей жизни. Отныне всюду его будет подстерегать опасность, и больше не защитят ни крепостные стены, ни домашний кров, ни стеклянный колпак субботнего катехизиса, ни душеспасительные беседы приходского священника.

Радость побега! Радость встречи с морем! Новое! Все новое! Утро, ничем не похожее на прежние. Отчаянный шаг в неизвестное. Чистый воздух.

Но был и некий решающий миг, мимо которого, конечно же, прошли историки и хронисты, миг сатори, просветления, освобождения, когда позади остался причал, остались все привязанности, все балласты прошлого. Когда почувствовал свободу человек, который вверил свою судьбу великому богу риска и богам ветров. Который всегда будет искать союза с ними.

Фердинанд, как стало известно, прибудет в костюме козопаса. И поездка его будет окружена строжайшим секретом. Тем временем обстановка в замке Вальядолида накалилась до предела.

Изабелла, Беатрис и придворные дамы подолгу стояли на коленях перед складным алтарем, прибывшим сюда вместе с принцессой. Изабелла задыхалась. Порой у нее случались приступы, похожие на астму. Дамы спешили к ней и обмахивали веерами. Но с таким же успехом можно было дуть на раскаленные угли. Целомудренное лоно принцессы издавало тонкий, но неудержимый свист, который едва могли заглушить четыре нижние юбки и одна верхняя, шерстяная. Как только хор молитвенных голосов хотя бы на

короткое время смолкал, свист слышался совсем уж отчетливо. Христос из слоновой кости начал как-то странно подрагивать. Испуганная Изабелла прикрывала рукой глаза, а когда отваживалась снова взглянуть на него, видела то же самое: он так дрожал, что казалось, вот-вот сорвется со своего креста из сандалового дерева.

Племенные жеребцы в стойлах ржали и яростно били копытами в перегородки.

Не было сказано ни слова, но все понимали, в чем дело.

Часы текли медленно. В замке опасались худшего, поскольку королевские отряды уже успели перекрыть дороги, ведущие к Вальядолиду.

У людей, стоявших тогда у власти, сомнений не было: этих юнцов толкает в объятья друг к другу страсть воистину космического масштаба, и союз двух таких сил приведет к невиданным политическим, экономическим и социальным переменам. Сторонники строгих иерархических законов не слишком высоко ставили злосчастного Энрике IV и знали цену его политике, но хорошо понимали, какие опасности угрожают отныне всему западному миру и, в частности, его главному оплоту — Церкви. Надо было во что бы то ни стало помешать соединению анге-

лоподобных и неистовых влюбленных! Иначе — целому миру придется готовиться к ужасам Возрождения. По крайней мере шесть веков назад, во времена Карла Великого, Европа впала в боязливую спячку, в блаженное оцепенение, надежно защищавшее ее от любых геройских порывов и кошмаров прогресса. До сих пор ничто не тревожило ее сон.

И вот теперь юные принцы, которые, как казалось на первый взгляд, мечтали лишь об одном — *отогнать поцелуями смерть*, на самом деле готовились сосредоточить в своих руках власть невообразимой мощи.

Самоотверженный гонец, пронзенный тремя арбалетными стрелами, сумел-таки домчаться до линии дворцовой стражи и, обливаясь кровью, передал, уже умирая, благую весть: темной ночью 5 октября Фердинанд тронулся в опасный путь.

Однако непросто будет распознать принца и его спутников в толпах скромных чужестранцев, прибывающих в город.

И вот 14 октября в одиннадцать ночи шесть пастухов остановили своих осликов у источника. Они были полумертвыми от усталости, измученными жестоким ненастьем и сами не ведали, насколько надежно скрывали их лица маски из

грязи и слоя рыжей пыли, замешенной на туманной сырости.

Узнал их Гутьеррес де Карденас. Именно он закричал, указывая на статного козопаса:

— Это он! Это он! Это он!

Гонсало Чакон и Алонсо де Паленсиа бросились к юноше. А тот после шести бессонных ночей уже не в силах был стоять на ногах и рухнул на землю, едва поняв, что все опасности позади.

Карденаса поздравляли: если бы не он, одуревшие после тяжелой дороги путники могли бы проследовать дальше, решив, что Изабелла, спасаясь от врагов, отправилась в Леон. В ту же ночь принцесса дала верному Карденасу право носить на родовом гербе знак *SS*. Так родилась конгрегация преданных королевской чете людей, куда входили Беатрис де Бобадилья, Алонсо де Паленсиа, Гонсало Чакон, Фернандо Нуньес, адмирал Энрикес, архиепископ Толедский Альфонсо Каррильо и другие посвященные[21].

---

[21] Примечания: 21

О возникновении секты см. “Историю” Прескотта и труд Бальестероса Гэбруа и др. Таким авторам, как Пауэлс, Санчес Драго, Бержие и пр., было абсолютно понятно, почему Гитлер в присутствии Геринга и своих приближенных выразил глубокое восхищение Изабеллой Кастильской. Заметим, что фюрер — австрияк и человек откровенно вульгарных вкусов — носил на груди ладанку желтого бархата, где хранил колосок пшеницы из Ла-Манчи и портрет Изабеллы. *(Прим. автора.)*

До шести утра отмывали так и не проснувшегося принца. Чакон, архиепископ и сам Карденас по очереди терли его щеткой из кабаньей щетины. А дело было в том, что, как того и требовали строгие арагонские традиции, Фердинанд, который уже достиг восемнадцати лет, после теплой купели, куда окунули новорожденного, так больше ни разу и не испытал другого полного омовения.

Какой-нибудь дотошный антрополог, какой-нибудь, например, Леви-Стросс, обнаружил бы в том, что осело на дно лохани, где его тогда мыли, структурные элементы не только одной конкретной жизни, но и целой культуры: сухие листья и семена хвойных деревьев из лесов, по которым принц, неутомимый охотник, успел проскакать; захлебнувшихся паразитов, что счастливо обитали в его спутанной шевелюре и в волосах на других частях тела, не мешая естественным отношениям принца с естественной средой Арагона. Кожу Фердинанда покрывали накопленные за многие годы слои (всего — восемнадцать) жаркого летнего пота, ставшие похожими на пергамент и четкие, как круги на спиле дерева. Остался на дне лохани и ржавый наконечник стрелы, неведомо когда застрявший то ли во впадине пупка, то ли за складкой крайней плоти, то ли в бороздке

ушной раковины.

В шесть утра на принца надели рубаху из плотного льна, вполне достойную близкого брачного таинства. И оставили спать до следующего рассвета.

Но в ту же ночь Изабелла, прорвавшись словно в приступе безумия сквозь кольцо врагов, устремилась на север. Беатрис Бобадилья де Мойя вместе с другими придворными дамами кинулась на ее поиски, пустив по следу собак.

Бегство Изабеллы легко объяснимо: это было помрачение рассудка, вызванное близостью соединения с самцом, с мужчиной. *Horror-penis.* Ее неукротимая страсть не угасла, а преобразилась в кинетическую энергию. Такой бессмысленный поступок был чем-то сродни дерзкому выпаду тореро, когда он действует в порыве страха. По сути, то было проявлением “синдрома Марии”, как его называют психоаналитики. Что гнало принцессу прочь из дворца? Благоговейное и трепетное отношение к собственному девству? Неприемлемость самой мысли, что кто-то посягнет на него? Как бы то ни было, ни Грегорио Мараньон, ни

Лопес-Ибор[22] объяснить нам этого не сумели.

Но бегству амазонки, бросившейся в ночную непогоду, слишком уж явно не хватало решительности. В душе она желала поскорее вернуться в эпицентр эротической бури. И это была на самом деле диалектическая реакция: “желать-отвергать-возвращаться”. Поэтому долго искать принцессу не пришлось. Страсть, словно злой янычар, остановила бег ее коня.

На рассвете она, прерывисто дыша, уже спала на своем ложе, теперь окруженном бдительными слугами.

Все случившееся потом, в следующие четыре дня, которые предшествовали церемонии гражданского брака, хроники подробно не описывают. Главные свидетели, люди из *SS*, уже приняли присягу и были обязаны хранить тайну, а потому о деталях умолчали.

Точно известно следующее: глубокой ночью принц и принцесса, бродившие как сомнамбулы по каменным коридорам дворца, неожиданно встретились и направились в покои, пустовавшие многие годы.

---

[22] Примечания: 22

Хуан Хосе *Лопес-Ибор* (1906–1991) — испанский психиатр, представитель феноменологического направления в психиатрии, противник фрейдистского метода психоанализа.

По поведению Фердинанда и Изабеллы во время официальной церемонии (запись о бракосочетании была тайно сделана придворным нотариусом 20 октября) можно кое о чем догадаться.

По всей видимости, Изабелла в любовной схватке подчинила себе Фердинанда, не обращая внимания на то, что ящерка арагонца цинично прикинулась неподвижной.

Гордость рода Трастамара и прославленная властность его женщин сделали для нее неприемлемой и отвратительной любую покорность.

Скорее всего, она, лишь овладевая, могла позволить овладеть собой. Да, девство ее было нарушено (так прорывается тонкий и прочный шелк в походном шатре Великого хана под напором нежданной летней бури). Но причина была не во внешнем натиске — главную роль тут сыграла внутренняя энергия, рвущаяся наружу.

Иными словами: в ту многотрудную ночь с 15-го на 16 октября мощная плоть арагонского принца сошлась на равных с агрессивным лоном Изабеллы.

После первых соитий, простых, как крестьянский рассвет, Фердинанд дал волю своим необычным наклонностям, которые привели Изабеллу в

восторг. Он явно предпочитал окольные пути. И в этом было что-то от садизма пахаря, поставленного обществом на свою самую низкую ступень. Или от садизма чиновничьей нерасторопности. Или от варварских вторжений, не всегда вагинальных.

Как молодые благородные животные, они старались укрыться от посторонних глаз. Им помогло то, что о той части замка ходила дурная слава: будто бы там обитали привидения, и только это спасло юную пару от докучливого внимания придворных.

Они проникли в покои, простоявшие запертыми со времен правления королей-основателей. Они ели хлеб с сыром и жадными глотками пили вино из бурдюка (хитрый Фердинанд все предусмотрел) — подобно аркадским пастухам.

Никто не слышал ни их криков, ни напряженной вязкой тишины, ни шума погонь и схваток, когда с грохотом опрокидывались на пол то гора старинных шлемов, то строй пыльных копий…

Можно предположить, что потом возвращались они туда, где были люди — блуждая по длинным коридорам и отыскивая путь по запаху чеснока, которым славилась солдатская похлебка. Но были неузнаваемы: их лица покрывали

синяки, кровоподтеки и царапины. Хотя, как и подобает ангелам, они не печалились из-за грязной, разорванной в клочья одежды.

Страсть накрыла обоих стеклянным колпаком. Голоса слуг и друзей доходили до них, как сквозь стекло или вой ураганного ветра. Им повезло: они жили в век обостренного идеализма, когда реальное часто не принимало вид очевидного и явного. Поэтому можно было заниматься любовью на глазах у всех, и этого никто словно бы не замечал, и никто в это словно бы не верил. Двор продолжал готовиться к свадьбе. А командиры готовились к обороне на случай, если разгневанный Мадрид отважится пойти на штурм. Безудержная метафизика той эпохи и увлечение философскими абстракциями позволяли принцу с принцессой в разгар пира забираться под стол и, укрывшись за длинными краями скатертей, предаваться утехам, пока их по запаху не находили собаки или дворцовые карлики-шуты.

Никто не посмел бы усомниться в чистоте и невинности жениха и невесты. Девственность Изабеллы была догмой.

А они уже в шесть вечера удалялись в свои покои, “дабы уточнить программу брачных торжеств и обсудить будущие дела королевства”, как

отмечает в своих записках известный придворный хронист Фернандо дель Пульгар.

В одну из тех ночей, часа в три, раздался где-то поблизости жалобный вой тоскующего волка. А потом колючий октябрьский ветер донес со скал протяжный крик. Принц и принцесса поспешили к окну и успели заметить летящую прочь белую кобылицу, любимицу Бельтранехи (Изабелла сразу ее узнала). Хуана! Неприкаянная душа. Сгусток ненависти и отчаяния. И великодушные (на свой манер) любовники поклялись друг другу помочь ей как можно скорее избавиться от мучительной *не-жизни*.

Лихорадка первых наслаждений, когда от усталости они лишались голоса, а лица их делались серьезными, как у нотариусов либо палачей, сменилась неспешными беседами, которые утомленные любовники вели в бессонные часы.

— Пора положить конец греховному благоденствию мавров в землях Аль-Андалуса!

— Одна империя, один народ, один вождь!

— А террор? Разве можно достичь объединения без террора?

— А деньги?

— Деньги есть — у евреев. И коль скоро они дают их в рост, то почему бы не отнять эти ка-

питалы на благо истинной веры? Иудей должен страдать, иначе он становится заурядным, как любой христианин… Разве не так?

— Сколько нам предстоит сделать! Это ведь целый мир! Целая жизнь! Завоевать Францию! Португалию! Италию! Фландрию! Разбить мавров! А еще — моря! Моря!

— И Святой Гроб Господень!

— Уж о нем-то мы точно позаботимся.

И так далее. Пока их уста не сливались в поцелуе. Пока тела вновь не проваливались друг в друга точно в бездонный колодец.

Гражданское бракосочетание состоялось 18 октября. В папской булле говорилось (на основе подделанных Фердинандом и кардиналом Толедским документов), что, хотя жених и невеста доводятся друг другу троюродными братом и сестрой, они не совершат греха кровосмешения, вступая в семейный союз.

Венчались они 20 октября— с подобающей королям пышностью.

Все свершилось согласно тайным кастильским ритуалам. Кардинал Сиснерос омыл гениталии принца апрельской дождевой водой, освященной церковью. Так слуги Господни, убежденные в силе своего морального господства, надеялись

установить должный контроль над скороспелой, порочной и чрезмерной страстностью Фердинанда.

Официальное бракосочетание проходило в огромном зале, где воздух очищался жаровнями с эвкалиптом и ладаном. (Но даже сей аптечный запах не испортил молодым настроения.)

Всё едино, Изабелла —
то же, что и Фердинанд[23].

Город веселился всю ночь. На рассвете люди из *SS* вышли на эспланаду дворца, радостно размахивая простыней с ожидаемым красным пятном в центре — подозрительно правильной формы.

Предусмотрительный Фердинанд случайно отыскал в нижнем ящике комода, который принадлежал когда-то Хуану Второму, флаг посольства японского микадо.

Уаман Кольо и текутли из Тлателолько осторожно скользили в своих изящных сандалиях по тонко раскрашенной бумаге *Codex Vaticanus C*, где рассказано о прощальном банкете, устроенном в несравненном Теночтитлане.

---

[23] Примечания: 23

Девиз договора между Изабеллой и Фердинандом, испанскими Католическими королями.

Их почтительно приветствуют чиновники, облаченные в свои лучшие одежды. Прекрасные женщины с черными косами. От курильниц поднимается аромат душистых смол.

Воины-ягуары и воины-орлы. Тамбурины, обтянутые кожей варваров. Рожки из кости цапли. Яркий свет факелов и масляных ламп. Совсем как *a giorno*[24].

Забавный оркестр из карликов и уродцев (все они творение искусных хирургов). Солисты, достигшие виртуозности в *безритмичном* пении. На них накидки из перьев тукана и шапочки из перьев райских птиц. Два акробата, которым помогли избавиться от лишних костей, выделывают немыслимые трюки.

Девочки в коротких уипилях разносят тортильи, их следует намазывать икрой из водяных личинок — это одно из самых изысканных здешних блюд под названием аксайякатль.

(Император, дабы не смущать гостей своим божественным присутствием, уже покинул зал и удалился в личные покои.)

Самые красивые тольтекские рабыни — им дарована счастливая привилегия вскоре лечь на

---

[24] Примечания: 24
Днем *(итал.).*

жертвенный камень — скользят среди приглашенных с новыми и новыми блюдами. (“Зачем им рабы? Почему нельзя сделать так, чтобы все люди были просто тружениками империи, как в государстве инков?” — думает Уаман.)

Тамале острые и тамале сладкие. Обернутые в кукурузные или банановые листья. Вареные и запеченные. Индюки и лесные фазаны, голуби и молодая обезьянка в перце. Императорская кухня невероятно богата — почти как у инков. Этого Уаман не мог не признать.

Его усаживают за отдельный стол и подносят два кувшина для омовения. Одно блюдо сменяется другим. Жареные перцы и помидоры. Улитки в цветочном соусе, лягушки с перцем чили, непременный аксолотль, жаренные на рашпере заячьи потроха, кабанчик, фаршированный душистыми травами.

Текутли любезно угощает Уамана лучшим из лучшего.

Два гиганта ольмека картинно поднесли им железный вертел. На нем в цепочку, будто они гонятся друг за другом по раскаленной оси, нанизаны маленькие собачки с хрустящей корочкой. Они похожи на юных провинциалов, рискнувших проскользнуть на бал к маркизу. Важный

шеф-повар поставил на стол соус из меда с острым перцем, а к соусу — кисточку из коротко остриженных перьев. Как сказано в *Codex*, собачки сверкали, точно покрытые глазурью.

Затем появились большие вазы с фруктами, покрытыми каплями свежей воды. Дрессированные птички сидели на плодах и, если рука тянулась к чиримойе, беспечно перелетали на папайю.

Фруктовые тропики. Жаркие земли. Юкатан, пальмовые рощи, плодородные долины.

Тут в *Codex* появляются еще и рисунки, но лишь перышком колибри можно было воссоздать все эти дольки, грозди, тугую мякоть гуавы, задорные хохолки ананасов, крапинки на стройных рядах бананов. Эти маленькие бананы — не чета тем длинным и безвкусным, что посылаются тлашкальтекам, чичимекам и прочим вассалам империи, которые уверены, что большое и гладкое всегда лучше маленького и пятнистого (словно речь идет о женщинах или обсидиановых кинжалах).

Потом гостям снова поднесли кувшины для омовения и льняные полотенца для рук и губ.

Наконец пришел черед первых трубок, наполненных табаком, а музыканты, до сих пор державшиеся где-то на полях *Codex*, перемести-

лись в центр свитка.

По залу заскользили исполнители ритуальных танцев в роскошных одеяниях (мы бы сказали — “барочных”). Они изображали светила, богов, услады и стихии.

Как догадался Уаман, этот балет опять же был посвящен мучившей ацтеков проблеме — солнечной анемии и неминуемому исчезновению тепла и света.

Нам теперь невозможно восстановить имена и запутанные истории всех представших пред гостями божеств (в основном неудачливых и злобных). А также трудно проникнуть в символику *Codex* и расшифровать смысл некоторых из прочерченных там линий. Знаки и цвета переплетаются, наплывают друг на друга как раз для того, чтобы сделать его совершенно недоступным для человеческого разума. Непроницаемым облаком скрывают они тайны богов.

Как только завершилась и эта часть церемонии, вновь запели раковины, возвещая начало последнего акта этой длинной ночи. Мексиканской ночи.

Опять явились прекрасные юные прислужники и прислужницы. Кто бы подумал тогда, что после 1519 года их станут продавать кому попало

без разбора — хоть галисийскому солдату, беспрестанно щелкающему бобы, хоть золотушному приходскому нотариусу; и, пройдя через изнасилования и жестокие издевательства, дадут они начало новой расе. Кто бы сказал тогда, что юные принцессы с губами пухлыми и чувственными, как у камбоджийских богинь, станут посудомойками и уборщицами в *self-service Nebraska* с паркингом (“всего в пятидесяти метрах от площади Трех Культур”)? А пока они на подносах предлагают гостям всевозможные галлюциногены. Настало время омыться водами безумия, переступив порог Начала Начал.

Довольно странные картины возникают теперь на свитке *Vaticanus C*, некогда сожженном свирепым священником Сумаррагой (они вдвоем с епископом Ланде причинили вреда не меньше, чем безжалостные языки пламени, испепелившие Александрийскую библиотеку).

Итак, на рисунках и идеограммах запечатлены человечки с вылезшими из орбит глазами. Важные сановники, присев на корточки, оплакивают утраченную гармонию. Придворные дамы плывут посуху в мучительной попытке вернуться в материнское лоно. Командирам-орлам кажется, что они летят к солнцу — чтобы удержать его на

своих крыльях и не дать скатиться вниз.

Некоторые гости приняли пейотль, но большинство — теонанакатль.

Так удавалось им смыть все наносное со своего “я” и увидеть его оборотную сторону: ненависть, страсть, любовь, страх.

Кто-то плакал, кто-то смеялся. Одни умирали от ужаса, другие — от наслаждения.

С удивлением взирал Уаман (он сохранял верность простой маисовой чиче) на вождя из Тлателолько. Тот свернулся калачиком под столом и надрывно рыдал.

Это был сеанс коллективного заклинания духов, после которого настал черед всевластной покровительницы грешников — богини любви Тласольтеотль. И гости последовали за юношами и девушками в самые потаенные главы *Codex*.

Они чувствовали: угождая собственному телу, можно угодить и богам.

Наконец подала о себе первую весть заря. Птицы в богато разукрашенных клетках дружно захлопали крыльями.

И тогда слилось в гимне множество голосов. Зазвучали звонкие, словно рожденные заново, тамбурины и литавры.

И гости, утомленные праздничными труда-

ми, прикрыв от яркого света глаза, поспешили к огромным окнам — чтобы приветствовать солнце.

Бог не умер. Он даровал им новый день. Новую надежду.

Они опять запели — слегка фальшивя, но искренне, полными страсти голосами. Запели оду, сочиненную их любимым правителем-поэтом Несауалькойотлем:

Пусть никогда не умру я!
Пусть никогда не исчезну!
Туда, где не знают смерти,
туда, где сияет победа,
уйду я.
Пусть никогда не умру я.
Пусть никогда не исчезну!

II. Огонь

Хронология

1476 Колумб в Португалии. Женитьба. Последняя попытка бежать от судьбы. Секта искателей Рая, тоска по Раю.

1485–1492 Испания. Колумб стремится проникнуть в свастику власти. Годы гражданской войны. Укрепление империи. Грозные признаки ангельской породы у Фердинанда и Изабеллы. Торквемада и энергия грехоборчества. Римско-католическая империя.

4-Êàëêè Речь в Теночтитлане. Верховный жрец предсказывает воинам-орлам приход бородатых людей из-за моря, говорит о чистоте и благородстве христианской доктрины.

1487 27 февраля. Тайный ритуал. Родриго Борджиа, будущий папа Александр VI, помазывается семенем, полученным от Фердинанда и Изабеллы. Ватикан избавляется от пиетической дряблости. Возрождение.

1488 9 апреля. Паноргазм Колумба. Тайная сек-

та искателей Рая основана. Договор с Изабеллой Кастильской заключен.

Таверна “К новой македонской фаланге”[25]. Вольные солдаты, проститутки, карточные шулера, игроки в кости, проповедники без сутан, честолюбцы без плана действий. Дождь лил все сильнее, и грязь липла к желтым башмакам Христофора.

Он знал, что добрался лишь до периферии, до одной из самых сухих и дальних ветвей древа власти, той структуры, которая в те времена представлялась не вертикальной (как знаменитая пирамида Вэнса Паккарда[26]), а плоской — чем-то вроде галактики, вращающейся по часовой стрелке, или свастики, совершающей разрушительное круговое движение, и щупальца этой свастики сходились в эпицентре — мало кому доступном, вожделенном, где восседала одетая в зеленую (королевский цвет) парчу из Антверпена Изабелла Кастильская и спокойно выщипывала себе брови.

---

[25] Примечания: 25

Македонскяя фаланга помогла Александру Македонскому захватить полмира.

[26] Примечания: 26

Вэнс Оукли *Паккард* (1914–1996) — американский журналист, автор книги “Восхождение на пирамиды” (1962).

Как проникнуть туда? Понадеяться на удачу? Прибиться к какой-либо шальной компании и пуститься, что называется, во все тяжкие? Самыми надежными путями были искусство, медицина, приворотные зелья, религиозные учения, спиритизм и спорт. Быть астрологом или педерастом — тоже неплохой вариант. А для женщин, как и во все времена, трамплином служили проституция и любовь.

Нередко случалось, что одним и тем же утром в путь отправлялись артель прокаженных, компания звездочетов, готовых предсказать скорую гибель Боабдилю[27] и счастливую судьбу принцу Хуану, а следом за ними — труппа итальянских канатоходцев в обтягивающих трико и расшитых блестками куртках, которым приходилось тащить на себе стойки, канаты и трапеции.

Но в тот же вечер или несколькими днями позже все они возвращались назад — униженные, обобранные, вновь выплюнутые на темную обочину галактики, раздавленные жестокой конкуренцией. Кое-кто успевал изведать палок Святого братства (Санта эрмандад). Кое-кого ограбили болгары. А если кто-то по оплошности не

[27] Примечания: 27

*Боабдил*ь (Абу-Абдулла) — последний мавританский правитель Гранады, царствовал с 1482-го по 1492 г.

имел чем откупиться от грабителей, то и вовсе мог сгинуть по дороге (из канав то и дело вылавливали трупы).

Любая власть всегда излучает жуткую реактивную силу.

— И рады бы в рай, да грехи не пускают, — досадливо пробормотала толстая толедская проститутка, уплетая заварной крем. (Веки у нее были покрыты изящным узором — голубым с золотом.)

Серый, мрачный вечер. Тоска, безысходность. Христофор снял желтые башмаки, купленные у какого-то умирающего миланца, и принялся счищать с них грязь. Он считал их не просто покупкой, а выгодным вложением капитала. Башмаки были вытянутыми и остроносыми, как того требовала французская мода. Но главное, носы их закручивались вверх спиралью в три оборота. А внутрь спирали был вставлен чудесный бронзовый бубенчик.

С отчаянным и тупым усердием оттирал Христофор башмаки влажной тряпкой, пока не проглянул, победно засияв, столь любимый им канареечно-желтый цвет.

Со всех сторон сыпались в его адрес шутки. В него швыряли кости, уже обглоданные соба-

ками.

Это было настоящее отребье, почуявшее, что в Испании назревают великие события. Ландскнехты (такие как Ульрих Ницш), не желавшие смиряться с новой ролью скорее полицейских, чем воинов, которую предлагали им бурно растущие города. Люди смелые в поступках и мыслях, бандиты и праведники из Ганзейского союза, где вперед выдвигались судейское сообщество, удачливые галантерейщики и евреи, подвизавшиеся на ниве науки и ремесел. Именно их портреты писали все чаще немецкие и фламандские костумбристы (членов семейства Арнольфини и толстозадых аптекарей, которые важно курят на картинах Гольбейна).

Испания открывала перед ними великие возможности. Искатели приключений ехали сюда из Фландрии, Бургундии и Франш-Конте…

В Испании легко мог найти себе прибежище наглый авантюрист, а удобную лазейку — любая низость или циничная дерзость.

Грозные властители Фердинанд и Изабелла — католики в самом строгом смысле этого слова — твердо решили разрушить все устои, мешавшие проявлению человеческого мужества и геройства.

А пока? Какая тоска! Какие серые дни! Какие серые вечера! Колумб, зажав в руке свои желтые башмаки — две эоловы арфы, ждущие порыва ветра, — сидит одинокий, опустошенный и тупо глядит на слепого гитариста, который меняет лопнувшую струну.

— Какая *mishiadura!*[28] Какое убожество! — бормочет Христофор.

Выковывалась новая Испания — великая, единая, сильная. Но Изабелла и Фердинанд знали, что без насилия, насилия в самом широком смысле слова, цели они не добьются.

Разве легко вот так разом взять и перебросить смирный, трусливый народ в Империю? Встряхнуть его и заставить забыть о спокойной жизни? Когда все вокруг заражено глубинной ненавистью к жизни, присущей средневековому иудеохристианству. Заражено навязанным

---

[28] Примечания: 28

Колумб, как, скажем, и большинство аргентинцев, был итальянцем, для которого испанский язык не был родным и в любом случае звучал в его устах расплывчато, слишком приторно и многословно, как это часто случается у писателей в Рио-де-ла-Плата. Колумб говорил *piba (девка), bacán (любовник), mishiadura (беднота), susheta (грубиян)* — слова, которые сейчас сохранились только в текстах танго или в тюремной поэзии. А когда он жил в Кордове с Беатрис де Араной, к нему привязалось знаменитое “че” (см. Nahum Bromberg. Semiología y Estructuralismo; cap. IV: El idioma de Cristoforo Colon. Manila, 1974). *(Прим. автора.)*

сверху страхом и враждебно человеческому телу, страхом перед естественными инстинктами. Когда все основано на рациональном христианстве с его священниками, живущими под надежной защитой монастырских стен, бледными монахинями и заморенными семинаристами. Когда добродетелью почитаются апатия и бессилие.

В сумерках — шелест литаний. Ночью — бесовские соблазны. Сон при свете дрожащей свечи. Безрадостный блуд.

Настоящий король — это всего лишь выразитель глубинных чаяний целой расы, целого народа. Изабелле и Фердинанду казалось, что, отправляя еврея на костер, они прижигали *in nuce*[29] извечную христианскую язву.

Ничто не мешало им взять сторону римского католицизма. В Испанию стекались кондотьеры со стальными яйцами. Прибывали люди, не видевшие для себя будущего в узколобой обывательской Европе, которая мечтала лишь о том, как бы ей стать частью межнационального Торгового сообщества. Эта Европа предлагала лишь два пути тем, кто хотел преуспеть: оптовая торговля либо разбой.

---

[29] Примечания: 29
В зародыше *(лат.).*

Юные монархи понимали, что на суровое языческое празднество нельзя попасть, миновав врата традиционных суеверий. Поэтому для виду они поддерживали политику папы. И соревновались с епископами в изнурительных молитвенных турнирах. (Изабелла злобно кричала на монаха из хора, если тот, задремав ненароком, вдруг пускал петуха в *Kirie eleison*[30].)

И далеко не один искренне и бесхитростно верующий священник-пиетист пошел на костер по обвинению в тайной симпатии к иудейству.

Королевство только начинало укрепляться. Шли параллельно две войны: внешняя и тайная внутренняя. Внешнюю взахлеб описывали историки. (Ведь исторические хроники сообщают нам лишь о великом, громком и видимом, о тех событиях, что завершаются парадами и торжественными мессами. Вот почему история, изготовленная для официального потребления, столь пуста и банальна.)

Но кроме того, точно известно, что шла война еще и между Фердинандом и Изабеллой, последствия которой трудно переоценить. Война тел,

---

[30] Примечания: 30

“Господи, помилуй” — древняя молитва и восклицание (аккламация) прихожан в ответ на возглас, обращение или благословение священнослужителя.

война двух полов — на самом деле именно она и легла в фундамент современного Запада и предопределила все его будущие ужасы и несчастья.

А началась эта война в день коронации Изабеллы. Это был шаг с ее стороны скоропалительный, удивительный и, пожалуй, опрометчивый — можно сказать, настоящий *putsch*, устроенный 13 декабря 1474 года, то есть на следующий же день после смерти Энрике IV. Мужская гордость Фердинанда была уязвлена самым чувствительным образом. Он находился в Сарагосе, и с ним не сочли нужным даже посоветоваться. Ему, мужчине, Изабелла не уступила главной роли.

Сегодня мы вправе предположить, что Изабелла, находясь в своем дворце в Сеговии, знала о скорой смерти Энрике IV, во всяком случае, страстно мечтала о ней. Поэтому строго следила за работой швей, которые без отдыха, буквально день и ночь, готовили ей облегающее платье из шелка и пышную горностаевую мантию, расшитую жемчугом.

В тот вечер, когда стало известно о кончине короля, вызванной вполне естественной причиной, принцесса спустилась к ужину в глубоком трауре. Но уже утром 13 декабря Изабелла вся в белом шла во главе процессии, состоявшей из

архиепископов и рыцарей. И была неописуемо прекрасна. А перед ней несли кастильский меч правосудия, как того требовал древний ритуал. Никогда еще ни одна женщина не отважилась завладеть этим оружием, соединявшим в себе жизнь и смерть, так как он давал право как казнить, так и миловать.

А старая и самая смирная кобыла, как и положено по протоколу, везла на красной подушке корону Кастилии.

Залпы из мушкетов и аркебуз. Крики и слезы черни, восхищенной невиданным скоплением знати и роскоши. Плаксивое умиление нищих, прокаженных и почтенных женщин. Грохот бомбард, палящих в воздух. Бьют копытами и ржут командирские кони (а солдатские лишь отгоняют хвостами мух). Мечутся в небе ошалелые голуби, срываясь с ратуши.

Изабелле удалось обвести вокруг пальца всех: она стала королевой раньше, чем об этом узнали как феодальная верхушка, так и ее собственный муж. Что касается Бельтранехи, то она словно обезумела. Сначала бегала вокруг отцовского гроба, а когда пришло известие о коронации Изабеллы, принялась кататься по не слишком чистому дворцовому полу и посыпать себе голову

пеплом из тех самых очагов, где жег копыта ее мнимый отец.

Тем же вечером Изабелла отправила гонца в Сарагосу:

Посетила нас Смерть, нежданная Госпожа, явилась она за душой не ждавшего ее праведника. Но меч правосудия, за которым прошествовала я нынче утром, — это лишь метафора. И ты, Ваше Величество, был главным лицом в этой церемонии.

И после этого узнала Изабелла, что значит, когда озлобленный, униженный мужчина дает волю своей похоти. Фердинанд стал напоказ окружать себя другими женщинами, коль скоро главная, единственная предала его. (Изабелла не наставила ему рога в физическом смысле, зато завладела коротким и крепким мечом Власти. А это было мучительным оскорблением в эпоху непримиримой фаллократии.)

Уже в пятницу утром Фердинанд обходил строй своих гвардейцев в сопровождении Альдонсы Иборры де Аламан, или Немки, как звала ее разгневанная Изабелла. (На Альдонсе был экзотичный костюм французского бретера, а еще — высокие сапоги, доходившие до середины

бедра.)

Изабелла попала в эту ловушку и всю силу любви познала лишь тогда, когда заскользила по горькому склону в бездну ревности.

Ночью она склонилась над обнаженным Фердинандом и чутко, как зверь, идущий по следу, начала обнюхивать его кожу. Потом наступил черед одежды, шляпы, сапог и шпаги. И в какой-то миг она что-то учуяла — слабый намек на запах чужой женщины, соперницы.

Вновь и вновь обнюхивает она локоть его рубашки, которая в темноте опочивальни напоминает тряпичную куклу — худосочного монаха. Что это? Египетские духи или пот? А если духи, то чьи? Бобадильи, Немки или мерзкой французской шлюхи по прозвищу Обезьяний Хвостик? Как пережить острую боль, испытанную в тот миг, когда над головой обманутой супруги повисает топор решающего доказательства, хотя она все еще надеется на возможную ошибку? (А если это всего лишь запах взмыленной кобылицы, на которой скакал вчера Фердинанд?)

Опустошенная, нагая, покорная, она мечтала о буддийском перерождении и жаждала лишь одного: чтобы сжигавший ее душу пожар был погашен другим пламенем — пылающей плотью

Фердинанда.

Да, оба они были натурами возвышенными, глубоко религиозными, верными последователями учения святого Фомы и старались не придавать особого значения своим безрассудным плотским желаниям. То есть относились к ним снисходительно и даже пренебрежительно, как иногда относятся к домашним животным. Хотя тела их бунтовали. Следовало не мешать им, и тогда они успокоятся сами… Словно кони, которых понесло.

Бесстыдные, непокорные, но на самом деле и *не играющие существенной роли*.

В ту эпоху реальность просто не была способна отнести к числу высоких ценностей мутные бездны человеческих инстинктов.

Все вокруг было “идеальным”. Всем управлял из пещеры времен Платон. Его именем освящались нелепости, состряпанные профессионалами божественной кухни, которые бесстыдно спекулировали на “геометричности” аристотелевских идей.

Страсть, бросившая Изабеллу и Фердинанда в объятия друг друга, была вселенского масштаба. И юные монархи сумели — руководствуясь исключительно интуицией — возвысить ее над

тогдашней примитивной эротикой.

Поэтому они слепо отдавались своим порывам — по-королевски священным, и с самого дня свадьбы отвергли готические ритуальные *sarcophages d'amour*: два соединенных вместе гроба, обитых изнутри стеганым шелком, с тонкой деревянной перегородкой посредине, в которой проделано было отверстие ровно такого размера, который позволял пройти через него *лингаму*…

По обычаю супругов запирали в этот двойной саркофаг строго в период между Пасхой и Пятидесятницей, рядом зажигали четыре свечи и читали литанию *De Mortalitate*[31], а также заупокойные молитвы. Именно таким образом благородная пара должна была снисходить до плотских дел: с мыслями о тщете наслаждений, суетности жизни и справедливости хайдеггеровского *sein zum Tod* (“бытия к смерти”).

С почти хирургической точностью соитие жестко ограничивалось областью гениталий. (“Царапаться в перегородку” — поговорка с весьма пикантным смыслом. Ее, что любопытно, не

---

[31] Примечания: 31
“О бренности земного” *(лат.).*

зафиксировал Касарес[32], однако она еще жива в некоторых кастильских селениях. В ней намек на ситуацию, близкую той, что подразумевается во французском выражении *faire mordre l'oreiller*[33].)

Так вот, эти саркофаги гарантированно исключали из супружеских отношений всяческие объятия, поцелуи, непристойные касания, созерцание обнаженных тел и прочие “дьявольские действия”, говоря словами духовных наставников той эпохи.

В *sarcophages d'amour* два горячих источника, два центра любви чувствовали себя нежеланными детьми, брошенными в пустыне. Их лишали ласки, лишали эротических игр. Все сводилось к мимолетной вспышке желания. И очень скоро оно увядало, как пучок петрушки без воды, ибо неоткуда было ему черпать силы для возрождения.

Между тем Фердинанд и Изабелла отважно плутали по бесконечным тропинкам наслаждений, однако при этом еще и вели непримиримую

---

[32] Примечания: 32

Хулио *Касарес* (1877–1964) — испанский лексикограф, член Испанской королевской академии языка.

[33] Примечания: 33

Заставить кусать подушку, довести до оргазма *(франц.).*

войну. А потом с трудом возвращались с неба на землю, падали с вершин бестолковой метафизики к тайнам реальности.

Оба они были возрожденцами — и зачинателями Возрождения. Их пылкие объятия значили то же самое, что появление прекрасных девушек Боттичелли и Тициана или одухотворенных человеческих тел у Микеланджело.

Безрассудная страсть юных монархов безвозвратно губила Средневековье.

Фердинанд и Изабелла вихрем ворвались в эпоху гнетущей тоски. Сила их была безусловно ангельской природы. Они были красивы, неистовы и всегда готовы переступить последнюю черту. Существа без изъянов, излучающие сияние. Да, они и на самом деле не только казались, а *были ангелами*. Не случайно римские историки, прежде всего церковные, хоть и немало сделали, чтобы притемнить блеск их славы, вынуждены были описывать монаршую чету по канонам *ангелологии*.

Не существовало преград морального свойства, которые заставили бы их отказаться от великих замыслов. “Мораль” — аргумент для сломленных, для погрязших в человеческом, для вырожденцев. Для тех, кто должен вечно к чему-то приспосаб-

ливаться и оправдываться.

Фердинанд и Изабелла не были, конечно же, отягощены подобными нелепыми комплексами, но им были чужды и прочие выверты, замешанные на идее спасения[34].

Христофор снова и снова обдумывал свое незавидное положение. Как и всякий приверженец орфизма, он прибег к испытанному средству: спросил еще один кувшин вина. Ровный, бессмысленный гомон таверны, по сути, был сродни полной тишине, которая так нужна была ему, чтобы погрузиться в грустные размышления. Колумб смаковал свою хандру. Затем неосмотрительно забрел в коридоры прошлого. И только еще больше растравил себе душу, оплакивая выпавшую на его долю несчастную судьбу. Словом,

---

[34] Примечания: 34

В мусульманской ангелологии есть прямые указания на эту категорию ангелов. Их насылают на землю божества, разгневанные неразумной страстью людей к познанию. Главное в ангелах — вестничество (см. работы французского исламоведа Анри Корбена). По мнению Прокла (“Платоническая теология”, кн. 1), в своем менее софистическом и более *человечном* облике они обретают характер “дайманов” — или героев. Фердинанд и Изабелла в схеме святого Фомы или схоластов заняли бы место в третьей иерархии (по природе своей самой близкой к человеку). *Ангелологи* почти единодушно подчеркивают, что подобные существа обладают ужасной силой и дерзостью, ибо пребывают за гранью христианского свода законов. Им чужда идея *спасения*. Им не нужны ни вера, ни надежда, ни милосердие. Вполне возможно, человеколюбие им даже отвратительно. Они упорно исполняют свою миссию. И этого им довольно.

Они отрицают понятие первородного греха, не знают покаяния — отсюда их аристократическое высокомерие и сосредоточенность исключительно на себе.

Не лишним будет вспомнить, что Райнер Мария Рильке 8 января 1912 года, находясь в замке Дуино, подвергся нападению ангельского воинства — существ великолепных и дерзких. Изысканного поэта напугала их мощь, и он поспешил укрыться в первой из “Дуинских элегий”, где и описал сие рискованное происшествие.

Вопреки мнению испанского историка и писателя Сальвадора де Мадарьяги, Христофор Колумб представлял собой иной случай. Он был сверхчеловеком, страстным созидателем нового, так же как, скажем, Гонсало де Кордова, или маркиз де Кадис, или Боттичелли, или Микеланджело. *(Прим. автора.)*

упивался тоской (много позже именно такую роль станет выполнять поэзия танго).

Словно с высоты птичьего полета взглянул Христофор на минувшие двадцать лет. За эти годы он был мореходом, терпел кораблекрушения, самостоятельно обучился картографии, стал мужем богатой женщины. Затем лишился супруги и страдал эротоманией. Многие месяцы провел в море. Занимался торговым пиратством. Побывал в гаванях, всегда освещенных солнцем, и в гаванях, затянутых гиперборейскими туманами.

Что успел он сделать за свою жизнь? Почти ничего, что отвечало бы тщеславным мечтам человека, без лишней скромности считавшего себя потомком пророка Исайи.

Да, именно так: до сих пор — ничего. Перекати-поле, вдовец без родины, без наследства, нищий, обремененный единственной ношей — своим сокровенным знанием, которое, как оказалось, никому не нужно.

И все же, несмотря ни на что, он остался верен своему призванию открывателя нового. Набрался опыта. Укрепился в мысли, что принадлежит к числу избранных, что ему предначертано исполнить Миссию.

Долгие годы собирал он нужные сведения.

Отыскивал знаки, ловил намеки. Крал изъеденные молью карты в нижних ящиках комодов у вдов моряков, когда те засыпали, сомлев от греховной истомы.

Безжалостно хлестал по щекам умирающего матроса, которого море вынесло на берег в Мадейре:

— Погоди, не умирай, говори!

— Мы видели два трупа: светло-медная кожа, черные прямые волосы. Наверное, это были люди из земель Великого хана. Чуть поодаль плавал их плот с навесом из пальмовых листьев, под желтым парусом, сплетенным из каких-то веток, — а на нем лик улыбающегося и глуповатого бога, похожего на куклу, какие сжигают во время праздника в Валенсии.

Но матрос уже испускал дух прямо у него на руках, и даже во имя науки не удалось больше ничего из него вытянуть.

А на скалистом острове на *Última Thule* (в Исландии) Колумб жестоко избил викинга, требуя, чтобы тот объяснил с помощью двух дюжин знакомых ему латинских слов, как выглядел берег Винландии, куда когда-то добрался гонимый пасторским рвением епископ Гнуппрон.

Христофор задыхался, переполненный позна-

ниями, которыми никто не желал воспользоваться. Надо было пробиться к Ней! Но как?

Двадцать лет испытаний и странствий. И вот он, лишившись всего, сидит в этой таверне и не знает, что делать дальше.

Слишком трудно ему было смириться с нелепыми правилами игры, царившими в мире! Однако он не мог не понимать, что, если просто кинется к королевскому шатру, вопя о своих открытиях, его тотчас растерзают сторожевые псы.

Но тогда вместе с ним погибнут и бесценные знания: о двойственной природе всякого творения, о воздушной и морской природе всего сущего (не случайно в Книге Бытия говорится, что сначала были только воздух и вода — а скорее даже туман, то есть смешение того и другого). Все мы — рыбы или птицы, но и сами того не ведаем! Разве не похожи человеческие волосы на остатки великолепного оперения, которое люди утратили, когда перестали летать? Но теперь человек больше не тоскует по полетам — он им завидует. А самое главное из тайных познаний Колумба — это сведения о Рае земном.

Оказавшись перед лицом королевской четы, Христофор не станет терять драгоценное время на описание своих великих открытий. Он сразу

возьмет быка за рога: объяснит то, чему суждено сыграть огромную геополитическую (хотя это слово еще не было тогда в ходу) роль. Объяснит, почему он считает, что, вопреки мнению многих, Земля все-таки плоская. А значит, можно доплыть до конца моря-океана, достичь ее последнего края — он приподнят, благодаря чему вода удерживается там словно в большой лохани.

Год назад Колумб, часто беседуя с моряками, окончательно убедился: все они боятся скатиться с палубы в пучину морскую именно потому, что верят, будто корабли идут вперед по поверхности Земли, имеющей форму шара. А поскольку на подошвах у людей нет липкой смолы и вода не способна прикрепить к себе корабль, то, как только будет нарушен допустимый угол кривизны, свойственный — считали они, хотя, конечно, ошибочно — нашей планете, их ждет падение в Звездную Пустоту.

Колумб хорошо все обдумал и пришел к выводу, который мог бы защитить даже перед учеными Саламанки: крошечный муравьишка ползет вокруг дыни и не падает вниз, так как липкие лапки помогают тщедушному тельцу удержаться в поединке с Отрицательной Силой (как называл ее Христофор), которая всякую вещь либо всякое

живое существо влечет в первозданный Хаос, во мглу или тишину. (В этом Колумб был согласен с греком Анаксимандром.) А человек, в отличие от муравья, рождается физически ущербным — и его ущербность прогрессирует, то есть у него нет тех преимуществ, которые самым естественным образом упрощают жизнь насекомых. Но ведь когда-то они были! Об этом свидетельствует, скажем, неприятная потливость ног — и там она чуть больше, чем у других частей тела.

Человек будет действовать смелее, узнав, что Земля плоская, даже если весь мир круглый! Только тогда человек рискнет доплыть до Индий! И короли должны об этом узнать!

Колумбу хочется во все горло кричать о своих открытиях, но он держит себя в руках. Раньше его врагами были портные, теперь — Святое братство, символом которого стал пучок стрел!

Он понимал, насколько беспомощен всякий настоящий ученый пред лицом непрошибаемого невежества.

Тот день в любом случае показался ему одним из худших в его жизни. С тоской вспоминал Христофор о безвозвратно утраченных надеждах на покой и счастье, вспоминал свой брак с Филипой Мониш Перештрелу, вспоминал Лиссабон. Все то,

что навсегда осталось в прошлом.

Она чувствовала себя пленницей в суровой монастырской школе и лишь по воскресеньям выходила на прогулку. Шла в сопровождении своей матушки в церковь — стройная, сияющая юной прелестью. Колумб приветствовал ее лучшей из своих улыбок. Она отвечала милым кивком. А бронзовые голоса колокола созывали между тем прихожан к одиннадцатичасовой мессе!

Сверкающий в лучах солнца Лиссабон, широкая лестница собора Всех Святых.

Христофору было двадцать восемь лет. Он был тщеславным неудачником, одержимым сомнениями и разного рода идеями, но отнюдь не желанием “делать карьеру”. И нерадивым служащим генуэзских мультинациональных компаний, которые, как и нынешние, направляли свою деятельность в два русла: торговля и грабеж.

В Лиссабоне все казалось ему нереальным: и яркое солнце, и спешащие к мессе девушки, которые под вуалями скрывали лица от дерзких взглядов. Но едва появилась Филипа Мониш Перештрелу, как со стороны Тежу примчался со скоростью шести — восьми узлов легкий ветерок

— по проспекту, что тянется от Морского арсенала до Королевского дворца, — и приподнял вуаль Филипы. Христофор почувствовал, будто что-то ударило его в затылок, ноги сразу стали ватными, а лицо запылало. Он увидел ямочку у нее на щеке, крылья носа, похожие на крылья бабочки, и пушок на гладких щечках. Одним словом, сравнить ее можно было со спелым персиком.

Так Данте увидел Беатриче Портинари (ей в ту пору уже исполнилось девять лет, столь ее красивших) и описал это в "Новой жизни": "Дух Жизни, который пребывает в сокровеннейшей светлице моего сердца, стал трепетать так сильно, что неистово обнаружил себя…"[35]

Португалия, апрель. Точнее — 14 апреля 1477 года. В этом месяце бесплодная почва Северного полушария спешит убежать от зимы и в сердцах расцветают нежные чувства.

Итак, он был неудавшимся пиратом, нищим собирателем морских карт и трудов по навигации, лишенным возможности похвалиться хотя бы благородными корнями. Встреча с этой *jeune fille rangée*[36] явилась для него великим событием.

---

[35] Примечания: 35
Перевод А. Эфроса.

[36] Примечания: 36
Благовоспитанная девица *(франц.).*

(С той поры ямочка на щеке и нежный пушок — как шерстка беззащитного олененка — станут обязательной чертой переменчивого женского образа, создаваемого его воображением.)

Христофор понял, что отныне все его тщеславные планы будут непременно связаны с этой ямочкой.

На скалистом португальском берегу он оказался 13 августа 1476 года — доплыл до него на спине, полуголый, с трудом подгребая одной рукой, другой ухватившись за разбитое весло. А сколько его товарищей утонуло! Христофора спасла несгибаемая вера в свою Миссию. И еще то, что по природе он был амфибией (потеряв в воде толстые чулки, Колумб на берегу, к счастью, сразу нашел, чем прикрыть свою тайну).

Его выбросило на отмель среди неприветливых рифов. Будто песчаные ладони Бога нежно подхватили несчастного, сперва жестоко встряхнув. Он ощутил уверенность, ощутил себя *отмеченным божественной благодатью*. Стало ясно: с пиратством, которое столько ему дало и столь многому его научило, отныне покончено навсегда.

Почти голый, растерянный, спасаясь от какого-то шелудивого пса, что бежал за ним от самого

берега, предстал он в местной конторе генуэзской компании “Спинола”. Ему помогли получить должность торговца книгами по навигации и переписчика. А заодно намекнули на преимущества выгодной женитьбы.

— Кто эта девушка? — спросил Христофор кого-то из стоявших на ступенях собора Всех Святых.

— Филипа Мониш Перештрелу, а с ней ее вдовая матушка.

Девять месс спустя он добился от нее благосклонного взгляда. Через восемь воскресений — первого, но пока очень робкого, приветствия (“Это генуэзский кабальеро, он, как когда-то и твой покойный батюшка, служит в компании «Спинола»”).

Еще через три недели он был принят в доме у Перештрелу (на нем был вполне приличный костюм, какие у “Берарди” дают напрокат для свадеб и других торжественных случаев). Глядя на портрет почившего в бозе хозяина, слывшего отличным моряком, он беззастенчиво восхвалял морские обычаи. Христофор был при этом, судя по всему, неотразим.

“Прекрасная Португалия! Благословенные времена!” В доме “Берарди” ему по льготной цене (только для своих служащих!) изготовили

фальшивую родословную: Сусана Фонтанарроса превратилась в достойнейшую супругу французского адмирала Доменико Колумба. Появились две сестрицы-*snob*, а также старая кормилица, называвшая его “деткой”, и даже резвая собачка, растолстевшая на *marrons glacés*[37].

Свадебный обед был скромным — чтобы не обидеть навсегда утратившего аппетит покойного Мониша де Перештрелу. Молодых осыпали сухим рисом и заперли в огромном фамильном доме. А проливающая безутешные слезы сеньора де Перештрелу перебралась со своими пожитками к брату, лиссабонскому архиепископу.

Итак, они остались вдвоем. Филипа в платье с искусной вышивкой. И Колумб, вытирающий полотенцем крупные капли пота, которые стекали с его плебейского затылка, больше похожего на плечо ассирийского борца.

Невероятное волнение. Умопомрачительная реальность. Два часа простоял он на коленях, прижавшись щекой к ее ноге и всхлипывая в порывах восторженной благодарности. Девушка глядела на него растерянно, онемев то ли от ужаса (поскольку должна была покорно отдать свое

---

[37] Примечания: 37
Засахаренные каштаны *(франц.)*.

тело тому, кто по воле Господа стал его полным властелином), то ли от пьянящего желания, неведомого до сего мига. По всем своим симптомам оно напоминало грипп, которым она переболела два года назад: боль в мышцах, расстройство кишечника и странный пульсирующий жар на поверхности кожи.

Долгие часы провели они в неподвижности. Перед ними открывалось столько пагубных возможностей! (А возможность порой оказывает парализующее действие, о чем четыреста пятьдесят лет спустя во всеуслышание и с должным пафосом заявит Жан-Поль Сартр.)

Колумб открыл пахнущий лавандой сундук и отыскал там панталоны из тончайшей ткани, ярко-красные подвязки (непременный атрибут старинных дворянских свадеб) и чулки, вывязанные с греховной изощренностью монахинями из Алентежу, чем эти мастерицы издавна славились.

Он несколько раз одел и вновь раздел Филипу, точно маньяк надувную куклу, маньяк, у которого впереди сколько угодно времени. Эта девушка, это чудесное создание из самого благородного общества, была отдана ему в руки благодаря невероятной, но счастливой для него ошибке, за что

рано или поздно он дорого заплатит. (Колумба долго преследовали угрызения совести, будто он получил что-то обманом, и это было подсознательной формой раскаяния.)

Между тем дом постепенно наполнялся странным ароматом. Филипе казалось, будто их окружило внезапно вышедшее из берегов море. В богатой, умело подобранной библиотеке Христофор нашел подходящую балку. Сделал блок и приготовил скользящий узел. Потом подвесил Филипу за щиколотку, как это изображено на карте Таро номер 12 (Повешенный), которую он видел у цыганки, гадавшей ему в марсельском порту.

Филипа висела, словно вывернутая наизнанку или изломанная. Волосы ее спадали почти до пола. И только тогда это тело стало для Христофора физически очевидным. Он мог рассмотреть его, вдохнуть все его запахи, коснуться каждого члена по отдельности, заглянуть в самые восхитительные и тайные складки. Он действовал, неспешно контролируя свои восторги, и время от времени замирал, ослабев после очередного оргазма.

И это было чудесно! Трудно было поверить, что в результате каких-то замысловатых религиозно-юридических процедур нежное тело Филипы

словно бы стало вещью, ставшей его личной собственностью.

Только поздней ночью решился он двинуться дальше по самым заветным и потаенным тропам. Волшебная, овеянная легендами “плоть” брала его в плен, показывая все свое ужасное могущество.

У Христофора из глаз хлынули слезы бесстыдной благодарности: “Теперь никто и ничто не сможет разлучить нас, ничто не сможет помешать нам. Господь соединил нас”.

Так в первый раз познавал он женщину, с которой его связали священные узы.

И только теперь, в двадцать восемь лет, Колумб наконец спустился с высот метафизики к реальности.

Он слегка покусывал ее мягкие выпуклости. Исследовал, как и почему проступает на теле нежная влажность. Языком пробегал по обширным территориям, покрытым кожей, какая бывает лишь у людей благородного рода. И с упоением наслаждался ее слегка солоноватым вкусом, что подтверждало его теорию — он же ученый, черт побери! — о морском происхождении людей, в том числе и женщин. Ведь соль, оставшаяся в порах, — это память о нашей мифической жизни

в океане.

Так как веревка терла Филипе лодыжку, он отыскал в комоде кусок шерстяной материи и заботливо подложил под узел.

В том же ящике комода, на самом дне, справа, Колумб обнаружил знаменитое секретное письмо флорентийского астронома и картографа Паоло Тосканелли к Перештрелу с отчетливым наброском карты Антильских островов и острова Сипанго[38], расположенного не так уж и далеко от португальского берега. (Несмотря на владевшее им тогда возбуждение, Колумб сразу понял важность найденного письма, и в следующие недели он выкроит время для внимательного изучения приведенных там чертежей.) Случайная находка сыграла решающую роль в его судьбе: география вперемежку с эротикой показалась ему фантастически прекрасной, но, будучи полным невеждой в сей материи, он решил, что стал обладателем карты Рая земного.

До рассвета наслаждались они полетами между сном и явью. И только когда в саду захлопали крыльями первые утренние птицы, Христофор отважился на большее. Но понадобилось еще два

---

[38] Примечания: 38

Средневековое название Японии, зафиксированное Марко Поло.

дня, чтобы их брачный союз можно было считать по-настоящему свершившимся.

Шесть месяцев они никого у себя не принимали. Встревоженная вдова Перештрелу стучала то в ворота, то в ставни, закрытые так плотно, словно хозяева уехали куда-то на лето. Ей пришлось с этим примириться и поддерживать связь с дочерью через корзинку, которую затворники спускали вниз с высокого балкона. В ней мать Филипы отсылала наверх продукты и советы для Филипы (как по женской части, так и по духовной).

А потом супруги отбыли на остров Порту-Санту, где Перештрелу был прежде губернатором. Предполагалось, что Колумб возродит там кролиководство и будет действовать с размахом, ведь именно на этом поприще отличился его покойный тесть в действительности.

Колумбу пришлось постигать новую науку — все, что касается разведения кроликов и их болезней. Но это были счастливые дни. Родился маленький Диего. Ушли на материк первые партии пушистых шкурок и соленого мяса для прокорма лиссабонских рабов.

Однако Порту-Санту, маленький островок в Атлантическом океане, расположенный недалеко

от Мадейры, так и не сумел сделать из Христофора настоящего буржуа, не заставил забыть о том, что одним из его предков был пророк Исайя (о чем не раз упоминал он в кругу друзей).

Между тем Филипа постепенно перестала понимать и смысл долгих прогулок мужа по белейшему песчаному берегу, и то, что он бессонными ночами сидел, уставившись на море. Кролики были заброшены и скоро превратились в несметное воинство, пожиравшее все вокруг — от растений в саду до одежды отважных колонистов, которых привела сюда мечта о быстром обогащении.

Через три месяца после рождения Диего случилось следующее. Колумб, менявший младенцу пеленки, почувствовал сильное сердцебиение, и его прошиб холодный пот, поскольку в этот миг он вдруг ясно понял, что изменяет своей Миссии.

Обедали они в двенадцать, ужинали в шесть. Но он мог вернуться домой и в три часа дня, даже не заметив, что опоздал, и приносил с собой куски дерева и какие-то обломки, которые находил на отмели. Ему хотелось угадать в них знаки, свидетельствующие о существовании далекого, а возможно, и довольно близкого континента.

Однажды он вернулся в час ночи и сказал ры-

дающей Филипе:

— Раньше я вернуться никак не мог. Я был на мысе Агуха, мне нужно было получше принюхаться к тамошнему воздуху. Ветер принес туда запах неизвестных цветов — наверное, цветов из иного мира!..

Все это убивало Филипу. Она больше не заботилась о своих голубях, поэтому кролики завладели и голубятней тоже. В душе Филипы не осталось места для радости, покоя и мелких удовольствий. Филипа молча чахла. Так нередко случается с тонкими натурами, когда на них обрушивается разочарование и они не в силах с ним справиться. Она была способна лишь вышивать и молиться.

Юная Филипа поняла, что супруг ее — исполин, который ждет своего часа, то есть удачного стечения обстоятельств, а о любви больше почти не думает. И поделать с этим ничего нельзя, в ее дом пришла беда.

В марте 1484 года Филипа весила всего тридцать восемь килограммов, Христофор брал ее на руки и выносил на солнце, а следом семенил маленький Диего. Если погода была хорошей, они добирались до источника, и там Колумб устраивал для жены купания, ибо всегда считал воду целебным средством.

— Тебе надо укрепить кровь, — говорил он. — А для этого ты должна есть рагу из кролика с чесноком и побольше сырой моркови…

Но она уже не могла проглотить ни кусочка. И ее выворачивало наизнанку при встрече с кроликами.

Христофор почти перестал спать, и его бесила возня грызунов, которые захватили почти весь дом и мешали ему слушать музыку прибоя. При свете масляной лампы он читал и перечитывал книгу кардинала д'Альи[39].

У него больше не оставалось сомнений:

1. Можно вернуться в Рай земной, где, как писал кардинал, “есть источник, который орошает Сад наслаждений и дает начало четырем рекам”.

2. “Рай земной — приятнейшее место, расположенное на Востоке, весьма далеко от нашего мира”. (Колумб пометил на полях: “За тропиком Козерога находится прекраснейшее из всех мест, самая высокая и благородная часть мира — Рай земной”.)

3. Там не существует иных украшений, кроме

---

[39] Примечания: 39

Пьер *д'Альи* (1350–1420) — французский философ, теолог, кардинал, папский легат; его сочинение *Imago Mundi* (*лат.* Картина Мира, 1410), возможно, повлияло на заниженную оценку Колумбом размеров Земли.

золота и драгоценных камней. А значит, есть чем поживиться, чтобы вложить средства в генуэзские компании и купить контрольные пакеты акций! И наконец, конечно же, тогда можно будет отвоевать Гроб Господень, вновь открыть путь на Восток и, потеснив татар, прорубить проход в "железном занавесе из ятаганов".

4. А еще Христофор сделал некоторые выводы из своего эзотерического опыта, но не доверил их бумаге, а решил сохранить в памяти.

В те дни Христофор пребывал в страшном возбуждении. Солипсизм, замешанный на мании величия, окончательно оторвал его от реальности… Колумб нервно метался по саду, пинками отшвыривая с дороги кроликов. Со свойственной ему тихой и благостной скромностью он решил: гений победил в нем просто человека.

Что касается супружеских отношений, то в них нежность, словно сорная трава или кролики, окончательно победила эротику. Страсти больше не было, она сама себя изжила.

Итак, осталась нежность без любви (а была ли когда-нибудь любовь?). По правде говоря, Филипа напоминала теперь фигурку, вырезанную из выцветшей бумаги. На глазах мужа она день ото дня теряла всякую выпуклость: сначала опали груди,

потом бедра, потом плечи. Филипа превратилась в плоскую картинку, совершенно лишенную объема. Так что ни о какой плотской близости речи идти уже не могло. Сама мысль о чем-то подобном казалась Христофору нелепой и даже смертельно опасной.

В конце того же 1484 года все и закончилось: больше в Филипе не осталось никакой *существенности* — это был только портрет, воспоминание. Ее можно было вставить в рамку и повесить в столовой над буфетом.

Между тем кролики уже сожрали последних голубей. В довершение всех бед король Португалии отверг проект Христофора — доплыть новым путем до Сипанго и Антильских островов. Отверг со смехом и издевками. Никто не воспринял его планы всерьез.

Историки не могут прийти к единому мнению: убил он жену после возвращения в Лиссабон (то есть положил конец ее мукам, если выразиться точнее) или, проявив великодушие в духе Сантоса Диссеполо[40] (разве могла она и дальше сносить позор и продолжать жить с человеком,

[40] Примечания: 40

Энрике *Сантос Диссеполо* (1901–1951) — аргентинский драматург и автор танго, которые отличались мрачным и отчаянным взглядом на реальность.

повесившим ее, как уже упоминалось, в рамке над буфетом?), потом продал мавританским торговцам белыми женщинами, а те перепродали ее за хорошую цену на рынке в Касабланке?

Этого никто никогда не узнает. Как никогда не была найдена и могила Филипы, хотя с самого часа рождения в семейном склепе на самом шикарном кладбище Лиссабона было приготовлено место для ее погребения.

Однако именно тогда Христофор вместе с маленьким Диего спешно прибыл в Андалусию — тайком, бросив все имущество, почти без денег — и нашел приют во францисканском монастыре Ла-Рабида, расположенном неподалеку от города Пунта-Умбриа.

И пока падре Торрес, успокоенный присутствием ребенка, доставал большой ключ, готовясь отпереть ворота, Диего спросил:

— Папа, а где наша мамочка?

Колумб почувствовал, как судорога сжала ему горло. Он отвернулся, сделав вид, что справляет нужду, а на самом деле чтобы скрыть от сына слезы. Когда кто-то умирает — по нашей вине или нет, — горе ощущаем мы, оставшиеся, те, кто страдает от утраты и на кого обрушилась пустота. А вот умерший, как нам кажется, наобо-

рот, обретает свободу. И мучает нас прежде всего пустота, которую они *нам* оставляют. (Вот почему китайцы, более мудрые, чем мы, радуются и смеются, видя перед собой смерть. Они думают о покойном, а не о себе.)

Каонабо, Анакаона, Сибоней, а за ними Бельбор, Гуайронекс и касик Кубайс. Нежная и кокетливая Бимбу… Все они присутствуют на обряде инициации, стоя на высоком береговом холме, и смотрят на юношей, которые отбывают в Мир Без Берегов. Те успели испить положенные настои, а кое-кто из них уже начал раскачиваться, словно баклан, который готовится взмыть в небо. Радужная оболочка их глаз меняла свой цвет. А светло-зеленый взгляд — странный и отрешенный взгляд — теперь был обращен куда-то вдаль!

Некоторые растягивались на песке и принимались выть. То был первый, целительный, ужас. Ужас человека, который понимает, что он растворяется в Пространстве, и поэтому пытается ухватиться за “реальность”. Кто-то цеплялся за траву или за корень пальмы, но это не помогало: все они чувствовали, как их неумолимо подхватывает ураганный ветер (но при этом на веселых пальмах не шелохнулся ни один лист). Все они растворялись, потому и выли. Переступали порог

обители Не-Бытия, о которой не следует забывать во время краткого пребывания в Бытии. И хотя и Бытие и Не-Бытие, по сути, это все то же Бытие, человек, от природы наделенный болезненным разумом, неизбежно начинает тщеславиться своей эфемерной телесностью. И это факт вроде бы неоспоримый. А на деле? На деле это нечто недолговечное и весьма ничтожное.

— Бедные юноши, — заметила прекрасная принцесса Анакаона. — Они так страдают.

Текутли из Тлателолько, будучи случайным гостем на островах, также наблюдал, как большая группа юношей, почти целое поколение, улетает к Всеобщему.

Сам он прибыл сюда, дабы предложить этим беспечным островитянам покровительство Ацтекской конфедерации, потому что те стали жертвами излишнего религиозного рвения (именно так!) карибских каннибалов, которые были теофагами и считали, что можно съесть бога, красоту и отвагу. Мало того, выбирая для своих трапез самых красивых таино, они надеялись избавиться от столь характерных для их собственного племени безобразия и свирепости.

Между тем великий таинский вождь Гуайронекс, видимо затосковав о прошлом, когда он сам

пережил инициацию, прыгнул на песок и сделал несколько танцевальных па среди погруженных в транс юношей.

Зазвучали тамбурины. Звонко запели большие раковины.

Теплый вечер на острове Гуанахани. 12 октября 1491 года (а для людей с Багамских островов, согласно их магическому календарю, то был год 16-Звезда).

Путешествие к Всеобщему. Они отправлялись туда, чтобы не дать засосать себя трясине зримого и каждодневного, двух этих главных опасностей — пространственной и временной. Со стенаниями растворялись охваченные ужасом юноши в Пространстве изначальном. Выпадали из человеческого времени в вечность. Прикасались к Великому…

И лишь три дня спустя начиналось возвращение.

Девушки, послушные указаниям Сибоней и Анакаоны, танцевали пленительные арейто[41] под монотонные ритмы тамбуринов. На них не было ничего, кроме ритуальных крошечных юбочек из прозрачных кусочков ткани, под кото-

---

[41] Примечания: 41

Арейто — старинный индейский танец с пением.

рыми проглядывала тень их *Venusberg*[42].

Дерзкие юноши постепенно находили дорогу назад, следуя самому сокровенному зову плоти. Снова учились ходить и смотреть. Узнавать родные лица и привычные предметы. Они опускались с неизмеримой высоты на берег.

Кто-то сразу же пытался войти в круг танцующих. Девушки брали их за руку и вели за собой. Кто-то уже лежал в дюнах со своей избранницей. Женщина — это самая желанная гавань.

И лишь один из вернувшихся, задыхаясь от волнения, объявил, что в море на Востоке видел тени *дзидзиминов,* демонов-захватчиков. Эти свирепые твари способны отнять у людей священную непрерывность Сущего. Однако ему никто не поверил.

Здесь слишком многое воспринималось как метафора.

“Убивать надо как можно быстрее, дабы душа осужденного грешника мгновенно покинула тело и имела больше надежд на спасение. А вот с любыми странниками и чужеземцами будьте радушны и милосердны”. Изабелла читала инструкции, составленные для Святого братства.

---

[42] Примечания: 42
Венерин холм *(нем.).*

Потом без колебаний их подписала. Она знала, что душа, задержавшись в грешном теле, подвержена растлению. Не случайно восточные люди придают этой проблеме такое значение. (Торквемада рассказал ей как-то о “Бардо Тодоле”, или “Тибетской книге мертвых”.) Что такое душа? Эфир, чистый полет, роса…

Надо было установить строжайший Общественный Порядок.

Годы гражданской войны. Годы боевых походов, борьбы за власть. О милосердии думать было некогда. Лучше один день прожить львом, нежели сто лет овцой! По коням! Вперед!

Всё едино, Изабелла —
то же, что и Фердинанд.

Конница! Пехота! Алебарды, арбалеты! Уж если погибнуть, то в честном рукопашном бою! А еще — огонь, как можно больше огня! Пока не укрепится единство, пока не воцарится терпимость! Смерть нетерпимым!

Изабелле подводят коня Аполлона (верхом она ездит на мужской манер), и конюшие, поддерживая ей стремя, в смущении опускают глаза.

— Наша цель — Христианский мир! Наш девиз — Гуманизм!

Изабелла неотразима: узкие панталоны-чулки из лосиной кожи, лаковые сапожки. Радостно, самозабвенно, стремительно взлетает она на коня (две монашенки крестятся, глядя, как лихо эта хрупкая женщина держится в седле). Алый лиф с золотой шнуровкой. Куртка, плотно облегающая грудь, с наглухо закрытым (по-военному) воротом. Короткая накидка из черного бархата с серебряной цепочкой (та тянется от крючка в виде буквы *F* к изящной *Y* на колечке). Широкополая шляпа с зеленым фазаньим пером. И дивные золотые волосы, летящие по ветру.

Мадригалехо? Сровнять с землей! Вперед — на славный праздник войны! Лихорадочные дни. Ярость и восторг сражений. Время измеряется загнанными лошадьми: Мадригал пал у лисьих пещер Авилы, Аполлон — у перевала Деспенья-перрос, потом настал черед Бантурро — тот не выдержал нещадного солнца Ла-Манчи.

Ночи напролет — галопом по туманной Галисии. От рассвета до заката — по раскаленной и пыльной Кастилии. Далеко ли до Ла-Торры? Вперед — на юг! На юг!

Под копытами Испания — пересохший барабан. В бой — против малодушных графов и предателей баронов, вставших на защиту сомнительных

прав Бельтранехи.

Ночные привалы у схваченных льдом ручьев. Пронзительный январский холод. Заунывная солдатская песня у костра, где зеленым пламенем горят поленья черного тополя.

Беспощадно разрушены все укрепления Мадригалехо. Обезглавлены бунтовщики. Их тела гроздьями свисают с дымящихся стен. Славно поработала артиллерия: белый мрамор для ядер привезли сюда из Каррары (там Микеланджело выберет безупречный блок для своей “Пьеты”).

Изабелла страшно устала (и, как назло, в шатер ее налетели тучи комаров). Она проснулась и пишет письмо Фердинанду:

Король мой, Господин мой!

Мы с моим конем Мадригалом еще оглушены грохотом орудий и пением ядер (тех самых, что доставлены из Каррары). Удалось ли тебе очистить от скверны Сарагосу? Пусть не дрогнет рука твоя! Только мы можем указать одряхлевшему Западу путь — на четыреста или даже пятьсот лет вперед! Кстати, не повстречался ли тебе где-нибудь белокурый валет, предсказанный нам ворожеей-цыганкой? Черный рыцарь уже объявился, в том нет никаких сомнений: зовут его Гонсало, родом он из Кордовы. Теперь о деле.

Новый галисийский полк великолепен. Представь себе: раны у них кровоточат, только когда задета артерия. Можно подумать, что сделаны они из камня. А еще мы с герцогом де Кадисом устроили питомник для непальских гуркхов. Они плодятся все равно как люди — каждые девять месяцев. На вид маленькие и губастые, но как будто специально созданы для штурма крепостных стен.

Я — Королева

На следующее утро она вошла в Трухильо — следом за красивыми и отважными герольдами. Изабелла была одета в парчу, на плечах — горностаевая мантия, на голове — корона. Королева наконец научилась носить ее как подобает, и теперь корона сидела крепко, не шелохнувшись.

Глупый, доверчивый народ всегда готов отдать жизнь за обсыпанную драгоценностями королевскую власть:

Арагона цветы
у Кастилии внутри.

Но медлить нельзя! “Вперед! Вперед!” И той же ночью, едва спала жара, Изабелла мчится во главе отряда быстрых всадников на Касерес. Две тысячи копьеносцев скачут, жуя на ходу маслины, украденные при свете луны в оливковых

рощах Эстремадуры.

Укреплялся Новый порядок. Во всех городах стали появляться черные люди — инквизиция. Дети, не успевшие нагрешить, и невинные девушки с веселым любопытством глазели на всадников в траурных одеждах. Вместе с ними прибывали дюжины мулов, груженных чем-то похожим на передвижные мастерские: там были блоки, ролики, колеса, тиски, переносные кузнечные горны, маленькие печи. Сундуки из тисненой кожи, набитые распорками, щипцами, неаполитанскими сапогами, бронзовыми глазоколами, марокканскими бичами, изящными крючьями для сухожилий и распятиями.

Изабелла взывала к Торквемаде: “Монах, разве можно вечно сидеть в дворцовой тиши! Нужно идти и отыскивать грех — на улицах, в людских телах! Только спасая других, обретешь ты спасение!”

А еще короли знали: Запад сумеет возродиться, лишь укрепляя свои греко-римские корни.

Для черни — смирение и молитва. Для знати — торжество отваги и силы.

Люди-собаки должны знать свое место — точно так же, как растения, рыбы или государственные служащие.

Культ Девы Марии обрел чуть ли не языческие черты. То и дело устраивались крестные ходы. Каждому святому отныне полагалось не только по свечке, но еще и по алтарю! Христомания глушила любые ростки живой мысли. Возникали целые полки монахинь и клириков — фанатичных и далеких от самых элементарных доводов разума.

Трижды в неделю — пост. Черный хлеб и колодезная вода. Принудительные покаяния. Бичевания.

Изабелла загнала людей в клетку их собственного абсурда, презрения к собственному телу и страха перед ним.

В каждом городе, в каждой деревне появилась своя гора Кармель. Священники за неделю стаптывали башмаки, водя туда процессии. Как грибы после дождя росли слухи: о левитациях, мистических видениях, о возвращении на землю усопших, которые рассказывали про сулящий надежду огонь чистилища и лишающие всяких надежд муки в адских котлах. Дети выходили из церкви бледные, дрожа от страха.

С прозорливостью гениальных политиков Фердинанд и Изабелла поняли: им нужно папство, соразмерное их империи. Ватикану пора

проснуться и стряхнуть с себя чудовищное оцепенение пиетизма.

Историки правильно очертили роль, выпавшую на долю валенсийского кардинала Родриго Борджиа: именно ему предстояло смоделировать имперский католицизм — жестокий и возрожденческий. Католическую церковь, которая не будет бояться человека в Человеческом и не будет стыдливо цеплять гипсовые набедренные повязки к чреслам борцов на скульптурах Фидия.

Родриго Борджиа станет таким папой, какой им нужен. Папой-возрожденцем, которого создали ангелоподобные молодые монархи. Ему исполнилось сорок два года, когда он прибыл из Рима в Испанию. Это был крепкого сложения мужчина с черными глазами, “вида внушительного и величественного”. Большой охотник до земных радостей. Человек, от природы жестокий, готовый на все ради удержания власти.

Итак, он прибыл в Валенсию 20 октября 1472 года. Здесь в качестве приветствия ему преподнесли новость: только что в Кордове было истреблено много евреев и обращенных.

Его прибытие в город было обставлено торжественно. Впереди ехали бьющие в барабаны стражники-негры, а также придворный оркестр.

Он дал обед, состоявший из тридцати двух блюд, где вино подавалось в золотых церковных чашах, — в честь Педро Гонсалеса де Мендосы, который жаждал получить красную кардинальскую шапку и которому предстояло стать ключевой фигурой в укреплении власти монархов-ангелов.

Однако союз Фердинанда и Изабеллы с Родриго Борджиа (будущим Александром VI), столь важный с исторической точки зрения, требовал освящения.

И оно состоялось: 27 февраля 1473 года в окрестностях Алькалы.

Тот рассвет был не слишком холодным. Юные монархи взошли на вершину холма. Под войлочной накидкой Фердинанда, доходившей до земли, нашлось место и королеве. Издали казалось, что холм увенчан черным конусом — вроде друидского памятника.

Кардинал Борджиа без свиты (так как совершал поездку в строжайшей секретности) пешком поднялся наверх. Оказавшись ближе, он различил над черным конусом две головы — Фердинанда и Изабеллы. Королеву было легко узнать по золотой копне волос на фоне серо-голубого тумана.

Фердинанд стоял сзади, тесно к ней прижавшись, и овладевал ею с невозмутимым упорством.

Плащ стал убежищем, надежно укрывавшим их тесно слившиеся тела. Она слегка раздвинула ноги, чтобы облегчить задачу монарху-инкубу, который был ниже ее ростом.

Эта сцена несла в себе невыразимую ритуальную мощь.

Они достигли оргазма, и по двум телам уже пробежал едва заметный трепет, когда прелат оказался всего в нескольких шагах от этой эротической *мандалы,* этого космического символа.

Посвящение свершилось — высшее брачное таинство, давшее начало новой Синархии.

Так рождались Империя и Имперско-католическая церковь. Как пустую породу отбрасывали они прочь мрачное и ханжеское христианство. Борджиа на миг приблизился к застывшей в неподвижности королевской чете: полузакрыв глаза, они катились по бархатному склону блаженной слабости с вершины любовного наслаждения. А он просунул под войлочный конус правую руку с большим фамильным перстнем, поймал на теплом бедре принцессы каплю драгоценной спермы, рожденной самой сильной и чистой в

мире любовью, и помазал ею свое чело[43].

Накидка была сброшена на землю. Все трое взялись за руки и преклонили колена прямо на мокрой от росы траве, а затем, следуя за звонким баритоном кардинала, пропели три *отченаша* и три *богородицы*.

На балке покачиваясь висело тело сеньора Гутьерреса Гордо — влиятельного купца, который не сумел вовремя вписаться в антибуржуазную и антилиберальную линию нового имперского порядка.

Фердинанд усмирял Сарагосу.

Он пригласили купца, тайного оппозиционера, на обед, и по знаку Фердинанда — уже во время десерта — стражники повесили гостя на балке. Он был бунтовщиком.

Тело едва заметно покачивалось. Круглый живот, обтянутый жилетом из фламандского шелка, был похож на шар маятника. Фердинанд вспомнил маятник прибора для измерения времени на Часовой башне в Берне.

---

[43] Примечания: 43

Удалось установить место, где происходила вышеописанная сцена. Оно расположено в нескольких милях от Алькалы (где обитала тогда Изабелла), между Лечесом (сегодня — Лоэчес) и Торрехоном-де-Ардором, слегка на север от Торрехона-дель-Рея. На том холме в настоящее время действует мастерская по ремонту шин и резиновых изделий. *(Прим. автора.)*

Он продолжал невозмутимо чистить апельсин. Затем велел принести бумагу, смахнул со стола крошки хлеба и начал писать Изабелле, которая находилась далеко, в полях Кастилии, занятая ходом гражданской войны:

...естественно, я дал этому обжоре и сквернослову доесть заварной крем.

Скажи, а не встретила ли ты наконец валета с глазами цвета морской волны? Правда, меня уверяют, будто в арагонских карточных колодах у всех валетов глаза темные. Только у рыцарей и у двух из четырех королей они голубые. Но будем продолжать поиски: всякой империи необходим один адмирал и один великий маршал.

Усмирение Сарагосы — это кошмар и ужас. Моя единственная радость — выезды на охоту в сопровождении здешнего архиепископа. Ему уже исполнилось десять лет, и, к счастью, он не успел заразиться ватиканским коварством и ватиканским занудством. А лицом он все же чуточку похож на меня![44]

---

[44] Примечания: 44

Фердинанд, лукавя, упоминает здесь Альфонсо Арагонского, своего внебрачного сына от виконтессы Эболи. Альфонсо сделал блестящую карьеру: в шесть лет стал архиепископом, в восемь — кардиналом. И при этом никогда не отличался чрезмерной религиозностью и не страдал склонностью к мистике. *(Прим. автора.)*

В эти мрачные дни я развлекаюсь еще и тем, что скачу меж каменистых круч вместе с Беатрис де Бобадильей, племянницей маркиза де Мойи. Обычно я следую на некотором расстоянии за этой хрупкой амазонкой и архиепископом. Как освежающе хороши взрывы их смеха, когда они гонятся за лисой! Как свежа и порочна их наивность!

Помнишь ли ты моего маленького сокола Копете? Представь, сегодня утром он долго летал, напрасно стараясь отвязаться от приставшей к нему молодой ласточки. Он бил ее клювом, но впустую. Потом совсем измученный сокол вернулся ко мне на плечо. Без добычи, но с сильно бьющимся от злополучной гонки сердцем. Мне пришлось впрыснуть ему под крылья агуардьенте, как это принято у петушатников. Уверен, завтра или послезавтра злопамятный Копете отомстит ласточке. Пишу эти строки и слышу, как он беспокойно бьет крыльями в своей железной клетке.

Фердинанд

Изабелла почувствовала, как на нее неумолимо обрушивается худшая из пыток — ревность. Это был старый и непобедимый враг королевы. Черная туча, омрачавшая покой ее души. Ах,

ласточка! Ах, негодяйка!

Дневное отупение к ночи сменилось приступом лихорадочного возбуждения. То была ночь альфаволчиц. Походный шатер Изабеллы наполнился тенями и шорохами, до отчаяния напоминавшими о первой брачной ночи. В шуме ветра ей слышался стон покорной девственницы.

Падре Талавера и граф Бенавенте пытались успокоить королеву. Один напоминал о вере и благопристойности, другой — об интересах государства.

Ее напоили настоем из трав. Порой Изабелле удавалось заснуть, но она тут же просыпалась в холодном поту от собственного дикого крика (крика рожающей львицы). Зубы у нее стучали как кастаньеты.

Бешеное возбуждение королевы передалось солдатам. Они слонялись по лагерю и без всякой причины затевали драки и даже кусались. Видно, совсем одичали от безделья. Воинская дисциплина стремительно рушилась.

На рассвете Изабелла, не сладив с собой, приняла решение: отправила к Фердинанду гонца с приказом явиться на тайную встречу в монастырь Альмагро.

Ах эта Бобадилья! Все еще изображает из се-

бя маленькую девочку! Но Изабелла знала от маркизы, ее тетки и своей лучшей подруги, что физически Бобадилья была развита уже вполне по-взрослому, а значит, не подобало юному архиепископу, незаконному сыну Фердинанда, водить с ней компанию.

Во время своего короткого визита ко двору Изабелла обратила внимание на ловко обдуманные сумасбродства Бобадильи. Например, она любила металлические облачения, и никто, кроме нее, не носил такую бронзовую юбочку, доходившую лишь до середины бедра. Когда-то они были в большой моде при фривольном бургундском дворе, поскольку подчеркивали форму ягодиц (а бесстыжая Беатрис еще и надевала под нее узкие черные штанишки). Со времен легендарной Жанны д'Арк образ “закованной в доспехи девственницы и амазонки” волновал воображение высокородных юнцов.

Поговаривали, будто предметы интимного туалета были у нее тоже из металла. Их изготовил известнейший мастер Станислав Малер (десятилетия спустя он прославился, сделав доспехи для дона Хуана Австрийского, которыми и сегодня можно полюбоваться в Эскориале). Много разговоров ходило о ее поясах целомудрия

(иногда Беатрис выбирала такой пояс в качестве единственного наряда), украшенных камеями, где толедские искусники вырезали охотничьи сцены или гербы.

Как утверждали придворные шептуны, летними ночами Беатрис любила побегать в этом средневековом поясе мимо сторожевых постов. И заливалась безумным смехом, глядя, как командиры в ярости бросаются друг на друга или пытаются подобрать к ее поясу самодельный ключ. Но найти подходящий никому так и не удалось. Настоящий ключ был спрятан в спальне Беатрис под фигуркой Пресвятой Девы Марии Кармельской, которой она трепетно поклонялась. (Говорили также и другое: якобы Фердинанд, педантично обшарив ее покои, все-таки отыскал его.)

Ярость Изабеллы после получения письма была лишь непременной частью ритуала, помогавшего ревностью обновлять пламя страсти, чтобы оно окончательно не угасло.

В то же время Фердинанду сей способ эротической мести был необходим, дабы отплатить Изабелле за все ее несомненные превосходства: за латынь, которую он так и не одолел, за древность рода, изящный почерк или стихи Петрарки.

Здесь было бы уместно напомнить, что сам он оставался угловатым здоровяком, по-крестьянски упрямым и совершенно лишенным воображения. Зато Изабелла могла похвастаться тонкими изящными лодыжками, а на подъеме ноги у нее было отчетливо видно (весьма немаловажный признак) переплетение голубоватых жилок и тугих сухожилий. Совсем как у породистой нормандской кобылицы! Сухожилия выступали и сзади на шее, а сверху на них лавиной падали прекрасные волосы — и это подчеркивало связь рода Трастамара с герцогом ланкастерским Джоном Гонтом.

У Фердинанда же, напротив, ноги были совершенно плебейские — покрытые наростами и чешуйками, как кожа у самых простых ящериц.

И все это имело большое значение, все это следовало принимать в расчет.

Их сексуально-социальные различия проявлялись по ночам, когда в битву вступали две страсти. Плоть Фердинанда издавала приглушенный, но уверенный звук — так напевает что-то себе под нос довольный лавочник, наводя порядок на полках. А от йони Изабеллы исходил тонкий и нежный посвист, напоминавший едва слышный призыв колумбийских орхидей в пери-

од любовного томления.

Итак, Изабелла мчалась во весь опор, покинув свой лагерь (сегодня на том месте находится Вента-дель-Прадо — Национальная трасса, номер 630).

— Быстрее! Быстрее! Вперед!

Сумасшедший галоп. Перед глазами королевы маячила бесстыжая Беатрис, которая крутилась в кокетливой бронзовой юбочке перед Фердинандом и мальчиком-архиепископом. Призрак ее, приукрашенный ревностью Изабеллы, то исчезал, то вновь вырастал из дорожной пыли.

В знойные предутренние часы видели крестьяне, как вихрем промчалась мимо словно окаменевшая в седле монахиня-кармелитка. За ней следовал отряд свирепых всадников, чьи тупые лица покрывал слой желтой пыли.

Ботихас, Вильямасиас, Орельяна-ла-Вьеха, а потом Пуэбла-де-дон-Родриго, где пузатые ребятишки раскрыв рот смотрели на монахиню со сверкающими как уголья глазами и висящим у пояса кинжалом (неслыханное дело).

В то же самое время по дороге из Теруэля въезжал в Ла-Манчу загадочный францисканец, в облике которого не было и намека на смирение или благочестие, непременно отличающих

членов известного ордена. Всадники остановились на отдых в долине под Аларконом. Копыта их коней были сбиты каменистыми дорогами Арагона.

Внутренний огонь все сильнее сжигал как его, так и ее, и был он куда опаснее огня, полыхавшего снаружи.

Они прибыли в монастырь Альмагро с разницей в несколько часов, два дня и две ночи гнал их вперед ветер страсти.

Францисканец назвался учителем латыни. А кармелитка объяснила, что везет инструкции своего ордена в монастырь, расположенный в Барбастро.

И только почти два века спустя, в 1687 году, был напечатан в Венеции в серии "Кастильская пикареска" рассказ одного аббата-*вуайериста.* Опустив привычные для той эпохи порнографические детали, оттуда можно почерпнуть следующее. После омовения у родника они встретились в удаленной от прочих келье кающихся грешников. Аббат пишет:

Грубые одежды скользнули к ее алебастровым ногам, и в лунном свете засверкало прекрасное обнаженное тело. Голову ее еще покрывала белая накрахмаленная тока (пикантный в данной

ситуации знак принадлежности к религиозному ордену), белые крылья которой походили на крылья мраморного ангела с надгробия Лоренцо Медичи во Флоренции. Но потом была скинута и тока, после чего волосы переливчатой волной — как расплавленное золото, текущее по склонам вулкана, — хлынули вниз. Они рванулись на волю, как рванулся бы леопард, случись какому-нибудь глупцу упрятать его в мешок.

Эта ночь для двух грешников была долгой и многотрудной.

На другой день после заутрени аббат в трапезной услышал от семинаристов, что по странному совпадению почти у всех у них сны нынче были какими-то зоологическими. Один сказал, что видел осла, который хрипло ревел и бился в агонии. Другой — что зеленая гиена рычала под сводами соборной церкви. Юный астуриец описал свой кошмарный сон так: стая волков слилась в пылающий клубок, который с завываниями катался по снегу, растапливая его.

Аббат, судя по всему, также спал дурно, поэтому пребывал в мрачном настроении. Он приказал всем замолчать, а кому-то одному велел читать вслух “Мученичество святой Лусии”.

Уже стоя в дверях, падре Аскона произнес:

— Как странно, что ни францисканец, ни кармелитка, прибывшие вчера, не позавтракали и не явились к мессе, прежде чем продолжить свой путь. Видел ли кто-нибудь их в молельне?

Аббат же добавил:

— На рассвете у водоема умер конь… Отдано ли приказание разделать тушу? Полагаю, это он так громко ржал…

(На самом деле благородный Мадригал погиб оттого, что неосторожно поспешил утолить жажду, измученный раскаленными дорогами и израненный шпорами кармелитки. После разделки части туши засолили для монастырских нужд. Голова, хвост и конечности пошли на благотворительные цели.)

Праздник, устроенный в честь графа де Кабры, длился семь дней и семь ночей. Никогда еще Кастилия не видела ничего подобного. И спираль-свастика, которая всегда вращалась только вправо, пришла в волнение — от самого центра до дальних оконечностей ее лучей. Граф вступал в самый заветный и самый близкий к королям круг, ибо его посвящали в *SS*.

По сему случаю Изабелла оделась так, как имела право одеваться лишь она одна. Платье зеленого шелка с пышнейшими рукавами. Зна-

менитое рубиновое ожерелье. Широкий пояс с инкрустациями из лазурита. Конусообразная шляпа на проволочном каркасе в три фута высотой, с верхушки которой тянулась пятиметровая вуаль, похожая на плывущий по ветру туман. Алая юбка со вставками из золотой парчи. Вечером, когда свежело, накидка из рыжих лис — подарок германских родственников, неутомимых охотников.

Она была неотразима! Лицо покрыто пудрой из Александрии. И самые что ни на есть натуральные духи — сок, выжатый из цветов апельсина.

Рядом с ней Фердинанд. Весь в черном. Короткие штаны, высокие сапоги. Шляпа из черного сукна со страусовым пером, тоже черным. На груди пять крупных серебряных слез — символ печали, так как мавры все еще оставались на иберийской земле.

Следом за королевской четой идут граф и графиня де Кабра. Их цвет сегодня — девственно белый. Цвет жертвенности и цвет, подобающий виновникам торжества. Пудра у них на лицах желтая. И только веки графини подкрашены переливчато-розовой, как лепестки мальвы, краской.

Следом за ними — маркиз и маркиза де Мойя. На них мавританские одежды. Супруги, судя по

всему, изображают побежденного короля Боабдиля и его матушку.

Торквемада, как и положено, идет без пары. Босиком и в заштопанной сутане. Он держится очень прямо, ибо при каждом шаге в поясницу ему впиваются шипы железного пояса.

Беатрис Бобадилья, по своему обыкновению, выглядит экстравагантно. Она в доспехах из отливающей синим стали и в шлеме с опущенным забралом. На штанах — соблазнительная застежка из красного бархата. Идти она, понятное дело, не может, поэтому ее тянут за собой на специальной тележке два нелепых карлика-венгра, наряженных в матросские костюмчики.

Вся процессия торжественно шествует к почетным местам. Им предписано открыть бал. Герольды, словно сошедшие с картин Витторе Карпаччо, выстроились в два ряда и объявляют имена гостей — не слишком стройно, зато с большим рвением. Флейты-пикколо. Тамбурины. Свирели…

Изабеллу раздражают протокольные церемонии:

— Хватит с нас гражданских войн! Они нас только отвлекают! Пора поскорее начинать другую войну — священную!..

Фердинанд с присущим ему благоразумием возражает:

— Нет, еще не время. Еще не время, сеньора. Прежде нужно отыскать валета с голубыми глазами и заручиться поддержкой смуглого рыцаря…

Между тем со стороны Эстремадуры уже спешили сюда грубые и тщеславные португальцы. Командовала отрядом маленькая Хуана Бельтранеха, опьяненная полученным наконец высоким официальным статусом. С ней был король Альфонсу, ее новоиспеченный фиктивный супруг (как станет потом известно, они отправились в сей злополучный поход, не успев встретиться на брачном ложе). Так что в их медовый месяц тучный Альфонсу, никудышный вояка, получал свой мед из рук бога Марса. Бельтранеха в бешенстве рвалась вперед, будто твердя: “Ну что, Изабелла, видела? Теперь и у меня тоже есть свой мужчина, свой король!”

Начиная бал, очень серьезная Изабелла, чьи движения сковывала длинная вуаль, вывела танцевать донью Леонор де Лухан.

Фердинанд остановил свой выбор на Альдонсе Аламан, чтобы таким ловким способом отвести от себя любые подозрения. (Откровенная наглость порой бывает выгоднее притворства.)

Танцы послужили прелюдией к обеду. Через полчаса все перешли к столам, расставленным по кругу на поляне, где камни — в подражание бургундским изящным выдумкам — были покрашены золотой краской.

Пока подавалось легкое молодое вино и закуски, гостям показали модель удивительного часового механизма. Она была заказана специально в знак внимания к виновникам торжества[45]. Дюжина латунных козочек с тщательно нарисованными завитками, кудряшками и локонами вращалась по кругу на трех дисках, сцепленных друг с другом зубцами. Диски приводил в движение вал. Его, в свою очередь, вращали два мула, которые были спрятаны под прямоугольными металлическими коробами, дабы не противоречить механистичной моде эпохи.

Проплывая мимо главного стола, козочки блеяли с чуть приметным металлическим поскрипыванием[46].

Графиня де Кабра не могла скрыть слез уми-

---

[45] Примечания: 45

Намек на то, что фамилия графа де Кабры (*исп.* Cabra) в переводе означает “коза”.

[46] Примечания: 46

Это искусное творение описано Йоханом Хёйзингой в работе “Осень Средневековья”. *(Прим. автора.)*

ления пред лицом столь изысканных и щедрых знаков королевского благоволения.

В таверне “К новой фаланге” сбивались очередные “команды”. Всех пьянили надежды на скорый успех. И Колумб понял, что пришло время рискнуть.

По слухам, от ставок на науку, поэзию и музыку нынче толку не было. А изобретатели и толкователи снов возвращались битыми. Чуть больше везло работникам эротического фронта и новомодным оружейным мастерам.

Ульрих Ницш был в числе тех, кто потерпел позорную неудачу. Он попытался выступить в роли проповедника. Да только кому нужны независимые мечтатели в эпоху, когда любые безумства тщательно упорядочивались и контролировались церковью!

После встречи с патрулем Святого братства его полуживым притащили в таверну.

И вот ведь какие сюрпризы умеет преподносить судьба! Прошло более двадцати лет, и жизнь, словно следуя сюжету, придуманному начинающим романистом, распорядилась так, что теперь Христофор, уже звавшийся Христобалем, утешал Ульриха Ницша, ставил ему на ушибы уксусные компрессы и поил колодезной водой.

В моменты просветления бывший ландскнехт рассказал: под покровом ночи он тайком проник на самую сокровенную территорию власти. Через евнуха, в числе других прислуживавшего королеве, он передал во дворец полное отчаяния философское послание, которое, на беду, было принято за *billet doux*, то есть за любовную записку от одного из многих и многих сексуальных маньяков. А ведь там говорилось:

Вперед! Человек должен преодолеть себя! Полночь, которой мы окружены, предвещает величественный рассвет сверхчеловека! Вперед! Не станем оглядываться на мораль — прибежище стариков и немощных, тех, кто отрекся от жизни.

Ницша безжалостно отколотили палками и, сочтя мертвым, бросили в канаву. На тевтонских усищах повисла тина. К счастью, стая бродячих собак уже успела отужинать и не пожелала прерывать свой сладкий и сытый сон.

— Ну что? Скажи свое слово и разбейся! — с издевкой буркнул командир отряда Святого братства, устав работать палкой.

Ландскнехт не мог понять — ведь он был немцем, — что не только боги, но и сверхчеловеки

уже существуют и презирают пустословие.

Мало того, они приходят в бешенство, когда их берутся описывать или придумывают им название, будто называющий украл у них огонь и потушил его в ледяных ущельях *логоса*.

Общество вновь отвергло Ульриха Ницша. Чистый инстинкт, не терпящий умствований или "теории инстинктов", поквитался с ним. И в этом имелось свое здоровое зерно. Уже пришла в движение Колесница власти. Изабелла и Фердинанд будут отыскивать своих собственных героев, своих собственных сверхчеловеков (Гонсало де Кордова, свинопас Писарро, распутный авантюрист Кортес. Этим *сверхчеловекам* будет плевать на теорию *сверхчеловечества*. Им будут неведомы милосердие и благородство. Короли найдут для Испании подходящего кардинала — Сиснероса, который скажет: "Запах пороха мне приятнее запаха самых нежных духов Аравии").

Ульрих Ницш узнал Христофора:

— Помнится, когда-то я сказал тебе: то, что нас не убивает, делает нас сильнее…

Но и Христофор, пытаясь пробиться к эпицентру власти, тоже потерпел неудачу. Дело было так. Отчаявшись ждать впустую и оставаться безвестным, не будучи узнанным теми, кто искал

и предчувствовал его существование, Колумб решил присоединиться к рекламной “бригаде”, нанятой корпорацией производителей апельсинов. Однако решение это оказалось слишком циничным и бесплодным.

На большой повозке везли аллегорическую картину: богиню Цереру и три больших шара апельсинового цвета, наполненных мармеладом. Повозку тянули шесть волов.

Колумб и еще пять молодцов заранее погрузились в желе. Планировалось, что, когда повозка будет проезжать мимо королевской ложи, они выпрыгнут оттуда, как фруктовые гномы, и пропоют куплеты с призывом установить таможенные барьеры, чтобы защитить от конкурентов испанские апельсины.

Однако было наивностью полагать, что это хоть кого-нибудь заинтересует и принесет ожидаемые результаты. Мало того, их и близко не подпустили к королевскому лагерю, и где-то на подъезде повозку разграбили цыгане с рисовых полей. Два участника этой дурацкой затеи погибли, захлебнувшись в сладком желе.

Через пару дней Колумб испробовал еще одну возможность передать письмо по назначению — вполне надежную, как ему казалось.

На сей раз речь шла об аллегории механической. О грандиозной модели солнечной системы, изготовленной непревзойденными германскими мастерами. Вокруг длинных шестов медленно вращались большие цветные шары. А на самом высоком шесте крутился во все стороны Колумб в золотом трико. Он изображал Аполлона, который вносит порядок и гармонию в звездный Хаос, вечно угрожающий миру.

К несчастью, его воздушно-акробатические упражнения вскоре утратили задуманный вид, так как слепые мавры, двигавшие конструкцию, в какой-то миг не поладили между собой и разделились на две враждующие партии — интегристов и баасистов. Из-за резких рывков с торса Колумба начали осыпаться позолоченные чешуйки. Это означало позорный провал. Но Христофор, уже падая вниз, все же успел прокричать:

— Земля плоская! Можно плыть на Восток и не бояться соскользнуть в пустоту! Она плоская! Мы доплывем до самых Индий, до пряностей, до специй!

Ехидная Альдонса Аламан, сидевшая рядом с Фердинандом, не преминула пошутить:

— Не добавить ли в вино Вашему Величеству немного перца?

Зато Беатрис Бобадилья через прорези в своем стальном забрале внимательно следила за полетом Аполлона и любовалась торсом незадачливого гимнаста.

А вот Изабелла даже не глянула на него. Она обсуждала с главным поваром чрезмерно завышенную смету банкета. Потом углубилась в долгий разговор с Торквемадой (а тоже углубившийся в него Торквемада был похож на тунисского скорпиона, бьющегося о стенки стакана-ловушки, с помощью которых их обычно и ловят) — о тревожных предсказаниях *revenants*[47]. Монах, несомненно, обладал тем, что итальянцы называют *fascino*[48]. Он был сыном тумана и ночи. Время от времени капля крови от вериг стекала по его холодным бедрам и, щекоча кожу, добегала до лодыжки.

Так завершилась первая неделя празднества. Кроме удивительных механических козочек, столь незамысловато намекавших на фамилию виновников торжества, гостей поразили неаполитанские фокусники, которым удалось превратить трех внушительных по размеру

---

[47] Примечания: 47
Призраки, возвратившиеся *(франц.)*.

[48] Примечания: 48
Обаяние *(итал.)*.

фаршированных индюков в трех жареных воробышков (когда сняли крышки с серебряных блюд, они лежали там лапками кверху).

Хронист-гурман описал нам не только барашка и уже упомянутых индюков, но и следующие блюда из грандиозного меню (составлявшие обед и ужин):

I. Капиротада с колбасой и куропатками

Утка в айвовом соусе

Телятина в соусе из дикой горчицы

Дрозды жареные с гренками

Форель фри с постной свининой

Пироги-хинебрады из слоеного теста

II. Олья подрида

Свиные ножки в слоеном тесте

Лесные голуби под черным соусом

Воздушные пончики (pets de nonne[49])

Бланманже

Не преминул он также перечислить все фрукты, выпечку, маринады, вафли, а под конец привел длинный список вин — как местных, так

[49] Примечания: 49

Букв.: пуки монашки *(франц.).*

и завезенных из Франции.

Именно в эти неспокойные дни в таверну “К новой фаланге” заявился с проверкой патруль Святого братства. Плоские лица, грубая кожа. Наглые глаза игроков в чинчон — только вот слишком тусклые, без живого блеска.

Они потребовали от всех присутствующих предъявить доказательства их христианской благонадежности. Колумб почувствовал близость конца. И даже с некоторым облегчением. Государственный терроризм порождает порочную диалектику: с одной стороны, стремление спастись и убежать, а с другой — желание сдаться, испытать самое худшее. У Христофора дрожали руки, и пришлось ножом обрезать затянувшийся крепким узлом шнурок на черепаховом панцире-накладке, обшитом полубархатом того же цвета, что и панталоны. Такое защитное приспособление в ту эпоху было обязательной частью туалета. Поскольку все знали, что в животном мире единственный самец, способный покуситься на гениталии врага, — это человек.

Начальник патруля с профессиональным недоверием взглянул на то, что предъявил Христофор. Но его тощий помощник-андалусец поспешил высказать свое мнение:

— Чуть коротковат, но сойдет. Черт с ним!

Колумб, как и многие другие, поспешил снова спрятать свой природный документ — с той исключительной бережностью, с какой люди простого звания всегда относятся к любым бумагам, удостоверяющим их личность.

И тогда грозный начальник отряда голосом, хриплым скорее от крепких напитков, чем от служебного рвения, сказал:

— Нам велено отыскать блондина с голубыми глазами, возможно, тайного иудея, хотя и крещеного. Приказ короля! — И он показал валета из карточной колоды.

Ноги у Христофора сделались ватными. Он почувствовал, как у него “подкачали почки”, если воспользоваться элегантным выражением дядюшки Баварелло. Черепаховый панцирь наполнился непрошеной горячей жидкостью.

Толедская проститутка оторвалась от своего любимого заварного крема и посмотрела на него с усмешкой.

Командир сунул валета ему под нос.

– *Mai visto*[50], — быстро бросил Христофор с уклончивостью опытного мафиози. От страха он

---

[50] Примечания: 50
Никогда не видел *(итал.).*

перешел на родной язык.

Эти люди были галисийцами и андалусцами. Они получили приказ, но не поняли, что значит “блондин”, и были не слишком уверены, какой цвет соответствует на самом деле слову “голубой”. Кроме того, у карточного валета были на ногах плоские, как у тореро, тапочки, а не желтые башмаки с закрученными спиралью носами, как у миланского сутенера. Христофор был уверен: сейчас начнется *pogrom*. Ему и в голову не пришло, что кому-то вздумалось искать именно его и что судьба наконец проявила к нему благосклонность. Всякий гений — по определению скептик.

Они задержались у распростертого тела Ульриха Ницша. И почему-то решили, что умирающим он только прикидывается. Поэтому жестоко отходили его рукоятками алебард.

Ницш приоткрыл желтые глаза — совсем такие, как у львицы Руссо-Таможенника, прячущейся в зарослях у лесной поляны. И его снова начали бить, так как в бреду он попытался обнять начальника патруля и назвал “королем Фердинандом”. Решив, что умирает, он спешил — хриплым голосом и на родном языке — великодушно поделиться с ним самым сокровенным:

– *Gott ist tot! Gott ist tot!*[51]

И умолял, не отпуская ногу своего мучителя, записать его слова. Затем снова провалился в спасительный обморок.

Один из андалусцев, когда-то воевавший во Фландрии, перевел со свойственной иберийцам тупостью к чужим языкам:

— Он говорит, что Бог — дурак. Вот что он говорит. Тоже мне новость!

Это случилось на девятый день банкета в честь графа де Кабры. В королевском лагере смеркалось, легкий ветер разносил от костров соблазнительный запах. Там поджаривались на решетках гренки с кусочками коровьего вымени, нашпигованная салом козлятина, перепела, кровяная колбаса с луком, а также изысканная птица — индюки и фазаны. Все это будет подано как закуска. Потом придет черед крем-супа.

Слуги переливали вина Галисии, Риохи и Франции из благородных глиняных кувшинов в королевский хрусталь.

Развеселый оркестр пытался попасть в такт движениям труппы турецких акробатов — мужчин с усами, как у Ницша, и толстозадых женщин,

---

[51] Примечания: 51
Бог умер! Бог умер! *(нем.)*

обсыпанных блестками и фальшивыми, но очень яркими каменьями.

Именно в этот момент послышался топот стражников и пронзительные крики:

— Бельтранеха! Бельтранеха! Это она! Она!

Офицеры бросились к коням, стоявшим в загоне неподалеку.

Раздался громкий лай легавых и волкодавов, которые сопровождали португальский авангард.

Во главе отряда скакала донья Хуана Бельтранеха. Скакала без седла на буланом тевтонском першероне невероятных размеров.

Португальцы сносили все на своем пути: походные палатки и шатры, временную молельню, королевское отхожее место, жаровни и столы. Разгромили даже площадку для танцев.

Бельтранеха — мстительная, жестокая, насмешливая, но не способная радоваться, даже когда побеждала и унижала врага, — сделала полный круг у королевских столов.

Затем резко остановила своего першерона, чья длинная грива, спадавшая до копыт, была заплетена в косички. На его широченной спине Хуана казалась чем-то случайным, эфемерным и была похожа на факира с печальными глазами, похищенного боевым конем с картины Веласкеса.

— Бельтранеха! По коням! По коням! Прикрыть южный фланг!

Звон шпаг. Свист стрел. Одна заплутавшая арбалетная стрела пролетела через весь лагерь и вонзилась в оркестровую виолу да гамба.

Командиры торопили своих конников. Спешно вставали в строй пехотинцы, но поздно: оскорбление уже было нанесено.

Да и Фердинанд не придумал ничего лучше, как снять шляпу с пером и церемонно раскланяться перед Бельтранехой, будто вассал перед своей королевой. Она побледнела от ярости, когда ее першерон упал на передние ноги, сперва вскинувшись на дыбы.

Вообще-то это дерзкое нападение (португальская вонь заглушила волнующие запахи, летящие от жаровен) не преследовало никаких военных целей. Главным было — оскорбить и унизить. Отряд молнией промчался сквозь королевский лагерь и растворился во мраке. Только самые умные и дерзкие псы чуть задержались, чтобы вознаградить себя за труды, стянув с решеток куски вымени или остатки козленка.

Изабелла не могла снести такую обиду. Граф де Кабра застыл от изумления, увидев, как одним движением разорвала она узкую зеленую юбку

— по всей длине ноги до самого бедра — и взлетела на первого попавшегося коня (к несчастью, то была цирковая лошадка с красным плюмажем на лбу, которую турки-гимнасты ценили именно за невероятное спокойствие и делали с ее крупа двойное сальто-мортале).

Изабелла нырнула в темноту. Она положилась на свое чутье, на ненависть женщины к женщине. Проскакала четверть лиги и уже различала впереди отблески лунного света на мокрых от пота спинах першеронов, скачущих по дороге на Эстремадуру.

Она попыталась выжать все что можно из никудышной лошадки. И слышала истерический хохот Бельтранехи:

— Я — королева! Я — королева!

Изабелле казалось, что она вот-вот настигнет соперницу. Но та движениями опытного тореро, освоившего все премудрости португальской школы верховой езды, заставляла коня выделывать вольты и уводила его круп из-под ударов вражеской шпаги. Вот так-то!

Изабелла еле сдерживалась, чтобы в голос не зарыдать от унижения. Обратно она возвращалась рысью. Вдобавок ко всему за ней увязалась свора отставших от хозяев португальских собак.

Этот инцидент должен был покончить с двусмысленным статус-кво. Теперь все подводило к четкому определению целей долгой гражданской войны, которая ляжет в фундамент Нового порядка.

Изабелла обратилась к народу с торжественной речью:

— Господи, только Тебе ведомы тайны сердец, услышь же, прошу Тебя, горькую молитву Твоей рабы и укажи нам путь — как защитить правду и законность, от лица которых было вручено мне королевство!

Изабелла знала: кровопролитная гражданская война нужна. Иначе нельзя укрепить Империю, овладеть миром и остановить нашествие Турка на Запад. Знала: огонь, который перебрасывается наружу, дабы покорить другие народы и образовать Империю, — лишь малая часть внутреннего огня, огня гражданской войны.

Португальцев удалось окончательно разбить на Дуэро, в трех лигах от Торо. Никогда еще шпаги не мелькали так лихо. Обрубки тел, кровь, обезумевшие лошади. И, как случается вечно, больше всего от сей застарелой ненависти пострадали невинные.

Король Альфонсу бежал во Францию. Бельтра-

неха, его супруга-девственница, вернулась назад вместе с загнанными першеронами и сворой собак. Она удалилась в монастырь и до конца своих дней подписывала заказы на белье и шерсть для вязания словами “Я — королева”.

То были самые тяжелые для Испании годы. Огонь созидания, зажженный Фердинандом и Изабеллой, часто не помогал достичь нужных целей (что характерно и для терроризма в его самом чистом виде). Колумб после неудачи на банкете в честь графа де Кабры все четыре года гражданской войны старался держаться в тени.

Его брат Бартоломе, тоже служивший то в одной, то в другой генуэзской компании, попытался продать космологию Христофора английскому королю. Но безуспешно.

Годы террора Колумб провел в Кордове, выбрав для себя маску гуманиста-националиста. Он стал завсегдатаем аптеки, что находилась на улице Сан-Бартоломе и принадлежала семейству Арана. Каждый вечер там собиралась теплая компания новых христиан, чтобы выразить всяческое одобрение антисемитизму и упрекнуть инквизицию в нерасторопности и чрезмерном бюрократизме. Порой, чтобы гарантировать себе один-два месяца спокойной жизни, они доносили на кого-

нибудь из знакомых.

Торквемада вместе со своими оголтелыми монахами-доминиканцами прочесывал города и села и постепенно пришел к ужаснувшему его самого выводу: зараза успела проникнуть повсюду! За минувший век, несмотря на то что гонения становились все более суровыми, дурная кровь пропитала все общество.

О количестве высланных и казненных даже подумать нельзя было без ужаса. Всего за одну неделю 1487 года Торквемада проверил 648 природных мужских документов. В своих урологических исследованиях он был неутомим. “И урывал часы у сна”, — как будут говорить позднее о подвижниках науки.

Зло просочилось весьма глубоко. Много евреев успело укрыться и за церковными стенами: то и дело у какого-нибудь архиепископа появлялось на столе кошерное мясо. А сколько новых христиан изобличило себя привычкой готовить пищу с базиликом, а по субботам довольствоваться весьма скудной трапезой.

Любой общественный писсуар превращался в источник доносов.

При дворе, в магистратуре, среди высших военных чинов встречались и крючковатый нос,

и по-особому торчащие уши, и вековая печаль во взгляде. А все это безошибочно указывало на еврейские корни.

Так что оправданная жестокость гражданской войны в какой-то мере даже смягчала гнусность повседневного террора.

В аптеке Араны почувствовали, что кольцо вокруг ее завсегдатаев сжимается. На шутки и всякую высокоумную болтовню они отвечали теперь невеселым смехом. В нем ощущалась внутренняя тоска, страх перед чеканной дробью шагов Святого братства и палачей-доминиканцев, которые проникали повсюду, якобы собирая подаяния, а на самом деле зорко за всеми приглядывая.

— Суд? Какой еще суд! В огонь! Бог укажет: горит — значит, еврей! Настоящие христиане не горят, они подобны зеленым ветвям с Древа жизни…

Той ночью случилось очень странное и весьма важное для Колумба событие. Но прежде ему довелось пережить сильное потрясение.

В полумраке аптеки — лампу еще не успели зажечь — он, к ужасу своему, вдруг увидел Филипу Мониш Перештрелу. Бледную и прекрасную. Сердце его заколотилось как бешеное. Да так сильно, что он не устоял на ногах и сел прямо в

чан с пиявками. В ушах у него зазвенело, будто перед обмороком.

Однако Христофор взял себя в руки и вгляделся попристальней: нет, то была вовсе не Филипа, а Беатрис Энрикес Арана, бедная родственница аптекарей, дочь скромных поставщиков базилика, чеснока и корицы. Торквемада казнил их (он был родным дядей Беатрис и вознамерился уничтожить — вместе с родичами — любые свидетельства о собственном иудейском происхождении).

Беатрис успела спастись, спрятавшись в амбаре, и ее приютили в аптеке. С тех пор она жила там как человек, который хоть еще и не умер, но уже отрешен от всего земного и уверен в своей принадлежности царству усопших. Поэтому никто не докучал ей ухаживаниями или сватовством. И всякий луч света — естественный или искусственный, — падая на лицо этой девушки, казался отблеском костра.

У нее был ласковый и покорный взгляд. С первого дня своего пребывания в аптеке занималась она самой черной работой. Из особого рода деликатности ее никогда не просили зажечь свечу, когда начинало смеркаться, или принести дров для очага. Она сама все понимала и молча, безро-

потно брала огниво и принималась за дело.

Итак, Христофор быстро убедился: перед ним стояла не та, другая, не его покойная жена Филипа. Он увидел нежный профиль, фигуру восемнадцатилетней девушки и гладкие волосы, которые упали ей на лоб, когда она вставала на колени, чтобы раздуть угли.

Тремя днями позже, наблюдая за ней, когда она занималась той же работой, он почувствовал здоровое животное желание.

Все случившееся потом можно объяснить так: Колумб изрядно переигрывал, стараясь выглядеть истовым католиком, и, видимо, хотел показать, что чудом спасшаяся еврейка Беатрис для него — не больше чем вещь. Он подошел и решительно запустил руку ей под юбку. Это видели все. Но никто не придал его жесту любовный смысл, ведь эта девушка словно бы не существовала.

Она смотрела на него молча и, должно быть, все понимала. Такая связь была весьма удобна для Христофора, поскольку подобные отношения не вызовут пересудов и не привлекут к себе внимания. Беатрис считалась хуже чем вещью — вещью ничтожной, которая, если хотите, не имела товарной стоимости. Хуже мавританской

проститутки.

Она отдавалась покорно, нежно и сама никогда не испытывала наслаждения (видно, считала себя недостойной этого или, как скажет потом Томас Манн, “боялась прилепиться к жизни”).

Но и Христофор по причине своей метафизической порочности не воспринимал ее как что-то реальное. “Она вроде как и сделана из плоти, но все-таки…”

Беатрис без печали провожала день уходящий и без радости встречала день грядущий. Восточная мудрость? Нет, она просто устала бояться и думать о неизбежной жестокой смерти.

Скорый конец — лучше долгой и мучительной тоски. В этом Беатрис была убеждена.

Ее положение казалось настолько отчаянным, что никто и вообразить не мог, что она вдруг вздумает на что-нибудь пожаловаться — будь то остывший суп или кровоточащий палец, который она порезала, кроша ножом петрушку.

И тем не менее ни к одной женщине Колумб не привяжется так, как к Беатрис. Их *не-связь*, замешанная на презрении экзальтированного христианина к нечестивой иудейке, продлится двадцать лет (пока их не разлучит смерть).

Каждое соитие этой пары было окутано тайным

очарованием — как путешествие Орфея в мир мертвых. Беатрис обитала в царстве смерти. Была жертвой, о которой, судя по всему, палачи просто забыли, промахнувшись в первой попытке.

После того как они стали повсюду ходить вместе (не образовав пары), Беатрис следовала за Христофором на расстоянии трех шагов — молчаливая, хрупкая, покорная. Как только они переступали порог аптеки, она скрывалась где-то за стойкой и принималась за работу, а он занимал почетное кресло в том углу, где собиралось избранное общество.

Ее *предсмертие* вносило отчужденность и неустойчивость в их отношения. Как-то Христофору пришлось отправиться по делам в Мурсию. Возвратившись в аптеку, он спросил:

— Ты еще здесь?

Она кивнула, опустив глаза, как если бы то, что она до сих пор жива, было чистой случайностью или нелепым проступком.

Где бы она ни была, дома или в аптеке, рядом с ней лежал скромный узелок с самыми необходимыми для тюрьмы вещами. С теми, которые, по ее мнению, разрешено иметь при себе в застенках святой инквизиции, пока не наденут на тебя санбенито, предписанный костровым этикетом.

Когда Колумб, сидя в аптеке, распространялся о насущной необходимости уничтожать евреев, она согласно кивала. А он говорил о чистоте крови, о коренной связи с землей и о том, как важно, чтобы все соединилось в Одном Народе, Одном Королевстве и Одной Вере.

Через девять месяцев, день в день, родился Эрнандо Колумб (будущий историк). Так окрестил его Христофор в честь короля[52].

А Беатрис подняла завернутого в льняную мантилью младенца и торжественно, на глазах у повитухи и соседей, передала Христофору, будто говоря: “Возьми, он твой, и только твой. Я его всего лишь родила, но я — иудейка…”

Меж тем беспокойство Христофора день ото дня росло. Ему казалось, что за ним следят, шпионят. В те времена, как и при всяком терроре, нельзя было наверняка знать, зачем человека куда-то призывают — чтобы надеть на него капюшон палача или капюшон смертника.

Колумбу и в голову не приходило, что его грандиозные планы начали каким-то образом переплетаться с планами других людей.

---

[52] Примечания: 52

Эрнандо — испанская форма написания и произношения имени Фердинанд, которое имеет германское происхождение.

Погромы принимали масштабы невиданные. Сомнений не было: все закончится изъятием как денег, так и земель. И страшным массовым изгнанием.

Диаспора искала место, где можно будет обрести спасение.

Уже давно такие люди, как Сантанхель, Колома, маркиз де Мойя, и другие влиятельные обращенные поняли, что именно они должны найти отчаянного и дерзкого человека, способного повести за собой еврейство в Новый Израиль.

Их планы предполагали два этапа: сперва открыть новые земли, а затем добыть золото (но не у евреев), чтобы обеспечить исполнение великих замыслов Фердинанда и Изабеллы (разбить мавров, захватить Францию, подчинить себе папу, утвердив на Святом престоле род Борджиа, и, наконец, овладеть миром).

До нас не дошли подробности тех совещаний, что происходили в финансовых компаниях. Очень мало действительно важного сохраняется на бумаге — отсюда изначальная необъективность исторической науки.

Точно известно лишь одно: таинственные эмиссары зачастили в аптеку Араны.

Сегодня мы уже хорошо знаем, почему Колумб

столько лет не решался проникнуть в центр правовращающейся галактики власти. Как замыслы короны, так и планы межнациональных компаний казались ему легковесными, суетными и слишком по-человечески корыстными. Он считал их лишь повторением уже давно пройденного.

А ведь Колумб, как известно, был потомком Исайи. И мечтал о единственном в своем роде, важнейшем для судеб мира подвиге: о возвращении в Рай, то есть туда, где нет смерти.

Да, пока еще возможно было вернуться в тот сад, из которого Иегова изгнал доверчивого Адама. То есть одолеть ту высокую стену. Яхве не сказал последнего слова и в последний миг остановит руку Ангела-истребителя, пораженный отвагой и разумом человека. Иными словами, позволит Прометею спасти истекающего кровью, скорбящего Христа.

Идея Колумба имела графическое воплощение: на пергаменте, сделанном из кожи нерожденного козленка, посреди моря-океана он отметил точку, где реальность перетекает в *трансреальность* и где посвященному будет дозволено перейти от ничтожности человеческого времени к открытому пространству вечности без смерти.

Разумеется, Христофор не мог доверить свою

тайну кому попало. Слишком это было бы рискованно. Ведь чем выше истина, тем больше риск, размышлял он.

Между тем испанский папа упорно вел к обновлению церковь, приниженную излишне благочестивыми клириками, а также культурой смерти и монастырской ленью.

Родриго Борджиа, теперь уже папа римский Александр VI, выехал на площадь Святого Петра следом за труппой негров-паяцев и грандиозным оркестром, исполнявшим скорее военную, нежели церковную музыку.

Александр сидит на белой лошади, одетый в черный бархат, на поясе у него шпага и кинжал с золотой рукояткой. На груди — цепь с небольшим распятием. Фигурка Христа вырезана из китайского нефрита.

Рядом с ним едет очаровательная Джулия Фарнезе, его любовница, чей брак он благословил, дабы иметь возможность всегда держать ее при себе.

Они возвращались из замка Святого Ангела, где почтили своим присутствием благотворительный обед для народа (приглашены на него были исключительно римские нищие и проститутки). И долго еще на дороге, ведущей от Лунготевере,

стоял запах перца, чеснока и шафрана.

На том обеде плебс, привыкший к макаронам и *porchetta*[53], угощали великолепной паэльей из цыплят, кроликов и креветок, приготовленной в огромных металлических котлах, которые специально доставили сюда из Валенсии.

Папский стол обслуживали повара из Аликанте, и специально для него был приготовлен нежнейший рис *a banda*[54].

Следом за папой и Джулией Фарнезе ехала Лукреция Борджиа, одетая строго по-испански: черное платье и вышитая мантилья. Правда, из-за плаща-накидки и цыганистых оборок она слегка напоминала будущих героинь Федерико Гарсии Лорки.

Там же присутствовали сын его святейшества Чезаре, кардинал Веньер, кардинал Орсини, архиепископы Неаполя и Сицилии, а также венецианские синьоры: Морозини, Гримальди, Фоскари, Марчелло. Бароны Колонна. Профессиональный убийца дон Микелетто Корелья, а также отравитель при доме Борджиа — Себастьян

---

[53] Примечания: 53

Жареная свинина *(итал.).*

[54] Примечания: 54

Букв.: рис отдельно. Рис, сваренный на рыбном бульоне, но подаваемый отдельно от рыбы.

Пинсон.

Площадь огородили деревянными щитами, покрашенными в цвета Ватикана. Были приготовлены помост для знати и ложа под балдахином для папы, его любовницы и Лукреции. Там же устроили импровизированную арену для боя быков[55]. А далее произошло и совсем неслыханное (много позднее этим будет искренне возмущаться немецкий историк Моммзен). В тот раз единственным матадором предстояло стать кардиналу Чезаре Борджиа.

Первого — и довольно вялого — быка он сумел сразить, сидя на коне, и одним ударом копья. Ко второму, очень прыткому и совсем бешеному, долго искал подход и прикончил его тоже одним ударом — большой шпагой. Тем самым Чезаре подтвердил свою славу “головореза” и показал, как ловко умеет управляться со шпагой, держа ее двумя руками.

Третьего быка он поджидал прямо у дверей загона. Жест красивый, но прием не слишком опасный. Зато невежественная итальянская публика ревела от восторга.

---

[55] Примечания: 55

Это памятное событие в подробностях описал швейцарский историк Якоб Буркхардт в своем труде “Культура Италии в эпоху Возрождения”. *(Прим. автора.)*

Четвертого Чезаре убил легкой рапирой — и тем самым положил начало этой изысканной моде. Он проявил смелость и коварство, бросившись меж бычьих рогов и помешав быку стать победителем.

Пятый, едва успев вырваться на арену, вспорол брюхо нескольким лошадям и вызвал обмороки у римских маркиз. Чезаре подождал, пока крики стихнут, и взмахом красной кардинальской шапки посвятил быка публике. Бык был черно-белый, тонкорогий, слегка косоглазый. И порода его, и вся стать были достойны высшей похвалы. С ним Чезаре испробовал неизвестный до той поры прием, который заставил зайтись от крика испанскую солдатню, понимавшую толк в корриде. Он дразнил быка пурпурным кардинальским плащом и встретил его атаку вдохновенным выпадом. На один лишь миг, быстротечный и волшебный по силе напряжения, человек и животное составили вместе прекрасную фигуру, и ее изысканность затмила мрачный смысл их поединка.

Леонардо, военный инженер из Винчи, не смог удержаться и сделал несколько быстрых набросков, стремясь уловить и запечатлеть этот варварский и утонченный ритм. Он успел запол-

нить шесть блокнотных листов (к несчастью, они погибли во время пожара в ратуше в Форли во время Второй мировой войны).

Последний бык — пятнистый, красно-коричневый, с огромными рогами — дал Чезаре возможность по-новому блеснуть своей отвагой. Кардинал провел бой пешим, обернув плащ вокруг руки. Папа, его родитель, млел от восторга, созерцая доблесть сына, достойную пера Данте. И не смог сдержаться. В тишине арены, устроенной на ватиканской земле, зазвучала испанская речь:

— Вытаскивай его, вытаскивай его из-за барьера, прирос он там, что ли? Веди его понизу! Свободней, свободней! А теперь левой!

Для последнего удара Чезаре выбрал рапиру и нанес два пробных удара и один финальный, к сожалению, немного низкий.

Послышались восхищенные вопли простолюдинов и одновременно — сдержанные, но резкие протесты христиан из тех частей Европы, где привыкли изгонять беса жестокости иными способами.

Клирики с фигурами в форме луковицы, сторонники доморощенного пиетизма, были возмущены. Они, естественно, не сумели разглядеть

в корриде обновленный символ гармонии. Им было неведомо, что бой человека с животным может обретать разный смысл в зависимости от обстоятельств — и восприниматься каждым зрителем по-своему. Быки на арене сродни картам Таро. Одни и те же рисунки образуют разные комбинации и означают то предсказание, то откровение, то наставление.

Когда Александр VI с Джулией Фарнезе покидали площадь, он понял смысл еще одного символа — зверя на арене. Вместе с обезоруженным свирепым пророком Джироламо Савонаролой уйдет в прошлое эпоха ненависти к телу, зависти к плотским радостям и любым формам счастья. Еще во время боя Чезаре с четвертым быком папа римский принял внутреннее решение — отправить Савонаролу на костер, а пепел развеять над Флоренцией. Сжечь его так же, как сам суровый монах сжигал на паперти в своем приходе венецианские гравюры с прелестными обнаженными девушками. И для церкви то будет концом целой эпохи.

Ночное празднество поражало воображение. Никогда еще не запускалось столько сверкающих всеми огнями ракет. С особым радушием принимали венецианскую знать. Большие, умело

подсвеченные картонные гондолы, казалось, плыли по воображаемому *Canalazzo*. А в них юные девушки и женоподобные мальчики распевали такие песни, от которых святоши убегали, крестясь на ходу:

Помни, кто во цвете лет, —
Юн не будешь бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет[56].

Банкет в честь графа де Кабры возобновился лишь по прошествии четырех страшных лет. За годы гражданской войны спираль власти слегка скособочилась, ее центр потерял устойчивость, и только теперь она смогла восстановиться, но уже в Кордове.

Колумб со временем почти оставил мысль примкнуть к одной из “команд” ловцов удачи.

Но в глубине души продолжал надеяться на генуэзских купцов и библейские пророчества. Все эти годы он читал, много читал. Чаще всего Библию, которую воспринимал как семейную хронику.

— До чего хорош Давид! А Исайя? Настоящий

---

[56] Примечания: 56
Лоренцо Медичи. Вакхическая песня. Перевод Е. Солоновича.

мудрец! — восклицал он, пока Беатрис, как всегда молча, сушила у окна распущенные волосы, вымытые в настое левкоя (чтобы Христофор не почувствовал аромата смерти).

По вечерам Колумб по-прежнему вел умные разговоры с философами из аптеки. Случалось, на него накатывало вдохновение, он запирался и что-то сочинял, так как считал себя поэтом и верил, будто любое великое деяние — частное или общественное — только тогда будет чего-то стоить, если увенчается великой книгой.

В аптеке обсуждалось, как еще можно проникнуть на знаменитый банкет.

Стало известно, что корпорация германских оружейников (они были извечными соперниками оружейников фламандских и мечтали заполучить рынок с большим будущим) привезла огромного механического дракона. Этот дракон, сраженный картонным святым Георгием, выпускал на волю голубку (вполне себе живую). Голубка, выдрессированная с помощью изощренных пыток, сначала суматошно кружила в небе, а потом находила приют на груди королевы Изабеллы.

Сомнений уже не осталось: достижения механики и чудеса часового искусства подвели мир к

порогу невиданной технической революции.

На банкете подавали великолепных куропаток в лимонном соусе. Хронист Фернандо дель Пульгар написал о них так:

Если еще недавно летали они вольно в окрестностях Бальсы, то сегодня, подрумяненные на костре из апельсиновых поленьев, летают еще выше — будто ласточки в небе монаршего гурманства. Сытным своим мясом, как и своей смертью, наступившей в нужный час, заслужили они завиднейшую из судеб — доставить наслаждение королям.

Правда, той веселости, что царила здесь когда-то, уже не было, причиной чему послужили супружеские раздоры.

Вокруг Фердинанда так и вилась Альдонса Аламан. Теперь он почти не обращал внимания на Беатрис де Бобадилью, утомившую его своей спесью.

Фердинанд брал с собой Альдонсу на все военные церемонии.

Изабелла — живое воплощение страдания и упрека — ходила в одеянии кающейся грешницы. Носила власяницу. Громко что-то выкрикивала на латыни.

Ярость ее обрушилась на Бобадилью: Изабелла обвинила ту во всех смертных грехах и выдала замуж за аделантадо Канарских островов. И это был весьма изощренный способ устранить соперницу, изгнать ее подальше от двора — наказать, вроде бы награждая.

Всего двумя неделями раньше королева родила Хуану *Безумную*, которая уже в раннем детстве показывала странность и трагичность своей натуры. Придворные священники, астрологи и прорицатели узрели в том ужасную печать династии Трастамара.

Изабелла поняла, что родила на свет детей слабых, а поэтому Испании еще долго будет нужна ее железная рука.

Инфант Хуан был необыкновенно умен, но настолько чувствителен и нежен, что однажды, когда конь понес его, не мог решиться натянуть узду (боясь причинить животному боль железными штырями) и чуть не погиб.

Общая ситуация была крайне сложной. Пришло новое сообщение. Турки напали на Родос, сровняли его с землей и намеревались растянуть занавес из ятаганов до юга Италии, до Отранто. Фердинанд решил встать во главе сорокатысячного войска и покончить с арабским вопросом

в Испании.

Именно так начался его последний поход — на Гранаду.

Хроники доносят до нас подробности этого важнейшего события. Разгром графа де Кабры в Моклине. Затем путь войску Фердинанда преграждает гора между крепостями Камбиль и Альхабар. Изабелла и епископ Хаэнский подряжают шесть тысяч землекопов, и те начисто срывают гору, мешавшую пройти артиллерии. На это они потратили двенадцать дней. Путь к победе для Фердинанда был открыт.

Потом — Малага. Поражение турецкого флота на Мальте. Задержка в Альмерии. Каравака-де-ла-Крус. Осада Басы. И наконец — падение славного Гранадского королевства, падение короля-поэта, который теперь мог оплакивать, как женщина, то, что не сумел защитить, как мужчина[57].

После 777 лет магометанского владычества имперский католицизм был утвержден повсюду.

Всем стало понятно: начинается новый период — морской, хотя на суше еще полыхают костры.

---

[57] Примечания: 57

Имеется в виду последний эмир Гранады Мухаммед XII Абу Абдаллах, известный как Боабдиль (1459–1527); по легенде, мать сказала Боабдилю после сдачи Гранады: “Не сумевший защитить Гранаду, как мужчина, оплакивает ее, как женщина”.

После завершения священной войны надо будет приступать — непременно — к спасению мира.

В аптеке отнеслись к подобным планам скептически.

И вот однажды в полдень там услышали звон сабель и цокот копыт, которые замерли перед дверью.

Мальчишка-посыльный подсмотрел в щелку: люди из Святого братства заполнили всю улицу, перекрыв любые пути к спасению. Воины в черном с белыми крестами на груди явно замышляли что-то серьезное. То ли грандиозный *погром*, то ли просто выборочную проверку.

Беатрис Арана сразу же все поняла. Молча отпустила она фунт пиявок вдове Торреса, тщательно, чтобы не осталось тины под ногтями, вымыла руки, поправила перед мутным зеркалом собранные в пучок волосы и взяла свой узелок смертницы.

Потом тихо попрощалась с каждым по очереди:

— Прощай, Бернабе. Прощайте, сеньора Торрес. Счастливо оставаться, дядюшка. До свидания, дорогой Христофор…

И с непритворным спокойствием направилась

к двери, но проход ей перегородили толсторожие воины Святого братства.

— В сторону! — приказали они.

— Мы разыскиваем Колумба Христофора, или Христовао де Коломба, или Колона Мальоркинца. Блондина с голубыми глазами. Приказ Королевского дома. Велено доставить ко двору.

Беатрис посторонилась. Она была разочарована — опять не удалось покончить со всем раз и навсегда.

Колумб, раздувшись от гордости, покинул аптеку. Он ни с кем не попрощался. И твердо надеялся, хотя и без всяких на то оснований, что его не убьют. Верил, что наконец-то настал его час. Христофор был игроком и теперь решил: ему выпала счастливая карта.

Он сел на мула, будто всю жизнь только на мулах и ездил, и тронулся в путь в окружении неразговорчивой стражи, которой был дан приказ привезти его в условленное место.

Его привезли в Мескиту, бывшую Соборную мечеть Кордовы. В Апельсиновый дворик. Стражники тотчас исчезли. Он остался сидеть на муле — в полном одиночестве. Неумолчно журчал фонтан. Уже сам этот звук давал ощущение прохлады среди полуденного зноя. Мул время от

времени взмахивал хвостом, отгоняя мух.

Наконец Колумб собрался с духом: спешился и зашагал к тайной калитке, ведущей в Мескиту, которая почиталась седьмым чудом света.

Он вошел в тенистый и почти прохладный лес из колонн. Тонкими антеннами тянулись они вверх. Робко и боязливо двинулся Христофор вперед — во дворец божества, низвергнутого политикой.

Из темноты до него долетел отчетливый взрыв хохота, осколки которого тотчас подхватило эхо.

Он шел с опаской, словно кошка в незнакомом доме. Совсем рядом кто-то быстро пробежал в мраморной колоннаде — и вновь воцарилась тишина.

Молнией сверкнула догадка. Колумб помертвел от ужаса.

Где-то в полумраке вроде бы различил он легкую фигуру, летящую в танце. Босые ноги едва касались холодного камня.

Певучий голос со смехом произнес:

— Ко-лумб! Ко-лумб! Ко-лом-бо…

Но то была лишь жалкая копия того божественного гласа, который слышал он когда-то у моря. Новый взрыв смеха. Тут же раздался властный мужской голос. И опять тишина.

Только тогда увидел он в просвете между колоннами танцующую фигуру, то ли одетую в греческую тунику, то ли просто окутанную вуалью.

Это была прекраснейшая из женщин. Колумб почувствовал страх, любопытство и желание.

У нее были прямые длинные волосы. Ее ноги с сухим стуком касались пола и тотчас спешили оторваться от него, а одежды легкой дымкой взвивались вверх. А еще ему почудилось, будто до него долетело ее дыхание, дыхание женщины-самки.

Да, это была она. Христофор больше не сомневался. Он упал на колени. Его душило волнение, вернее, что-то вроде священного ужаса, словно пред ним внезапно явилось нечто сверхъестественное.

Круг танца сужался. Что это? Сегидилья? Ритм движений был настолько четким, что заставлял услышать несуществующую музыку. А женщина, танцуя, как ему казалось, ни на миг не переставала улыбаться.

У Колумба не было больше сил, он опрокинулся спиной на каменные плиты. Страх сковал его.

Танцовщица сделала еще два круга и наконец остановилась рядом. Он ощутил, как нога, впи-

тавшая прохладу мозаичного пола, опустилась ему на грудь — жаркую и трепещущую. Грудь жалкого плебея.

Губы Колумба задрожали, ему хотелось заплакать, чтобы хотя бы таким способом разрядиться, но не получалось. И тут он познал нечто совершенно неожиданное: его мужская плоть втягивалась вглубь тела, точно улитка, почуявшая опасность.

Он дерзко скользнул взглядом по прекрасной ноге, увидел тонкую лодыжку и очертания сильного бедра. А еще выше — синюю тьму полуночного моря.

Дикая страсть заполнила все его существо, но — как ни странно — то, чему полагалось при этом возбудиться, оставалось невозбудимым.

Ее присутствие, тяжесть ее ноги на груди — все это несло Колумба к берегу несказанного физического блаженства.

Естественно, он не мог знать, что испытывал то редкое эротическое состояние, которое, по выражению некоторых ученых, ведет к “экстрагенитальной поллюции”, или “интраоргазму”.

Все направляется внутрь, тьма сперматозоидов, бунтуя, выбрасывается прямо в поток крови и вместе с ней проходит сквозь мускулы, попа-

дает в органы — в каком-то диком, неистовом *cross-country* (или *cross-body*[58]*)*. Хотя еще от прародителей наших заведено, что они должны стремиться наружу, отыскивая “другого человека”.

Колумб чувствовал, как вены и артерии его наполняются кипящим, игристым вином Шампани (или сидром — такое сравнение в его случае звучало бы уместней).

Душа, ошеломленная мучительным желанием, расправляла крылья. Глаза сияли в темноте золотистым огнем. Он почувствовал, как крошечные воины-волшебники, несущие в себе невероятную силу наслаждения и оплодотворения, заполнили все уголки его тела — от большого пальца ноги до кончика носа.

Миллионы легких, но настойчивых и тревожных толчков. Так рождающийся младенец ищет выход к свету. Поры Христофора раскрылись, ему захотелось смеяться, хохотать, словно от щекотки.

Именно тогда достиг он второй степени *паноргазма*. Вся кожа его трепетала — как пыльный коврик, который старательная португальская

---

[58] Примечания: 58
Букв.: напрямик, пересекая тело *(англ.).*

горничная выбивает у окна.

Он достиг ауры космического масштаба.

У него заложило уши, будто он резко вознесся на большую высоту. Глаза, как у эпилептика, вылезли из орбит.

Всего лишь краткий миг — но этот миг дал ему неизмеримое наслаждение. Всего лишь миг — но был он богаче, чем целая жизнь аскета или учителя латыни.

Семя вышло из него вместе с потом. И вместе с едва различимым запахом молотого эстрагона.

Христофор лежал, весь покрытый млечной сукровицей, нестерпимо усталый. Его руки — от плеча до кончиков пальцев — налились свинцовой тяжестью.

Сегодня нам не так уж и трудно — в свете достижений психоаналитической науки — найти объяснение данному случаю: потенция плебея Колумба была блокирована присутствием королевы. Такое торможение было вызвано классовым неравенством.

Пред ней, королевой, плоть его стала бессильна. (А значит, ошибается великий писатель Алехо Карпентьер, допускавший, будто существовала сексуальная связь, полноценная и свободная, между мореплавателем и его госпожой. Бла-

городный демократический пафос приводит Карпентьера к вполне простительному заблуждению. Но ничего подобного быть просто не могло. Не могло, и все тут. В физическом плане робость плебея оказалась безмерной. Зато безмерной была и его метафизическая раскрепощенность, поэтому он достиг освобождения через *паноргазм*.)

В лесу из неподвижных мраморных колонн оба они образовали неподвижную фигуру, будто изваянную из камня.

Так стал Колумб адмиралом моря-океана (а еще он получит восемь тысяч мараведи, право называться доном и носить золотую шпору).

Между тем Изабелла продолжила свой молчаливый танец. Но теперь она удалялась — плавно скользя и описывая ровные круги, будто чертила спираль.

И снова раздался грубый хохот. Так обычно смеются арагонские крестьяне.

Потом Христофора как колпаком накрыла тишина, и он, кажется, потерял сознание. А очнулся от ударов и пинков воинов Святого братства:

— Ну пошли, пошли! Иудейское отродье!

Они смеялись. Снова пинали его. Он попытался улыбнуться, чтобы их задобрить.

Дневной свет ослепил Колумба. Его швырнули под копыта прежнего мула. И сказали, что жалованье заплатят после первого марта, а 11 марта он должен явиться ко двору, где вместе с королевской свитой будет участвовать в репетиции торжественной церемонии — вступления монархов в покоренную Гранаду.

Стражники ушли, гогоча и поплевывая бобовую шелуху. Грубые животные. Верные служаки! Что с них взять!

То, о чем мы только что рассказали и чему, по общему мнению, суждено было сыграть такую важную роль в судьбах Запада, случилось 9 апреля 1486 года. Колумб знал: пережитое им в этот день словно печатью скрепляло великий договор. Королева стала его тайной союзницей в самой тайной из авантюр — поисках Рая!

Воины-орлы и воины-леопарды смотрели на него недоверчиво. Они были верны своему богу — Тескатлипоке, богу-воину, вечному противнику всезнающего и хитрого Кетцалькоатля. Но верховный жрец Мехикатль Теоуатзин был готов к тому, что их нелегко будет заставить принять истинную теологию. Ведь известно: “Солдат думает ногами, действует руками, а в конце концов за все расплачивается головой”.

Да, они молоды и красивы. У них несгибаемая воля. Но к несчастью, они слишком верны Принципу Эффективности.

Сейчас воины сидят вдоль стены на длинной скамейке, расписанной орлами и ягуарами, в зале инициаций главного храма Теночтитлана.

Великолепное утро. Прозрачный воздух. Чистейший воздух. Ветер принес его из Теотиуакана, “края безоблачной ясности”[59].

Чуть заметно золотится нежаркое солнце. Умирающее солнце, чьи щупальца-лучи уже обглоданы черными орлами — посланцами ночного поднебесья и первозданного хаоса.

И даже кровь тысяч воинов, принесенных в жертву при открытии храма Уицилопочтли, не оживила анемичное светило.

Жрец посмотрел на воинов сурово, властно и сказал:

— Нет! Нет! Люди, что придут из-за моря, носят бороды. У одного из них борода будет рыжего цвета. Они уже близко (есть донесения). Нет! Это вовсе не дзидзимины, не демоны мрака, которые в глубине восточного неба только и ждут, когда наступит час пожрать последнее поколение

---

[59] Примечания: 59

“Край безоблачной ясности” — роман мексиканского писателя Карлоса Фуэнтеса (1928–2012), местом действия которого является Мехико.

людей. Нет! Те, что теперь направляются к нам, — самые последние из младших богов. Идут они из-за Великого Моря. Ведет их Кетцалькоатль, он и предсказал это пришествие. Говорю вам: они бородаты, добры и, возможно, слишком похожи на людей…

Воины-орлы и воины-леопарды глядели на него со спокойным изумлением, как люди, обученные доверять только ловкости собственного тела и силе оружия. Они уважали теократический порядок. И ни один не решился выразить сомнения.

А Мехикатль Теоуатзин меж тем напомнил им строки священного поэта:

Всякая луна
Всякий год
Всякий день
Всякий ветер
Проходят свой путь
а потом исчезают
Так же и всякая кровь
Спешит туда, где ждет ее покой.

О близком будущем он говорил им с уверенностью профессионального мечтателя:

— О! Те, что спешат сюда, прекрасны! Это дети мутации. Они добры! Они щедры себе во вред и

готовы вынуть кусок хлеба у себя изо рта, дабы накормить ваших детей. Насколько я знаю, их человекоподобный бог велит им возлюбить ближнего своего, как самого себя. Они не несут нам гибели, поскольку ненавидят войну. Они будут уважать наших женщин, поскольку их бог — а это бесконечно справедливый бог — велит им не желать жены ближнего своего. (И это правило они соблюдают особенно строго.) Они поклоняются книге, написанной мудрецами и поэтами. Их бог — несчастный человек, претерпевший муки, пытки и погибший от рук солдат. Они не презирают слабого! Слабого они любят! И я говорю, возвещаю вам: они ненавидят войну, жестокость и насилие. “В чем же их сила?” — спросите вы. На что я отвечу: “В доброте и любви. Вот в чем их сила”. Видя раненого, лобызают они язвы его и врачуют их. Даром накормят голодного. Помогут отыскать дорогу слепому. Им ненавистно богатство, ибо они считают, что это сети, расставленные демонами зла. Как нам стало известно, если кто-то ударит их, они с кротостью подставляют другую щеку, дабы получить еще один удар. Можете ли вы представить себе такое? Однако не отворачиваются они и от обычной жизни: умеют приумножать пищу и разные вещи, а так-

же строить дома. Им удалось покорить молнию небесную и заточить ее в металлические трубки длиной в руку… А теперь я спрошу вас, воины: “Если они покорят нас, не будет ли это и нашей победой тоже?” Вот почему вождь из Тескоко — с присущей ему благородной мудростью — в год 4-Калли приказал закрыть все военные школы. Наступает цикл доброты. Зачем нам оружие? Приходит солнце братства и цветов. Вспомним же песнь Уэхоцинго:

Вот так я и должен уйти?
Как увядают цветы?
Ничего не оставив от имени своего?
И слава моя здесь, на Земле, – ничто?
Но пусть – хотя бы цветы!
Пусть – хотя бы песни!

III. Вода

Хронология

1492–1502 Начало плавания, которому суждено продлиться десять лет. Крест-виселица (запатентовано в Испании). Святые девы оптом. Серпы и молоты. Необычное явление Иеговы. “Только один ищет Рай, остальные бегут из испанского ада”.

1492 Владения Кровавой дамы. Адмирал пытается бежать через урогенитальный канал. Цирцея: ярость и жестокость женского лона. В открытом море. Два пути развития западной диалектики.

1492 Сентябрь — октябрь. Тайные знаки. *Mare Tenebrarum*[60]. Ничто и бытие сливаются: двусмысленные набеги умерших. Картины вожделенного будущего. *Rex* и *Queen Victoria*. Линкоры. Тракончана и ее зловредные последствия для дисциплины. *Mayflower*. Румба Лекуоны несется над морем.

---

[60] Примечания: 60
Море мрака *(лат.).*

1498 4 августа. *Omphalos*[61] земли. Блаженство. Земной Рай! Голый адмирал. Вступление в земли *не-смерти*.

Похоже, все, кто здесь есть, торопятся убежать из ада, — заявил скептику Сантанхелю толстый как боров марран, агент мультинациональных компаний при испанском дворе. Он лично вложил миллион мараведи в это предприятие, никому не внушавшее доверия (деньги не слишком большие, можно и рискнуть).

Сантанхель повернулся к Колумбу, окинул его равнодушным, без намека на симпатию взглядом и спросил:

— А вы, что думаете по этому поводу вы?

И Колумб ответил, собрав все те крохи скромности, которые еще у него сохранились:

— Думаю, я тут единственный, кто отправляется на поиски Рая и земель для неправедно гонимых…

Сантанхель решил, что речь идет о какой-то совершенно неуместной сейчас метафоре. Как известно, все безумцы обожают поэтические преувеличения (если не впадают в другую крайность — и не одержимы манией точности).

---

[61] Примечания: 61
Пуп, центр *(др. — греч.).*

В любом случае Христофор уже стоял на капитанском мостике “Санта Марии”. Второе августа 1492 года. Ясная лунная ночь. По сути, это отплытие длилось почти десять лет (1492 — 9 мая 1502). Адмирал видел, как повторялись одни и те же сцены, но в разных декорациях — он наблюдал их с мостика “Санта Марии”, или “Марии Галанте” (Кадис, 1493), или “Галисийки”. Люди везут с собой лопаты, мотыги, кирки, блоки, токарные станки, библии, колеса. Ведь *там* Природа “еще не покорена человеком”. И они верят, что смогут превратить крокодилов в портсигары, ягуаров — в дамские манто, а змей — в шланги для поливки газонов! Они готовятся к широкому и серьезному наступлению на Природу — во имя созидания и с презрением к чистому бытию[62]. Упадническому бытию.

— Грузи! Давай! Давай!

Братья Пинсон успевают за всем приглядеть, все проверить. Они знают, кто тут трудяга, а кто лентяй.

— Ну-ка! Под песню моря! Давай!

Они ремнями и веревками крепят балласт. Не

[62] Примечания: 62

Отсылка к введенному аргентинским философом Родольфо Кушем (1922–1976) понятию “быть” или “находиться в месте” для понимания латиноамериканской идентичности.

забывают убедиться, что грузы на корабле распределены равномерно.

На пристани толпятся завтрашние вдовы и сироты. Нет отбоя от искателей приключений.

Мотки веревок. Солонина. Мешки с солью. Пласты вяленого мяса. Связки едкого чеснока. Свиные ножки в бочках с жиром. Горы сушеных тунцов и катранов — хотя это уже не рыба, а жалкий намек на рыбу.

Одни сгибаются под тяжестью мешков с мукой. Другие подвешивают длинные бурдюки из оленьей кожи, наполненные порохом, — как можно выше, куда не долетят морские брызги.

Большое распятие (в натуральную величину) никак не удается уместить под палубой. И его укрепляют рядом с маленьким запасным якорем. На хрупком бледном теле Христа ярко горят нарисованные краской алые капли. Есть и настоящий терновый венец, только сейчас он не на челе Христа, а прикручен бечевкой к гвоздю, пронзившему руку, — чтобы не потерялся во время плавания (так в цыганской таратайке стараются понадежнее приладить шляпку на куклу-марионетку).

Объятия. Смех. Плач. По причалу шныряют цыганята. Проститутки неустанно курсируют

между ближней рощей и пристанью. Стражники Святого братства жуют фисташки и тупо сплевывают шелуху. Все они на одно лицо: бесцветные, мутно-серые, как какаду-альбиносы.

Адмирал опять чувствует недомогание. Его замучил понос: ведро из его каюты выносили уже одиннадцать раз. Даже в темноте он замечает ухмылки и перемигивания. Весь этот сброд тайком потешается над “генуэзцем”. Иберийцы презирают его и рады объяснить волнение адмирала обычной трусостью.

Со стороны рощи долетают голоса еврейских матерей. Им запрещено появляться в порту. К тому же за каждым их шагом следят грабители. Голоса глухие, в них нет ни смирения, ни гнева (3 августа — последний срок, когда все евреи должны принять христианство или покинуть Испанию). Они просят, но, конечно, безуспешно, чтобы их сыновей взяли на корабли.

Как трудно им было добраться до побережья! Какие страшные испытания пришлось пережить! На них нападали, их обворовывали. Но некоторым все-таки удалось сберечь — в самых укромных местах — золото и драгоценные камни, чтобы было чем заплатить за жизнь своих отпрысков.

Опять и опять горестный хор поет старую поэму Иммануэля бен Шломо:

О Господи, даже если ты убьешь меня,
Все равно буду уповать на тебя
И лишь у тебя искать защиты!

Выход один: вступать в переговоры с мавританскими пиратами. А те уже ждут. Вон там, на берегу у Аямонте, горят их огромные костры. Пираты устроят им страшные промывания — из морской воды с порохом. И в поисках золота и жемчугов от нетерпения будут мощным ударом сабли рубить пополам стариков (так швейцарские таможенники потрошат подозрительные мешки). Будут насиловать и продавать хрупких еврейских девушек, воспитанных на субботнем талмуде и под нежное пение флейты. Будут ослеплять юношей, чтобы те, закованные в цепи, работали на марокканских водокачках.

Меж тем Колумб слушает, как выкликают фамилии завербованных. Пинсон делает пометки и строго осматривает тех, кто поднимается на борт:

— Хуан де Медина, портной! Ну и зачем нам портной? Чтобы шить паруса! Проходи. Рейналь Хуан, Гарсиа Фернандес, Фернандо де Триана.

Дальше! Живее! Вперед по одному! Ткач, с поручительством от Хуана де Могера. Проходи. Абраэс, Руис де ла Пенья. Многовато басков! Перес. Проходи!

Родригес де Эскобедо, нотариус. Он требует для себя особого места и особого к себе отношения. “Главное — чтобы было сухо, чтобы надежно хранить официальные бумаги”.

Луис де Торрес, толмач. Он знает арабский и халдейский, наверное, сможет понять и обитателей Индий, а также пионеров из далеких иудейских племен.

Контрамаэстре Чачу следит за погрузкой тюков.

Плотники, конопатчики, парусные мастера, бондари, канатчики, маляры. Есть даже один ювелир и один мойщик золота, ловко подсунутый в список агентом дома “Спинола”.

На борту слышна итальянская речь: Джованни Везано, Антонио Калабрес, Микель де Кунео, Джакомо Рико.

Со своего мостика адмирал видит, что к ним скачет всадник. Сообщает неприступной страже, что прибыл из Севильи. Он весь покрыт белесой пылью и в лунном свете кажется призраком.

Называет свое имя и передает адмиралу оче-

редное послание от Сантанхеля.

Кладет на перила плащ и шляпу и ждет, пока Колумб прочтет последнее письмо от влиятельных придворных марранов:

Bnei Israel[63] *поведали нам о желтых евреях, которых встретишь ты в Катае и на Сипанго. Есть верные сведения также о царстве хазаров. Запомни, вождь их шах-хан Булан умер, но в ангельском обличье продолжает управлять ими. Есть еще десять колен за реками Самбатион и Евфрат. Попытайся установить связь и с ними тоже, они помогут нашему народу в беде, нет в том сомнений… Они существуют, ты убедишься в этом, как только ступишь на остров Киш: там хранится священное зеркало из Храма Соломонова. Но не вздумай смотреться в него: оно крадет отражение. Втягивает в Иной Мир. Не делай этого. Нынче у нас* 1492 *год: он назван в Каббале годом избавления после долгих горестей.*

Ты ниспослан нам! Евреи Азии ожидают тебя, дабы возродить — для всех нас — Землю Обетованную. Исполни свою Миссию: ты должен достигнуть реки Самбатион. Мы определили на корабль и других наших людей, но у них свои

---

[63] Примечания: 63
Дети Израиля *(иврит)*

задачи. К берегам Самбатиона! Там, да поможет нам Иегова, заложим мы Новый Град! И поспеши покинуть эти берега раньше, чем истечет срок, назначенный евреям, — иначе покончат с ними немилосердно и безнаказанно! Помни: если тебя постигнет неудача, то это будет означать победу царей ночи, тогда они смогут исполнить задуманное — заняться окончательным решением вопроса. Пусть не беспокоят тебя расходы. Eretz Israel!

И гонец передал адмиралу секретнейшие карты, спрятанные в кожаный мешочек. Потом так поспешно покинул корабль, будто за ним гнались.

И Колумб не успел поделиться с гонцом своими сомнениями, которые могли бы огорчить тех, кто его послал.

Как и прежде, Колумбу были малоинтересны эти банальные цели — имперские, спасительские или коммерческие. От похода в Индии он ждал совсем не того, что короли, купцы или бегущие от костров иудеи.

Он был бесконечно одинок и никому не мог рассказать о возложенной на него секретнейшей — и неизреченной — Миссии: найти начало океанских вод, откуда посвященному будет дано

проникнуть в недоступные доселе — потерянные! — земли Рая земного!

Он твердо знал: есть такое место на планете — и немногие избранные сумели определить его, — где сохранились территории, утраченные нами из-за слабости Адама и вероломства его жены.

И это место все еще оставалось царством *несмерти*. Речь наверняка шла о волшебных садах, где нет коварных яблок, нет сладкоречивых змиев, нет греха. Там живут новые адамы, и у них есть новые жены — с роскошными длинными волосами, нагие и стройные (как та утопленница, предшественница леди Годивы, которую нашли на берегу в Голуэе в Ирландии).

Адмирал записал в своем секретном Дневнике:

Virum et uxorem in duobus lignis arreptis ex mirabili formam[64]. Восхитительные тела, гладкие волосы, золотистая кожа. Они погибли, ибо были наказаны — наверняка за какие-то любовные шалости, — из райского тепла выброшены в липкий ирландский туман.

Адмирал сам был на том берегу, сам любовался нагими телами, вокруг которых уже рыскали

[64] Примечания: 64

[Мы видели] мужчину и женщину, выброшенных на берег на двух кусках дерева, поразительного телосложения *(лат.)*.

бродячие псы. А веснушчатые священники щедро лили на усопших святую воду. Он сразу понял: они не были ангелами. Они были людьми, как те, что существовали раньше, давно, еще не начав вырождаться в наказание за первородный грех.

И теперь предстояло найти их бескрайние счастливые земли! Доплыть до них! Только там можно обрести спасение. Это единственная империя, за которую стоит бороться. Все прочие человеческие заботы — порочный круг, суета, ничто!

И он, потомок Исайи, должен взвалить на свои плечи тяжкий груз ответственности. Он откроет то место, где теряют смысл все наши умствования, где можно не страшиться сети-ловушки, сплетенной из двух нитей — Пространства и Времени.

Но теперь уже не было и речи о повторении ошибок неразумного Адама. Как и о краже злосчастных яблок. Пришла пора вновь попасть туда, где растут эти яблоки!

Плыть все время на запад! Вот путь посвященных. А Господь? Велит ли Он ангелам с огненными мечами покарать их? Сумеет ли адмирал одолеть райскую стену, как когда-то это удалось Еноху и Иошуа бен-Леви?

Какая тяжкая ноша! Как он одинок! Его цель выше любых самых тщеславных замыслов самых тщеславных из земных героев. Колумба преследуют сомнения. Да и просто страх. Он опять почувствовал, как вихри закрутились у него в животе.

Христофор без ложной скромности решил, что идет на подвиг, достойный Авраама, Моисея или Давида…

Его лихорадило, лоб покрылся холодным потом. Казалось, целый мир всей своей глыбой давит ему на затылок.

Но еще есть время. Бежать!

Адмиралу живо представилась такая картина: вот он собирает самые важные бумаги (план пути в Рай, свои комментарии к Библии и Каббале) и под покровом темноты выскальзывает наружу. “Пойду разомну ноги”, — бросает он Пинсонам, стоящим на страже у сходней.

Бросить все! Бежать куда-нибудь вместе с Беатрис и маленьким сыном. Затеряться в безвестии, научиться радоваться простой, без геройства жизни. Открыть аптеку во Фландрии или колбасную лавку в Порто. Бежать от Истории!

Он вернулся в каюту. Ему опять понадобилось ведро. Затем взял бумаги, записи, которые успел

сделать за свою долгую жизнь. Жизнь искателя абсолюта.

Какое это было бы облегчение! Предать всех, бросить их всех за несколько часов до отплытия.

Он словно слышал: “А где адмирал? Куда подевался адмирал?” Растерянность в голосах. А он в это время уже едет на муле в сторону Кордовы. И никто-то его не знает, никому-то нет до него дела. Какое это было бы облегчение!

Он будет растить Эрнандо, научит его ценить уютный мирок серости и посредственности, а от большого мира они отгородятся скорлупкой розничной торговли.

Но едва адмирал вышел из каюты, как в лицо ему ударил ветер, возвещавший что-то новое. И облака тоже плыли как-то иначе. Он пал на колени, пораженный страшным предчувствием. Его охватила паника.

Страх и трепет! И тут что-то содрогнулось в небесах. Что-то стало вырастать из ночного мрака. Все вокруг сразу потеряло значение, умерли звуки на пристани, и слуха его достиг запредельный, звенящий мужеством голос (но, разумеется, не баритон):

— О глупец, нескорый в делах веры и в служении твоему Господу, владыке всего сущего!

Поднимись с колен! Доверься мне! Перечень твоих страданий выбит на мраморе — и не случайно. Неужто ты откажешься от меня? От того, кто с самого рождения твоего не оставлял тебя заботами и сделал так, что скромное имя твое стало звучать чудесным образом на земле? Дошло до самых властных вершин? И ныне говорю: я даю тебе ключи от заставы Океана, скрепленной мощными цепями. Неужто ты обманешь мои надежды? Неужто убежишь и судьбу орла променяешь на судьбу вола? Не забывай, что пастуха Давида я сделал Царем иудейским. А тебя — адмиралом с золотой шпорой. Вперед! Я ожидаю тебя…[65]

Колумб ощутил гордость и робость пред лицом *misterium tremendum*[66].

И рухнул на палубу, словно лебедь со сломанной шеей. Обессиленный, опустошенный, обмякший.

Затем попытался вернуться к действительности. Так скомканная рубашка жаждет снова обрести форму тела скинувшего ее хозяина.

Меж тем на пристани растянули главный парус

---

[65] Примечания: 65

Эти слова адмирал воспроизвел в своем письме королям, написанном на Ямайке. *(Прим. автора.)*

[66] Примечания: 66

Ужасная тайна *(лат.).*

и краской рисовали на нем крест и инициалы Фердинанда и Изабеллы.

“Здесь только один стремится в Рай, остальные бегут из ада”. Но до чего же тяжко бремя сие!

Он видит группу евреек из Центральной Европы. Убегая от царских *погромов*, они попали в иберийскую западню. На них желтые платки, они поют хором, обреченно:

Новый Град!
Новый Град!
Gute Winde!
Gute Winde![67]

Четверо молодых священников кокетливо примеряют новые облачения, сшитые для них провинциальными тетушками. Они молитвенно складывают руки, крутятся, паясничая, туда-сюда и аплодируют друг другу со словами: *Introibo ad altarem Dei*[68].

Грузчики, обливаясь потом, с помощью блоков втаскивают на палубу крест-виселицу, сооружение из крепкого дерева, годное сразу для

---

[67] Примечания: 67
Попутного ветра! Попутного ветра! *(нем.)*

[68] Примечания: 68
“Я пойду к алтарю Бога” *(лат.).*

двух целей (это испанское изобретение имеет надлежащую епископскую лицензию, которая хранится в Ватикане). Крест установят на острове Эспаньола. У его подножия на Святой неделе будет завершаться *Via Crucis*, и на нем же в течение года (и прямо скажем, довольно часто) будут находить бесславный конец воры, убийцы и бунтовщики.

Падре Бартоломе де Лас Касас, твердо уверенный, что со временем его причислят к лику святых, прощается с сестрицами и кузинами. Они принесли ему в дорогу сахарные леденцы и красные панталоны (весьма похожие, если говорить честно, на обычные домашние шаровары с резинкой). Это намек на ожидающий падре епископский сан. Юный миссионер принимает их дар со скромным достоинством и снисходительно улыбается.

Фрай Буиль пересчитывает экземпляры инквизиторской “Книги методов ведения следствия” и то, что к ней прилагается: блоки, неаполитанские сапоги с трубкой для вливания кипящего масла, две дюжины санбенито из грубого полотна, щипцы для экстракции ногтей, изготовленные в немецком Солингене, а также зубодробильные зажимы, поджариватели гениталий и несколько

пар китайских крыс для развода. И пики для церковных дозоров, которым предстоит крушить Интиуатаны[69] и другие дьявольские идолы.

В спешке, обливаясь потом, прибывают падре Скварчалуппи и Бонами:

– *Credevi che no ce la facevamo!*[70]

Они хотят взять с собой коробку с церковными облатками и две огромные бутыли с виноградным причастным вином, чтобы хватило на то время, пока за морем не вырастут собственные виноградники.

Озабоченный падре Вальверде, не выпуская из рук кружку для подаяний, спрашивает:

— Никто не видел, куда подевалась рака с фалангой святой Лусии?

Библии, катехизисы, пять пачек чистых бланков с папским благословением и штампом *Aloysus — Cardenalis — Katzoferratus*.

Дешевые скрипки — для умиротворения бурных индийских процессий. Трубки для органа. Алтари в стиле барокко — складные, с толстоза-

---

[69] Примечания: 69

Интиуатана — "место, к которому привязано солнце" *(кечуа),* одна из скульптур в Мачу-Пикчу, объект религиозного поклонения, служивший у инков, возможно, еще и астрономической обсерваторией или солнечными часами.

[70] Примечания: 70

А ты думал, что мы не успеем! *(итал.)*

дыми *putti*[71] серийного производства. Одним словом, католицизм, льющийся через край, почти уже в кичливом стиле Бурбонов. Первый великий звуковой фильм Запада, первый *son et lumière*[72].

Построенные в два ряда, застыли на пристани полторы дюжины новеньких Богородиц. На восковых лицах будто приклеена туповатая и одновременно плутоватая улыбка. Они похожи на юных португальских прачек в день причастия.

Каждая займет место на своем пьедестале в посвященном ей святилище: Канта, Гуадалупе, Мутото, Росарио. Некоторые сделают успешную карьеру: будут творить чудеса или станут покровительницами войска (в походе таких повезут на крупе своего коня мрачные и хмурые полковники, а рядом будут трусить итальянский кардинал и североамериканский консул).

Цыганята крутятся вокруг и задирают подолы их туник, расшитых драгоценностями из бутылочного стекла *(ad usum indianis*[73]*)*, и хотя видят

---

[71] Примечания: 71
Младенцы, амуры *(итал.).*

[72] Примечания: 72
Светозвуковой спектакль *(англ.).*

[73] Примечания: 73
Специально для индийцев *(лат.).*

под туниками лишь в спешке обструганные и ошкуренные доски, эта первозданная нагота все же возбуждает мальчишек, и они дружно мастурбируют, точно стайка обезьянок, подражающих скрипачам в аллегро “Полета шмеля”.

— Ладно, пусть их, ведь девы еще не освящены, — в бессильной злобе бормочет падре Пане.

Ульрих Ницш вместе с другими ландскнехтами тоже пытается проникнуть на корабль. Он делает знаки адмиралу, который стоит на полуюте, притворившись, будто не видит его. Обычно Колумб замечает лишь то, что замечать желает.

Прокладывает себе путь доктор Диего Альварес Чанка с огромным запасом лекарств и набором простейших хирургических инструментов. А еще он несет две посудины с пиявками в иле, но, проходя мимо ландскнехта Сведенборга, спотыкается и роняет банки, содержимое которых полагает весьма полезным при лечении простуды и последствий холодной росы, обычной для тропических ночей.

Ксимено де Бривьеска, инспектор, о чем-то спорит с доктором и недоверчиво пересчитывает пачки бельгийских презервативов марки *París*, спрос на которые слишком уж подозрительно вырос. Он не слушает возражений, заставляет

открыть коробки — и видит там сухие, сплющенные кишочки, пересыпанные рисовым тальком. Крошечные бледные призраки, похожие на бесплотные шедевры французского пекаря. В те времена они еще делались из бараньих кишок — с узелком на конце (но уже скоро для их изготовления будут использовать американский каучуковый сок). Поначалу презервативы везли с собой, чтобы с их помощью обойти церковный запрет на “плотские контакты”. Но теперешний бурный спрос объяснялся быстрым распространением сифилиса (который, благодаря семантической победе испанской дипломатии, стал называться болезнью “французской” либо “неаполитанской”).

Еще с одним благородным рыцарем, Хименесом де ла Кальсада, закованным в доспехи, была связана самая забавная сцена третьего по счету отплытия. Он свалился в воду с подъемной стрелы, и восемь расфуфыренных проституток, щебеча и гримасничая, бросились его спасать. Знатному сеньору кинули веревку, позаимствованную с пояса какого-то францисканца, и только благодаря этому не дали пойти ко дну.

Кто был кем в этой пестрой толпе? Иудеи, переодетые монахами, прячущие в подштанни-

ках часы и серебряные ложки. Священники в мушкетерской форме (агенты инквизиции или Ватикана). Не обошлось и без шпионов английского двора (записанных в судовом журнале танцовщиками).

Взгрустнувшие из-за скорого отплытия сутенеры пели саэты о родной матушке или о Пресвятой Деве Трианской. А Дьяволица и Шпагоглотательница примеряли вуалетки, полумаски и кокетливые береты с перьями.

— Кто стащил у меня коробочку с перманганатом? — визжит Болоньянка.

Каждая из трех мечтает о собственном борделе — с английским баром и игорным залом. Каждая прячет за линялой подвязкой камею “мадам”.

Адмирал с полным безразличием смотрит на все это непотребство и на всю эту гнусность. Он уже усвоил, что власть и авторитет можно сохранить, лишь держа строгую дистанцию.

За спиной Колумба, у приоткрытой двери каюты, стоит Беатрис де Арана. Она пришла проводить его.

Они уже успели проститься. Позади была ночь любви — как всегда бессловесной, напряженной и лишенной какой бы то ни было надежды.

Пристань забита народом. Лихорадка послед-

них приготовлений. Под шумок на борт пробираются “нежелательные”. Если в экспедицию в открытую вербовали шлюх и убийц, то почему бы не отыскать местечка и для философов?

Адмирал знал, что и на “Горду”, и на “Вакеньос” сажали за деньги посторонних. По донесениям информаторов, прокаженные, которым уже нечего было терять, организовали на этом неплохой бизнес — ночной фрахт через противоположный борт. Попав на корабли, “нежелательные” прятались среди тюков или в импровизированных загонах для свиней.

Туда уже пробрался однорукий отставной солдат — он просился в плавание писцом, но его дважды прогоняли. Следом за ним — сумасшедший француз, еще вчера вещавший о том, что ума-то у людей более чем достаточно, а вот метода им не хватает. Оба нашли убежище в трюме.

Но воины Святого братства более всего опасались *matap* со сверкающими словно уголья глазами. И за ними следили неотступно.

Адмирал не устает удивляться: как сильно — и как благотворно — повлияла теология на торговлю текстилем.

Ходивший прежде нагим американец познал греховность этого обычая.

Колумб вспоминает те слова из Библии, которые любил повторять его отец Доменико во время их воскресных перепалок, когда убеждал сына не ступать на опасный путь: “И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их”[74]. Это случилось, когда Он изгонял их из Рая.

О чем тут спорить? Значит, сам Господь и был первым портным. Только в одном заблуждался Доменико. В своей жизни портные и лавочники порой тоже натыкаются на подводные рифы. Да и есть ли вообще профессии, лишенные риска?

Правда, теперь было уже поздно возвращаться к размышлениям на эту тему: Христофор мечтал отыскать Рай и готов был претерпеть любые испытания. Выбор он сделал.

Беатрис не менялась. Она появилась на палубе во всегдашней своей юбке из серого сукна, в мантилье и с непременным узелком смертницы в руках. И была, как всегда, немногословна:

— Может, мы с тобой еще увидимся, когда ты вернешься. Может, через несколько месяцев… или лет… Если я буду жива, ты найдешь меня в аптеке. И обещаю тебе: пока я жива, Эрнандо будет учить латынь. А знаешь, мне каждый раз

---

[74] Примечания: 74
Быт. 3:21.

почему-то кажется, будто это ты отправляешься в мир иной. Чудно, правда? А когда возвращаешься, кажется, что вернулся ты из царства мертвых…

Он смотрел, как удаляется она по причалу, как обходит тюки и заслоняет лицо от сальных взглядов конторщиков и алькальдов. Они тоже ждут свой черед на посадку. Эти канцелярские крысы в треуголках и куртках с длинными фалдами (в подражание знатным сеньорам) стерегут свои печати и гусиные перья, чтобы пустить их в ход во время сражений в правительственном Торговом доме. Задолго до Фелипе Бауса-и-Каньяса[75]. Задолго до пришедших в Испанию Бурбонов. Адмирал вынужден был признать: именно они — костяк муниципальной власти, поскольку нужны империи, чтобы обуздать безумие первопроходцев и конкистадоров.

К тому же он заметил, с каким почтением — и даже подобострастно — стали с некоторых пор относиться к межевщикам и нотариусам. После того как на экспорт пошли такие понятия, как “собственность” и “владение”, перед этими людьми заискивали.

---

[75] Примечания: 75

Фелипе Бауса-и-Каньяс (1764–1834) — политик, географ, астроном и капитан испанского корабля; участвовал в создании “Морского атласа Испании”.

Ни одно самое дерзкое завоевание не стоит ни гроша, если вновь обретенное не промерено и не размежевано должным образом, если не составлены кадастры и описи.

Где-то на самом краю мола одиноко, без друзей, словно прокаженные, пропуская мимо ушей непристойные шутки шлюх (которые никогда и ни за что не согласились бы иметь с ними дело), стояли два знаменитых в Севилье палача — отец и сын, Капуча и Капучита. Этих двоих тоже следовало непременно везти с собой.

Они ни на миг не оставляют без внимания свои инструменты и веревки. Их жены, одетые в черное, больше всего боятся быть узнанными, поэтому опускают на лица вуали. Даже перед разлукой не решаются эти женщины поцеловать мужей.

Пришел рассвет 3 августа 1492 года, и заря своими розовыми перстами распахнула иезуитскую сутану ночи. Рождался новый день. И не просто новый день.

Сотни воробьев и ласточек, гнездившихся в роще, радостными криками встретили первые лучи солнца.

А старые моряки с надрывным задором запели:

Благословен будь рассвет
и Господь, что его посылает.
Благословен будь грядущий день
и Господь, что его дарует.

При свете слабого утреннего солнца три корабля — “Санта Мария”, “Нинья” и “Пинта” — казались совсем беззащитными.

Колумб пребывал в сильном волнении. Он вспомнил свое самое первое плавание — на Хиос (Доменико и Сусана Фонтанарроса, Генуэзский маяк, ладанка с кусочком эвкалиптового дерева).

Прокаженные отдали швартовы, и каравеллы отошли от причала.

Гулко звучали удары корабельного колокола.

Кто приказал отдать швартовы? Братья Пинсоны, братья Ниньо и Хуан де ла Коса. Они хорошо понимали друг друга. А вот адмирал был для них чужаком. Его называли колдуном, педерастом и говорили, что он снюхался с морскими демонами, растратил государственные деньги и занимается магией…

Когда он появился на палубе — в адмиральском плаще, венецианской шляпе, желтых башмаках и в очках с цветными стеклами, — послышались смешки. Но скоро шутки утихли, пора было при-

ниматься за работу.

— Лево руля!

— Давай! Давай! Давай! Фок!

— Подтягивай шкоты!

Босые ноги. Рыбацкие штаны и куртки. На шеях ножи с деревянной рукояткой.

А вот и первые удары морской волны. После вялой речной немощи море встречает их нетерпеливой звериной дрожью.

Уплывают вдаль мирные рощи и песчаная кромка берега. Адмиралу почудилось, будто в мутной дымке видит он одинокого, задумчивого мальчишку. Но нет, то была всего лишь игра воображения.

Внезапно на него навалилась жестокая утренняя депрессия. Он идет в каюту, растягивается на койке. И чувствует невыносимую жалость к себе самому. К горлу подкатывают приступы тошноты. На глаза набегают глупые слезы.

Мерное покачивание судна только усиливает внутреннее смятение. Вновь явились к нему тени: он увидел грозовую ночь, человека, копающего могилу, увидел смоляной факел, топор, бледное лицо покойницы. Будто при вспышке черной молнии. И это было похоже на Орфеево скатывание в бездну.

И снова обступили его призрачные видения. И снова он потешил себя соблазнительными мыслями о бегстве: как он скользнет вдоль борта в воду, как вплавь доберется до берега. Крики: “Адмирал! Адмирал!” Его ищут в каюте. Натыкаются на карту Рая, но по тупости своей думают, что это путь в Неаполь. Микель де Кунео, сложив руки рупором, кричит: *Cristoforo, dove sei? Per carita!*[76]

Мартин Алонсо, раздувшись от гордости, объявляет, что он временно берет бразды правления в свои руки. “Этот пустоголовый? Тоже мне капитан нашелся!” — возражает Джакомо Генуэзец.

Адмиралу нравится воображать их одураченными, вдруг понявшими собственную ничтожность, без настоящего вожака. Ведь тогда потерпят крах все их надежды — завладеть солидной недвижимостью, награбить жемчугов, настроить себе отхожие места из золота.

Скрип деревянной обшивки, сильная, но ровная качка — корабль вышел в открытое море.

— Давай! Давай! Давай!

— Давай, давай! Грот!

— Крепи бакштаги!

---

[76] Примечания: 76

Христофор, где ты? Ради бога! *(итал.)*

— Давай! Давай!

Бежать было поздно. К нему вошел кок Эскобар и известил, что уже пробило одиннадцать (должно быть, адмирал от мучительных раздумий уснул). Эскобар протянул ему кружку бульона и не забыл произнести ритуальное приветствие:

— Ты, распоряжающийся ветром и морем, творящий штиль и бурю. Помилуй нас, Господи…

Христофор выходит на мостик и делает глубокий вдох. Воздух чистый и соленый. Большие и покладистые ветряные кобылицы трудятся, надувая паруса.

Чуть позже, подойдя к пюпитру, адмирал знаменитым своим каллиграфическим почерком внесет первую запись в тайный Дневник, который годы спустя безнадежно испортит его незаконный сын Эрнандо. А падре Лас Касас попытается собрать хотя бы горстку пепла — хотя бы обрывки его рассуждений.

Воскресенье, 5 *августа.* Совсем близко Канарские острова. Это море называют Заливом Кобылиц. Должно быть, из-за того, что животные часто бросаются тут в воду, когда поднимается великое волнение и когда море-океан бьется в лобастое лицо Африки.

Кобылицы кидаются в волны и плывут, обезу-

мев от страха, с мольбой в глазах, с намокшими гривами. Плывут, пока не погрузятся в ничто.

Мартин Алонсо Пинсон вместе с Кинтеро и Гомесом Расконом что-то замышляют. Наверняка это они злонамеренно повредили руль на “Пинте”.

У адмирала есть свои шпионы. Ему известно: кое-кто хотел бы повернуть назад, ведь после Канар каравеллы пойдут на запад по линии тропика, а значит, попасть смогут только в жаркие земли.

Их же гонит вперед вечная крестьянская мечта о зеленых и тучных лугах — таких как в Бургундии, где так хорошо растут салат латук и лук-порей и где много славных пастбищ.

Большего им и не надо. Своего они станут добиваться упорно и злобно, точно муравьи (горе садовнику, если он забудет, на что способны эти твари).

9 *августа.* На море сильное волнение. Но адмирал не слушает боцманов и не убавляет паруса. На каравеллах все должно пройти проверку еще до Канарских островов, до того, как они окажутся в страшном, настоящем море. Пусть всякая вещь и всякий человек на каравеллах покажут, на что они способны, — от грот-мачты до кливера, от

пилота до кока.

Адмирал велит принести к нему в каюту лохань.

Теплая вода переплескивается в ней через край лишь при сильных ударах волн о борт корабля.

Христофор погружается в воду и в очередной раз убеждается в своей плавучести. Нет никаких сомнений, что по природе своей он амфибия.

Лохань — маленькая модель моря-океана. Здесь изучает адмирал законы движения волн. Закрыв глаза, размышляет о тайнах, постичь которые дано лишь истинным мудрецам. О мистических мостках между макрокосмом и нашим ближайшим планетарным окружением.

В лохани такие же волны, как и на море, только слабые и укрощенные. В ней дрейфует кусок губки.

Адмирал получает драгоценные знания о Божьих установлениях.

Воскресенье, 12 *августа*. Ночью видны вдали огни вулкана на острове Лансароте. Столбы пламени. Иегова все еще продолжает трудиться.

Земля показалась на шестой день. Пилоты[77]

[77] Примечания: 77

Пилот — в Испании и Португалии XV–XVI вв. специалист по навигации, прокладывающий курс судна.

удивлены: обычно на путь от континента до Канар уходит вдвое больше времени.

“Пинта” плохо слушается руля, и для нее опасны прибрежные течения. Следует отрегулировать паруса, усилить крепления. Заговорщики, Кинтеро и Пинсоны, мечтают изменить курс. Но им не позволят это сделать агенты дома “Спинола”, Соберанис и Ривероль. Возможно, придется на Канарах поменять “Пинту” на более прочное судно.

Крестьяне, попавшие в море. Они не видят дальше собственного носа. Не догадываются, какие интересы таятся за некоторыми решениями.

Они верят во что-то, но мало в чем разбираются. А когда начинают разбираться, теряют веру.

Когда-то эти острова называли Островами блаженных. Теперь ими правит Кровавая дама.

Суровый берег, черные пористые камни — будто застывшая пена или затвердевшее пламя.

Что-то мешает морякам радоваться при виде близкой земли.

Жизнь там какая-то скрытная, затаенная. Не видно ничего, кроме костров береговой охраны.

Ближе к полуночи со скалистых вершин докатился до них, разбившись на леденящие кровь осколки, крик одного из вождей гуанчей. Его четвертовали, а потом повесили с внешней стороны

на Башне Вла- дычицы.

Урок всем непокорным и поборникам независимости. Борьба с туземцами, с националистами и сепаратистами достигла предельного накала.

Канарские острова — трамплин для имперской экспансии. Здесь испытываются методы массового истребления туземцев — исключительно во имя их очеловечивания и просвещения. Первым пришел сюда Хуан Рехон, за ним явились Эрнан Пераса и епископы-убийцы. А сейчас здесь правит Вдова (не сама ли она сделала себя вдовой?) — Беатрис Пераса Бобадилья.

Это уже не та дерзкая девчонка, что прославилась своими короткими бронзовыми юбочками и искусной чеканкой на предметах интимного туалета. Ей уже двадцать семь, и теперь она — Кровавая дама.

Ревнивая королева Изабелла насильно выдала ее замуж за Эрнана Перасу и отправила их править землями, которые еще только предстояло завоевать в жестокой борьбе. Те территории, как всем известно, были среди последних творений Господа (работа над ними, по мнению аббата Марчены[78], завершилась лишь в пятницу, бли-

[78] Примечания: 78

Аббат Хосе *Марчена* Руис де Куэто (1768–1821) — испанский просветитель, литератор, переводчик и журналист.

же к вечеру), потому-то из здешних недр до сих пор вырывались клубы дыма.

Клокочущая жизнью земля. Смешение металлов. Огромные морские животные. Минеральные испарения. Невиданная бурная растительность, жадно поглощающая свежие железные соки. Пальмы, вырастающие за шесть недель.

Любой клочок земли, отбитый у аборигенов, гуанчей, продается в Севилье по хорошей цене. Да и самих усмиренных гуанчей можно продавать как рабов. Канары, по сути, стали первой из тех двадцати с лишним частей, на которые вскоре поделят Америку.

Поговаривали, что Изабелла в приступе ревности покарала Беатрис, выдав замуж за душегуба Перасу, а его наградила должностью правителя новых земель. Правда, ревность ее была запоздалой, поскольку Фердинанд к тому времени уже успел исполнить свой последний эротический каприз: овладел Беатрис, несмотря на то что была она закована в стальные доспехи, — через обтянутую красным бархатом прорезь. При этом он насмешливо помахивал ключом от доспехов перед ее забралом. (Произошло это в дни банкета в честь графа де Кабры, именно в тот вечер, когда Беатрис наблюдала за Аполлоном, который вра-

щался на шесте, теряя позолоченные чешуйки с костюма.)

Изабелла пришла в бешенство. Она возненавидела беспутную девчонку — соблазнительницу, “ласточку”, прозванную Охотницей, которая, дразня дворцовых сплетников, голой разгуливала ночами среди стражников и монахов, громко умоляя их помочь ей отыскать ключик от крошечного пояса целомудрия. Но ненависть была взаимной. И она свяжет двух женщин на всю их жизнь. Пока в 1504 году в Медине-дель-Кампо одна из них не умрет от яда, подсыпанного другой.

Фердинанд не защитил Беатрис от жестокой награды. И с тех пор она затаила в душе ненависть, жуткую ненависть ко всем мужчинам. Ее супруг, жестокий Пераса, в полной мере испытал эту ненависть на себе.

Она жила в Башне одна. Только со слугами и своей грозной галисийской гвардией. Там же разводила волков и львов. Питалась мясом кабанов и оленей, добытых высоко в горах. Порой приказывала доставить в Башню акульи плавники или скатов и мариновала их по-японски — с горькими лимонами. Затем из них варились густые супы — они помогали ей быть неутомимой в любовных делах.

О дьявольской похотливости Беатрис шла слава на всю округу. Если рыбакам случалось ночью приблизиться к острову Гомера, преследуя косяк катранов, они слышали отчаянные вопли ее незадачливых любовников. В ход шли блоки, хлысты, колодки, кожаные ремни с шипами и кипарисовые розги, размоченные в рассоле и уксусе. Помогали ей прислужники в надвинутых на лица капюшонах.

Любовь обычно бывает красной или желтой, любовь Беатрис была черной *hard,* очень темной.

Большинство ее мимолетных избранников — рыбаки, заблудившиеся моряки, пленные вожди-гуанчи или не в меру прыткие церковные служки — на исходе ночи сбрасывались вниз, в море, через северное окно Башни. (Точно так же потом будет поступать графиня Нельская, которая отправляла любовников в Сену, выбрасывая из окна своей спальни.)

Но даже в этом была некая притягательная сила, некий соблазн. Несмотря на леденящие душу слухи, трудно было не принять приглашение этой красавицы. В эпоху суровых эротических ограничений мало кто отказался бы претерпеть пытки от обнаженной женщины. Кроме того, кто-то, должно быть, надеялся укротить ее нрав

с помощью мягкой нежности и пробудить ответную любовь.

На самом деле были и такие, кому удалось уйти живыми. Но ни один не посмел рассказать о том, что испытал, — под страхом лютой кары.

Так, Нуньес де Кастаньеда, бахвалясь, рискнул поделиться кой-какими ее секретами. И вскоре был вновь приглашен в замок, где его удавили. А потом на главную площадь приплелся осел с покойником наперевес, и язык у несчастного был завязан узлом, словно пояс.

Непонятный, зеленый, страх овладел матросами. Они не решались сойти на берег. Только люди с “Пинты” вынуждены были побывать в порту, поскольку не было у них другого выхода.

Там им чудилось, будто за ними все время следят, даже когда рядом вроде бы никого и не было. На острове царил настоящий террор: прокаженные и те страшились арестов. А стражники в часы, свободные от службы, прятались от стражников, заступивших в дозор. *Quid custodet ipsos custodes?*[79]

Пералонсо Ниньо спросил вернувшихся:

— Ну что, учуяли? Учуяли запах серы? Он идет

---

[79] Примечания: 79
Кто устережет самих стражников? *(лат.)*

из-под земли! Вон там, на юге, в горах есть пещеры — это врата в преисподнюю…

Сам он уже успел побывать здесь три года назад, на большом венецианском парусном судне, которое занималось перевозкой рабов-гуанчей.

Но Колумб все-таки решил сойти на землю, чтобы немного подбодрить своих людей. А заодно добыть для них свежего мяса и ключевой воды.

На рассвете он выбрал шлюпку и спустился в нее вместе с другими генуэзцами. Без больших усилий — тогда звери там еще не боялись человека — убил он оленя с роскошными рогами, зато пришлось изрядно попотеть, связывая ему ноги и доставляя с горы на берег.

Матросы и вправду повеселели. Целый день, пока не спряталось солнце, набивали они себе брюхо мясом и пили местное вино.

Однако в поступке адмирала усмотрели лицемерие и тайный умысел.

Матросы-иберы не переставали шушукаться. Что за нужда возиться с парусами на “Пинте”? Из-за этого на целый месяц, не меньше, они застрянут у опасных берегов. А ведь здесь пахнет серой, здесь морская пена словно вытекает из земных недр, а яблоки имеют железно-никелевый вкус.

И зачем адмирал, никогда не любивший охоты, вдруг вздумал гоняться за оленем? Перед кем хотел покрасоваться?

Чего ради, надев шляпу с перьями, простаивал часами на мостике под палящим солнцем? Никто уже не сомневался: проклятый иудей только и ждал подходящего мига, чтобы связать их всех по рукам и ногам и продать Владычице. А корабли отдать под рыбный промысел в открытом море и контрабанду гуанчами. Сам он останется жить при Бобадилье — будет ее Главным хахалем. Разве упустит подобный тип пустующее место?

Два дня спустя они увидели, как глухонемой калека начал подавать им с берега знаки. Он доставил записку:

Адмирал, ужин в девять. Наместница

Целый час Колумб наряжался и прихорашивался. Стало понятно: безрассудство генуэзца не знает пределов.

В семь часов он вышел на мостик не просто разодетым, а расфуфыренным: адмиральский плащ с позолотой, орнитологическая шляпа и все те же нелепые башмаки, но теперь с золотыми шпорами — знаком его высокого положения.

Значит, он покидал “Санта Марию” навсегда.

— Адмирал, она убьет тебя, отравит. Берегись, это ведьма, — предупредил его Эскобар.

Но Колумб притворился глухим.

Ему оставалось только решить, что делать с картой Рая. Поколебавшись, адмирал спрятал ее в потайное дно сундука. И уже стоя в шлюпке, сказал:

— К моему возвращению все должно быть готово к отплытию. И не берите горькую воду... — Потом обратился к итальянцам: — *Mi raccomando!*[80]

Из толпы матросов до его слуха долетели ругательства:

— Чучело! Сукин сын! Подпалит она тебе кое-что, если, конечно, там у тебя еще осталось что подпаливать!

Они надеялись, что Колумб не слишком хорошо понимает испанский язык.

А он последовал за калекой. Путь к Башне оказался нелегким. Приходилось цепляться за стебли вереска. Пару раз он буквально повисал над обрывом, едва успев ухватиться за какие-то корни. С верхних каменных выступов на него глазели шустрые ящерки и царственно-непо-

---

[80] Примечания: 80
Надеюсь, что все будет в порядке! *(итал.)*

движные игуаны.

Не без тревоги вспомнил он строки из Тайного Апокалипсиса апостола Павла: “Ангел вел меня в сторону запада, туда, где были лишь мрак, боль и печаль”.

Уже на самом верху им пришлось пройти через владения львицы. Но она, видно, лишь недавно насытилась человечьим мясом и равнодушно зевала, а взгляд ее был, как всегда, обращен к родной Сахаре, по сравнению с которой все, что окружало ее здесь, казалось ей по-барочному вычурным.

А вот и железные ворота Башни. На крепостной стене висели останки казненных. Судя по всему, Бобадилья, карая преступников, не меньше радела о воспитании и назидании.

Тут адмирал обнаружил, что его проводник исчез.

Ему очень захотелось запеть или громко засвистеть, словно он шел через кладбище в безлунную ночь.

Правда, солнце еще припекало довольно сильно.

Галисийская гвардия — или просто *GG*, как называли ее запуганные островитяне, — обошлась с адмиралом вполне бесцеремонно, не приняв во

внимание его высокое звание. Колумба провели во внутренний дворик, мощенный плитами. И не только раздели донага, но и по-хамски вспороли все швы на его одежде. Что они там искали? Во всяком случае, действовали молча и уверенно, как таможенники, получившие донос из надежного источника.

— Вы ищете яд? Или кинжал? Или что-то еще?

Но ответить ему никто не потрудился. Пустые, бесцветные лица. Унылые и неразличимые между собой, будто у каждого от уха до уха пролегла целая лига бесплодной пампы. Косящие глаза. Казалось, они то и дело подглядывают в узкие щелки. А где-то в самой глубине глаз — серо-стальные зрачки — зловещие, кельтские.

Раздев адмирала, стражи принялись решительно поливать его из ведра морской водой со щелоком и каким-то еще дезинфицирующим средством.

Он хотел было возмутиться, но сообразил, что это была неприятная, но обязательная для всех, невзирая на лица, процедура. Они действовали проворно, слаженно, выказывая большой опыт. И поливали его так, точно он был телегой, из которой только что выгрузили навоз для огорода, после чего надо привести ее в порядок и

украсить для праздника в честь Пресвятой Девы дель Кастро.

Как ни странно, Колумб не чувствовал себя оскорбленным. Он воспринимал происходящее как строгий ритуал, какой непременно положено исполнить при входе в тюрьму или на еврейское кладбище.

Его обтерли куском грубой ткани. Дали гребешок из кости каракатицы. Вручили сандалии и бурнус из довольно тонкого льна. Не забыли распорядиться, чтобы был составлен перечень всех изъятых у него вещей, которые в случае чего будут возвращены его родственникам.

Колумба усадили на край стола, больше похожего на монастырский. Люди из *GG* остались в коридоре и время от времени просовывали в дверь тупые, тыквообразные головы.

Прислуживали ему четыре обворожительные девушки. Одна из них подала адмиралу серебряный бокал, в котором крепкое местное вино дробилось на манящие прохладой блики.

И только тогда Христофор увидел ее. Она вошла следом за двумя гвардейцами, тут же исчезнувшими. С природным величием спустилась по лестнице. Да, любые слова здесь были бессильны: при появлении Владычицы все вокруг будто за-

стыло, все потеряло значение — вкус еды и вина, а также звуки нежной флейты, на которой играла девушка-гречанка, сидевшая на возвышении.

Широкие бедра. Тончайшая талия. Ягодицы — пара круглых планет, как у женщин Пикассо. Щиколотки — узкие и хрупкие, как запястья у венского органиста.

Одетая и почти нагая, сдержанная и все сулящая — в полупрозрачных одеждах, подобных эллинским. Сандалии из позолоченной кожи. Густые черные волосы — по плечам. Большие зеленые глаза — скорее похожие на глаза пантеры, выслеживающей добычу, чем на глаза испуганной газели.

“У нее бедра уроженки Лакедемона”, — решил Колумб, уже начав придумывать изысканные любезности, какие можно будет сказать ей в постели.

Золотой ремешок — под стать сандалиям — не давал густым прядям упасть на лоб. И никаких драгоценностей. Лишь ожерелье то ли из мелких ракушек цвета слоновой кости, то ли из высушенных и нанизанных на нитку маленьких сухих фиников (позднее Колумб узнает, что это были клиторы крестьянок и горожанок, имевших несчастье спутаться с ее любовниками — до нее,

одновременно с ней или после нее).

Без лишних церемоний заняла Беатрис место на противоположном конце стола и вела себя так, будто всю свою жизнь ежедневно принимала этого гостя. Она была воистину светской женщиной!

На стене висела кираса покойного Эрнана Перасы, напоминавшая латунную марионетку, какие весьма популярны в Сицилии. Кроме кирасы, ничто здесь не напоминало о средневековых жестоких нравах и аскетизме. Амфоры с фавнами, три кушетки у стола, бронзовые кувшины для умывания, бюст то ли Сократа, то ли Цезаря (это никогда нельзя угадать наверно). Мозаики, мраморный стол, золотые и серебряные кубки. Дух Рима и Греции. Множество изысканных птиц (поднадзорно свободных): фазаны, нильский ибис, малайские попугайчики, орел с золотой шейкой.

В качестве закусок — восхитительные дары моря. Козий сыр в перце. Виноградные листья с куахадой из овечьего молока. И молодое сухое вино.

Она ела, ничуть не смущаясь затянувшимся молчанием. Колумб, напротив, вскоре почувствовал неловкость и решил заинтересовать хозяйку

дома сообщением:

— Изабелла, наша королева, очень похудела…

Фраза повисла в воздухе — нелепая, пустая… Слишком явным было его желание показать себя человеком, приближенным ко двору, и даже, если угодно, лицом доверенным. Он тотчас раскаялся, но вернуть сказанное назад было уже невозможно. Беатрис лишь удивленно приподняла бровь и что-то процедила сквозь зубы.

Несомненно, Колумб попал впросак, выбрав худшую из всех возможных тем. Он упомянул в этой Башне об Изабелле — то есть заговорил о веревке в доме повешенного.

Новая попытка:

— Здесь, на островах… надо полагать, много проблем? Политических… хочу я сказать. Я видел останки казненных…

Она выслушала его спокойно, с приветливой, но ироничной улыбкой. И только тогда в первый раз прозвучал ее голос:

— Обращать в христианство — дело непростое, адмирал. — Беатрис отвечала любезно, но сохраняя при этом непреодолимую дистанцию.

“Так где же повесила она Нуньеса де Кастаньеду? Неужто прямо здесь? И когда: до или после десерта?” — размышлял между тем Христофор.

Он незаметно оглядел высокие балки, но ничего подозрительного или пугающего не обнаружил.

Девушки, выполнявшие роль сомелье, снова наполнили им бокалы вином. Две другие внесли нашпигованного салом козленка. Потом — салаты, суп из фасоли, жареный перец.

Беатрис бесстрастно смотрела, как он взял ногу козленка и решительно впился зубами в мясо. После третьего куска тщательно вытер рот салфеткой и сделал глоток вина. А чтобы показать хорошее воспитание, при этом старательно оттопыривал мизинец.

Зато она по-прежнему держалась с жутковатой самоуверенностью. И не слишком строго судила промахи смущенного плебея, который чем больше сражался с собственной вульгарностью, тем больше оплошностей совершал.

— Вы задумали великое дело, адмирал, — сказала она снисходительно.

— Индии. Специи. Сипанго. Великий хан… — стал перечислять он.

— Но все это находится дальше, чем вы полагаете. Местные жители давно знают — кто лучше, кто хуже — про те жаркие земли, которые вы ищете. И многие даже побывали там, когда их заносило туда море… Но никто, возвратясь, тол-

ком ничего объяснить не мог… Так что первыми вы в любом случае не будете! Просто надо будет погромче кричать о своем подвиге… Кроме того… И *они* тоже несколько раз подплывали сюда на каких-то весьма странных кораблях… Могу сообщить, что эти люди робки и добродушны. Слишком добродушны, а это значит, что их мир обречен… Один из них — потом гуанчи убили его, приняв за какого-то бога, — успел рассказать, будто Европа открыта ими в тысяча триста девяносто втором году. Они смогли подойти к ней сразу в трех точках… Как знать… Все возможно. Возможно… Не знаю. Они достигли Порто, Азорских и Канарских островов. Это вне всякого сомнения. А вот дальше двигаться не захотели… Их кораблям не нужен ветер, они умеют обращаться с морем, полагая, будто в море есть свои реки и нужно следовать по их течению. Может, так оно и есть. А вот мы им совсем не интересны. Да и кого может привлекать мир, все глубже погрязающий в трясине демократии и народного образования?

Подали свежайшие фрукты. Беатрис явно была сластеной — она почти машинально пододвинула к себе сразу две чашки с кремом — и здесь неуместно было бы рассуждать, изящно это выглядело или по-звериному грубо (так тигрица

спешит утолить жажду у ручья).

Потом, когда они поднимались на “наблюдательный пункт” (ее выражение), Беатрис с насмешкой заметила:

— Аполлон! Не желаете ли взглянуть на мою коллекцию ракушек? — И рукой сделала жест, изобразив нечто вращающееся.

Колумб с досадой понял, что узнан, что она помнит, чем он занимался в не самые счастливые для него годы.

Они продолжали подниматься по каменной лестнице. И на всем пути за ними следили глаза здоровенных галисийцев, которые время от времени просовывали головы меж портьерных складок и тут же втягивали обратно.

С одной из площадок она бросила горсть фисташек гулявшим по столовой фазанам. Выпустила из клетки белую мышь — на десерт королевскому орлу, который с изысканной и благородной жестокостью тут же спланировал на нее со своей железной балки.

Что произошло потом? И что Колумб имел в виду, когда в предсмертных беседах с падре Горрисио упоминал о “самом сильном в жизни впечатлении” (Вальядолид, 1506)?

И можно ли верить тому, что пятьдесят лет

спустя со слов одного из бывших галисийских гвардейцев записал юнга Моррисон?

По словам Микеля де Кунео, адмирал вернулся “упоенный любовью, преображенный”.

Кое-что об интересующем нас эпизоде рассказала и одна из прислужниц (и только после того, как подтвердились слухи о трагической гибели Беатрис Бобадильи в Медине-дель-Кампо). По ее свидетельству, Беатрис, увидев, как он впился зубами в ногу козленка, “почувствовала, что все в ней всколыхнулось от присутствия рядом настоящей, бьющей через край мужской силы”.

По лестнице она шла впереди. От масляной лампы и канделябров плыл мягкий свет. Вино оставило по себе легкую веселость и раскованность. Очень соленые креветки и чеснок усилили возбуждение. Прозрачные ткани колыхались в такт ее шагам, а также по воле ветра, долетающего сюда с моря. Трогательное воспоминание о мощном торсе Аполлона, который неуклюже вращался на шесте над столами пирующих, теряя свои золоченые чешуйки и лавровый венок… Нежность? Неудовлетворенная страсть, сжавшаяся в комок в ожидании часа, когда ей воздастся должное? (Не забудем, что тогда, на банкете, Беатрис смотрела на Колумба сквозь прорези в

шлеме и была совершенно нагой под железными доспехами. Ключ же от них Фердинанд, злой насмешник, бросил в пруд, о чем и шепнул ей, проходя мимо. Но это упорно утаивают легковесные хроники, хотя именно такие детали имеют прямое отношение к глубинным химическим процессам, из которых рождаются страсть и ненависть.)

Они вошли в сумрачную и прохладную комнату. Он чувствовал, что присутствие Беатрис обволакивает его — как тень, как сон. Дивная повелительница! Она идеально владела искусством разжигать страсть, то отдаляясь, то вновь приближаясь.

По слухам, ей были известны секреты приготовления наркотических снадобий, но она умела делать и другие запретные вещи. Не случайно осторожный Колумб, собираясь в гости, велел Эскобару приготовить настой дикого чеснока, *moly*.

При свете луны Беатрис показала ему свои раковины — крошечные соборы Гауди. Прекрасные и не похожие одна на другую. Велела приложить к уху, чтобы был слышен далекий и веселый гомон нереид со дна морского (сентиментальный человек, тоскуя о былом, именно такими вспоми-

нает девчоночьи голоса на школьном дворе).

Она провела его пальцами по выпуклой спирали *Nautilus Tilurensis*, чтобы “он ощутил агатовую нежность сего чудного творения Господа…”. У Колумба от волнения взмок затылок. Досадный дефект, порожденный сверхчувствительностью.

От Беатрис словно бы шли невидимые лучи. Тело ее влекло, смущало, заслоняло собой все остальное, хотя внешне она оставалась невозмутимой и по-светски холодной.

Лунные отблески на водной глади. Мерцание старинного серебра. Желто-серые лунные пятна на поверхности моря.

Он почувствовал, что стал задыхаться, что пространство стало сжиматься, а вертикальное положение их тел вдруг показалось ему фантастически противоестественным.

Колумб огляделся. Они находились в спальне. Там стояла кровать в восемь вар шириной, где вполне уместились бы три юные пары. Она была покрыта белейшими овечьими шкурами, которые казались еще белее на фоне глубокой черноты шелковых простыней и подушек.

Оба почувствовали, что на них надвигалась беспросветная ночь, ночь без луны и без передышек. Пылающая пожаром ночь — длиной в три

полных дня и три полных ночи. Как свидетельствовали потом друзья адмирала, дело обошлось без долгих подготовительных речей. Генуэзец имел богатый портовый опыт и давно успел усвоить, что “хватать надо, пока горячо” и что “кто смел, тот и съел”.

Вероятно (а у нас есть все основания предполагать это), в первые часы чрезмерное возбуждение только мешало любовникам. (Молодой изумленный бык носится по спальне и соседним залам, пока наконец не падает без сил, громко фыркая, а возможно, и предчувствуя полный крах.)

Но вообще-то они были торжественны и серьезны. Серьезны, как два нотариуса, которые составляют самую важную в их жизни бумагу. (Ведь в сем ритуале даже от случайной улыбки или неуместного смеха все могло обрушиться словно карточный домик. И порой не бывает ничего вредоносней смеха.)

Мы уже упоминали о рассказе гвардейца, записанном юнгой Моррисоном. Но их беседа случилась все-таки через пятьдесят лет после тех событий. И кроме того, наблюдавший любовников молодой галисиец был безнадежно двухмерным в своем восприятии секса. А двухмерность — это абсолютное отсутствие воображения, неумение

видеть телесность во всей ее полноте, двухмерность — это продукт примитивно-девственных воззрений той эпохи.

Короче, даже если кто-то что-то и сумел подсмотреть, в последующих свидетельствах были опущены те необходимые слова, с помощью которых только и можно воспроизвести происходившее в темной спальне между Христофором и Беатрис. А для юного галисийца оба они так и остались скорее китайскими тенями, какие фокусник-цыган показывает публике на полотне. Остались рычащими драконами. Кентаврами. Быком о двух головах.

С уверенностью можно сказать одно: Колумб слишком многим рисковал, поставив под сомнение репутацию Кровавой дамы. А еще ходили слухи, будто она была из породы лонозубых (два мощных резца и крепкие коренные стояли на страже у врат ее тайны) и имела обыкновение с ужасающей невозмутимостью пожирать фаллос тех своих любовников, которые слишком ретиво рвались вперед. Утверждалось также, что, когда подходило время течки, водила она шашни с вожаком (главным на острове) волчьей стаи.

Итак, часы шли за часами, а людей из *GG* с их ужасным рабочим инструментом хозяйка поче-

му-то не призывала.

Колумб вел себя все смелей, все больше ощущал себя господином на этом дивном ложе. Да и богатый арсенал, завещанный Онаном, начал приносить свои волшебные плоды. (Если долго воображать то, что может дать телам безумное наслаждение, это в конце концов и в реальности многому научит.)

Беатрис де Бобадилья вдруг возжелала отказаться от своих кровавых садистических обычаев и на сей раз попробовала насладиться покорностью[81].

“Зависть к фаллосу”, издавна терзавшая Беатрис, была на время забыта. Поэтому ей не пришлось прибегать к эротическим пыткам. В святилище полновластно воцарился *лингам,* хотя орудие адмирала и не превратилось в эпицентр, то есть *omphalos,* той территории безумств, на которую они вступили.

Во тьме его фаллос — торжествующий, измученный, тоскующий и одинокий — тянулся вверх. Так гордо или слишком самоуверенно

---

[81] Примечания: 81

События, случившиеся во время того долгого любовного свидания, опровергают рискованную версию Жана-Луи Сесброна, изложенную в его труде “Любил ли Колумб дисциплину?” (Париж, 1966). *(Прим. автора.)*

держит голову гений, которого долго осмеивали, но наконец признали.

Возможно, именно Колумб, а не Владычица, отдал в той схватке дань садизму. Он прикрепил к своему древку два “истязателя плоти” (морские бечевы с узлами, какие были придуманы и нередко применялись в борделях Средиземноморья).

Где-то ближе к рассвету *лингам* превратился в мостик, равноценно служивший двум телам. Случилось то, что немецкие сексологи называют *Verfremdung* — отчуждение и объективизация фаллоса, его обезличение, когда он превращается в чистый инструмент соития, проникающий в *оба* тела, то есть над ним перестают властвовать понятия собственности и господства. Живой и реальный мостик, соединяющий ты и я. Ничейная земля. Символ двойственности. Он перестает играть роль исключительно инкуба. Перестает принадлежать исключительно телу самца и берет на себя функцию инструмента, которым могут по своему усмотрению пользоваться он и она. Уподобляется демиургу, не требующему ни ритуального поклонения, ни преданного служения. Демиургу, отрешившемуся от суетного тщеславия.

Новое для нее ощущение покорности было

столь острым, что уже поздно ночью, в какой-то особый миг, Беатрис прошептала с карибским акцентом, обретенным здесь, на острове:

— Ну, будь же грубее, глупый! Как чудесно!

Он знал: она хотела, чтобы он заставил ее умирать (в эротическом, разумеется, смысле). И Колумб позволил вырваться на волю всей таившейся в его теле агрессивности. (Должно быть, именно тогда достигли они восьмой степени наслаждения — по шкале доктора Хайта.)

Как всякая Дузе, она требовала от своего Д'Аннунцио смертоносной отваги. Чтобы он подошел к самому порогу, когда наслаждение граничит с физическим распадом (как это случалось с пылкими и утонченными чахоточными дамами, коими изобиловал XIX век).

Это были сладострастие и голая чувственность — без капли любви. Тела утверждали свои законы жестокости-нежности без докучливой примеси метафизики (ах, Запад, старый ханжа, который не способен без патологического многословия описать цвет птичьего оперенья!).

Заметим между прочим, что все это время адмирал оставался в чулках. И Беатрис отнеслась к сему факту как к курьезной, но извинительной экстравагантности.

Итак, именно этой поразительной эротической слаженностью объяснялось неожиданное милосердие Беатрис де Бобадильи. Поэтому и не стала она призывать своих грозных *GG*, и на рассвете они задремали в коридоре, похрапывая и склонившись друг к другу головами, напоминавшими тыквы или до срока сорванные арбузы.

Занималась заря, и Колумб подошел к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха, а также поискать воды и какой-нибудь смягчающей мази. Неожиданно он увидел далекий огонь на корме "Санта Марии", стоявшей на якоре в бухте (горючим там служило сурепное масло), и услышал, как вахтенный, сверившись с песочными часами, оповещал:

Сеньор пилот, сеньор капитан!
Пора, настал новый день!
С добрым утром и попутного ветра!

Но все это казалось ему сейчас чем-то далеким. Весь этот почти монастырский мир, построенный на ритуалах, борьбе, амбициях… Наивный мир.

Он вернулся на ложе. Именно тогда они подступили к самому краю.

Им удался целый ряд весьма гармоничных фигур. До нас дошли сведения, что она едва не

лишилась рассудка, когда он касался языком или алчно покусывал, словно бездомный пес, соблазнительные впадинки у нее под коленками.

Черные простыни сразу же поглощали любой свет, но даже на них Колумб сумел различить отблески влажного тела Бобадильи. Так моряк видит с борта корабля цепочку далеких огней, которые сулят ему покой и блаженную надежность.

Наслаждаясь, она источала капельки пота, которые имели ртутную примесь. Они испарялись, оставляя благодатный аромат мускуса и дивные запахи, какие бывают в лавке заморских товаров, где торгуют крупной солью, джутовой тканью и листьями рыжего табака.

Да, любовники оказались словно запертыми в арабской лавке или в апельсине Босха. И здесь адмирал заметил, что, когда его копье выныривало на поверхность, с острия срывалось, а потом уплывало вверх облачко белого пара. Оно тотчас рассеивалось, но на коже (поверх портовых татуировок, которые Колумб сделал на острове Туле или на Хиосе, и скорее в подражание другим, нежели по каким-то иным причинам) оставался налет из соляных кристалликов. Эти крошечные бриллианты мерцали во мраке — обманчивые и

прекрасные, как светлячки.

(Ни он, ни она не знали, что кристаллики эти и есть единственное из до сих пор обнаруженных доказательств существования так называемой любви.)

Их тела, спокойно и уверенно, как пара гимнастов, которые много лет проработали вместе, без слов понимали друг друга. Так два полена, положенные в очаг, передают огонь одно другому.

Уже совсем рассвело, когда удалась им сложнейшая из всех известных поз, в которой потерпели неудачу и Овидий, и Казанова (в обиходе ее вульгарно называют “фараонкой”[82]).

Микель де Кунео позднее запишет слова адмирала: “Я почувствовал, как по нижней части тела у меня засновали сотни маленьких муравьев (тех, красных и совсем крошечных, что щекочут, но не кусают). Сравнить это ни с чем нельзя”.

---

[82] Примечания: 82

Эта поза будет описана в “Камасутре” как высшая фигура любовного пилотажа (без помощи третьих лиц); когда змея Кундалини достигает максимальной чувственной восприимчивости и даже раздражения, когда она ползет вдоль позвоночника и становится генерирующим центром страсти и наслаждения. Очень возможно, что поза эта соответствует так называемой “позе Индрани” или “самому высокому соединению”, когда партнерша издает звук “Джинн”. В “Камасутре” дается описание данной позы: “Любовники доходят до такой степени исступления, когда эксцессы уже не замечаются. Страсть ослепляет их. Наступает миг, когда соединение воспринимается как что-то нереальное, как сон…” *(Прим. автора.)*

Крики. Громкие стоны. Или бесстыдный вой — словно волк, сделав неловкий шаг, кубарем катится в пропасть.

Совершенно точно известно, что, услышав этот вой, гвардейцы кинулись в спальню, но обнаружили там лишь два безжизненных тела — мужчину и женщину, переставших понимать, что происходит вокруг, и на лицах обоих светилось выражение расслабленного блаженства, какое бывает после эпилептического припадка.

Пришло утро третьего дня. *Really a glorious day.* Он пролежал в постели до одиннадцати, пока солнце со всей силой не ударило в его опущенные веки.

Четыре прислужницы наполнили комнату смехом и щебетаньем. Они принесли фрукты и ключевую воду в запотевшем серебряном кувшине. А также большой стакан ослиного молока со снегом.

Он выглянул в окно. Сверху было голубое — “фарфоровое” — небо, внизу — несказанной синевы море. (И три маленьких каравеллы — как три дрейфующих катафалка.)

Четыре рабыни, которые выполняли в Башне все работы по дому, нагрели воду в бронзовой треноге.

И адмирал с изумлением понял, что время стало вдруг тянуться в медленном ритме деепричастий. Всегда мимолетный и эфемерный миг настоящего теперь растекался спокойным и свежим озером. Колумб откусил кусочек сладчайшей дыни, а потом с наслаждением задержал во рту глоток прохладного молока.

Ему приятно было вообразить себя в роли сутенера, наглого типа без роду и племени, без титулов и должностей.

Служанки опустили Колумба в ванну, потешаясь над наготой и обалделым видом гостя. Ловко натерли его мужской орган очищенным и холодным маслом и обернули салфеткой из ирландского полотна. Потом четыре пары молодых рук, резвясь под водой, засновали по его телу.

Временами от наслаждения он погружался в дрему, и тогда струйка слюны, символ буддийской гармонии, тонкой нитью стекала по подбородку к поверхности воды.

Безмерное счастье. Бобадилья не только не убила его, а теперь еще и вернулась в спальню совершенно преображенной: платье с воланами и кружевами, волосы заплетены в две косы с голубыми бантами, как у юной школьницы. На голове соломенная шляпка с мелкими цветочка-

ми по ленте. Воплощенная женственность. Почти женщина-девочка.

Она была бледна. Понимала, что и этот миг тоже можно считать прямым продолжением их долгой ночи. Улыбнулась. Затем взяла серебряный кубок и аккуратно присела над ним на корточки. Тихо зазвенела медленная струйка. (Сам сей звук был свидетельством влюбленности!)

С чарующей естественностью протянула она кубок адмиралу. Он выпил. Они не отрываясь смотрели друг на друга — вернее, проваливались в чужой взгляд как в пропасть.

Законы любовной игры вносят свои поправки в привычные чувства и ощущения. Случилось великое причащение. Та жидкость была освящена, пройдя по *via triumphalis* плотской любви, их соединившей.

Обоих пронзило восхитительное жало страсти. Но Беатрис — сама мудрость и сама женственность — взяла плетеную корзинку и спросила:

— Я спущусь на рынок. Чего бы тебе хотелось: крабов или жареных омаров?

Колумб почувствовал безмерную гордость. Этот жест — “спущусь на рынок” — скромно потупившейся женщины, будто только что рожденной из раковины, заставил его ощутить себя победи-

телем, львом, который наконец сумел завоевать обширную территорию со всеми обитавшими там самками. Он замер, прикрыв глаза. Повелитель. Сутенер. Наглый хищник. Он перебирал в воображении счастливые и непристойные варианты своей будущей жизни: скажем, он станет хозяином большого борделя в Тенерифе (вот он выходит в зал в цветастой рубахе и высоких башмаках). Полдень, терраса, обсаженная жасмином и геранью. Легкий ветерок с моря. Турецкие шелка. Или он промышляет исключительно доставкой рабов на континент. Или занимает место в высоких финансовых кругах: открывает представительство дома Чентурионе и вытесняет с рынка дома Соберанисов и Риверолей.

– *Prometeo è morto!*[83] — вскричал он, очнувшись (по-итальянски, на языке своего подсознания, языке редких мгновений искренности и денежных расчетов).

Юные галисийки расхохотались и снова принялись тереть его мылом. Что могли они знать о безднах его души!

Историки так и не сумели объяснить, почему Колумб не решился остаться на Гомере, женив-

---

[83] Примечания: 83
Прометей умер! *(итал.)*

шись на Вдове. Нет никаких документов. Видимо, люди предпочитают не доверять будущим поколениям свидетельства своих неудач и страхов.

И все-таки понять это трудно: ведь Колумб был гедонистом, человеком довольно вульгарным и очень практичным, цепким (он часто повторял слова Цицерона: “Не понимаю тех, кто от добра ищет добра”), так почему же он так быстро покинул сей плацдарм?

Поговаривают, будто одна из рабынь успела ему шепнуть: “Нет ничего отвратительней и опасней женщин, которые, как эта, тайком вечно плетут какие-нибудь козни…”

Думается, то был не первый случай, когда Беатрис де Бобадилья усыпляла бдительность любовника обманчивой податливостью. Она притворялась покорной, но как только доверчивый простак начинал чувствовать себя господином, настоящим мужчиной-самцом, неожиданно вновь утверждала свою грозную власть: на смену косичкам с бантами приходили военные доспехи и хлысты с металлическими наконечниками. Нечто подобное случилось с несчастным Нуньесом де Кастаньедой: стоило тому уверовать в свою мнимую победу, как последовала жесточайшая кара — слепая месть паучихи, пожирающей

самца.

А вот Микель де Кунео полагал, что генуэзец успел подсмотреть какое-то едва заметное движение бровей, какой-то тайный знак, который Беатрис подала командиру своих гвардейцев. Не следует исключать и того, что любопытный адмирал случайно наткнулся на дворцовые камеры пыток. Скорее всего, именно так оно и было.

А может, как он, так и Беатрис испугались мести Изабеллы?

А может, Колумб, человек весьма прозорливый, почувствовал, что новая власть на островах Блаженных не слишком прочна, а действия герильи опасней, чем гласили донесения?

А может, сложнейшая поза, которая удалась им в финале любовной игры, опустошила их? И вообще, сколько времени способны выдержать любовь, случайная связь или супружество? И когда на самом деле умирает то, чему в отношениях несчастной человеческой пары неизбежно уготована смерть? Нельзя исключить, что время любви анахронично, как время в сновидениях, и эти три дня на самом деле были тридцатью годами. И почему бы не предположить, что в последние десять лет из этих тридцати Колумб и Беатрис отдадут дань кастрюльной скуке, зевкам,

разбору счетов из лавок и приторному сексу, как большинство супружеских пар, когда любовный сок перестает кипеть и становится чуть теплым и водянистым?

Точно известно только одно: 6 сентября эти каникулы любви на острове Гомера завершились. И люди Колумба, уже собравшиеся было продолжить путь без него — чужака, навязанного им короной, — вдруг увидели, как адмирал спускается с горы в сопровождении того же калеки, который днями раньше увел его наверх.

Он подождал, пока за ним пришлют шлюпку (правда, были споры, делать это или нет, но верх взяли тайные агенты), и, шагнув на борт каравеллы — все в тех же живописных башмаках с закрученными спиралью носами (будто к их подошвам прилипли две желтые змейки), — приказал:

— В море! Сегодня же! — Потом повернулся к Хуану де ла Коса: — Приказываю следовать намеченным курсом: все время только на запад. Удалось ли починить руль на “Пинте”? Надеюсь, все в порядке. А местная вода действительно превосходна…

Его наглость вызвала бурю негодования. Уже поднимаясь к себе в каюту, адмирал услыхал

чей-то голос:

— Генуэзская свинья!

И тогда невозмутимо, как и положено командиру, который пользуется случаем, чтобы преподать урок подчиненным, он бросил:

— В свиней запросто могли превратиться в этих землях все вы! Если бы не моя хитрость, если бы не я! И даже хуже, чем в свиней, — в рабов! Запомните это и заткните пасти! Поднять паруса!

Ужасные грифоны. Гигантский спрут. Свирепый кит. Да, теперь опасность подстерегала его повсюду. Неведомые бездны моря. Бешеные ветра, царства демонов.

Отчаявшемуся Колумбу казалось, что отныне Господь окончательно бросил его на волю собственных фантазий. В том и состоит коварство богов: они наказывают, вроде бы одаряя. И пусть боль твоя станет твоей победой! Но и твоей гибелью! А также ответом на твое неуемное любопытство!

Кок Эспиноса принес фасолевую похлебку и вяленое мясо. Стакан терпкого вина, от которого трудно опьянеть. На десерт — горсть миндаля и изюма.

— Адмирал, нам будет нелегко следовать этим курсом…

— Разве я спрашивал тебя о чем-то?

— Нет. Но они там говорят, что мы непременно опять окажемся в жарких землях. Во владениях Великого Хана или в подобных им… Говорят, что это чистое безумие — добровольно выбрать засушливые, суровые земли — такие же как в Трухильо, Бадахосе, Эстремадуре. Чистое безумие! Ведь там могут расти лишь чеснок и оливы. А цены на чеснок и оливы сильно упали! Если ваша милость не изменит курс, тут такое начнется, что мало не покажется… В жарких странах, в тропиках найдем мы лишь нищих голых людишек. Где жара, там уж завсегда нищета! Поверьте, адмирал!

Видно, его к Колумбу подослали. На самом деле таким было мнение Пинсонов и их приспешников. Черви! Карлики! Они ничего не знают о гласе, посланном ему небом! О тайной Миссии потомка Исайи!

9 *сентября. Воскресенье.* Матросы не исполняют его приказов, пилоты пытаются тайком изменить курс, иногда даже весьма решительно.

Они уверены, что адмирал ничего не замечает или — по малодушию своему — просто не желает замечать. И ошибаются. В чем в чем, а в этом он им ни за что не уступит. Адмирал приказывает

кораблям сблизиться, созывает капитанов и пилотов. Готовится к тяжелому разговору.

Нотариус Родригес де Эскобедо тоже должен явиться на встречу. Он приводит себя в порядок перед зеркальцем у грот-мачты. Расчесывает бороду. Идет торжественно — и с непременным Гомером в кармане.

Появляются Пинсоны, браться Ниньо, де ла Коса, Кинтеро. А также генуэзцы и инспектор короны Санчес де Сеговия. В присутствии королевского нотариуса адмирал делает четкое заявление (и это должно быть записано черным по белому): никому не дозволено хитростью изменять курс, который здесь будет официально провозглашен и который указан их королевскими величествами. Только на запад. Только на запад близ тропика Рака.

Досада и недовольство на лицах. Зато теперь им будет труднее хитрить и прибегать к недозволенным трюкам.

Подписывается соответствующий Акт. Все свободны.

Адмирал спешит к себе в каюту. Погружается в лохань. Размышляет о силах моря.

*Элементарная амфибиология.*10 *сентября*. Речь адмирала:

Нет ничего опасней забвения. А люди забыли, что по природе своей они амфибии, забыли об этом даже моряки. Посмотрите на свои ступни, на ладони — они такие же, как у перепончатолапых, хотя теперь и лишились перепонок. А разве не похожи наши ягодицы на округлившиеся остатки исчезнувших спинных плавников? Как можно не видеть очевидного?

На море удача ждет лишь того, кто усвоит эти истины.

И пора выбросить из головы все то, что воспевается как моряцкие доблести.

Колумб приказывает совсем низко спустить прямой парус на грот-мачте, так что теперь он едва-едва тянет каравеллу над волнами. Адмирал хочет, чтобы корабли превратились в одно целое с морем, с водой. И не становились слишком сухими, словно случайные гости.

Приказывает впредь не так уж усердствовать и не конопатить те доски, которые дают течь. Пусть внизу, в трюме, стоит вода, пусть люди слышат ее плеск, как слышит его он, когда вода переливается через край лохани, а потом бежит в кают по полу.

Надо учиться у чаек уверенно держаться на воде. Или у кантабрийских рыбаков. Нельзя че-

ресчур отрываться от морской стихии. Нельзя противиться ей. Нельзя вытираться досуха. Адмирал давал наставления: не спешите вытирать мокрое тело, спите по возможности в сырой одежде. И вы забудете о простуде. Но ему не верят.

Чайка, поучает адмирал, не ждет перемены ветра. Для нее хорош любой ветер. Не меньших похвал достойны галисийские рыбаки.

Любые другие доводы, заключает он, это всего лишь французские выдумки. Хуан де ла Коса пытается что-то ему возразить, но быстро замолкает.

Колумб погружает голову в воду и лежит в своей лохани лицом вниз как мертвый. Над водой торчит лишь дряблый, бледный зад (словно у бельгийской монахини, изнасилованной солдатней и утопленной в канале).

Он старается выдержать как можно дольше. И его самого поражает новое открытие.

Оказывается, по-настоящему слившись с водой, ты сообщаешься с морем-океаном и только брошенный вызов побеждает страх.

Вот почему на кладбище надо петь, учит он. А в лесу безлунной ночью — свистеть.

Свирепо дует ветер. Нос корабля врезается в бурлящую толщу вод. Каравелла разбивает

пенные валы. Летит снежная бахрома, кружево, белая слюна дикой кобылицы, которая мчится во весь опор.

Адмирал выходит из каюты, и дерзкий ветер своевольно треплет ему волосы.

Соленые капли-гиганты. Нити жидкого серебра.

Дрожат бакштаги и фалы. Надувшаяся парусина отважно дергает бушприт. Так упрямый мул скачет под дождем и ветром, плотно прижав уши.

Мокрые фалы, сдерживая паруса, становятся будто выжатыми. Они так сильно трутся о битенги и уключины, что от них идет пар. Как от поводьев обезумевшего коня.

Слышатся протяжные стоны у оснований корабельных мачт — фока, грота и бизани, которые трудятся из последних сил. В жестоком празднестве бури они похожи скорее на хрупкие стебли.

Глухие удары волн о судно-скорлупку.

— Давай! Давай! Давай! — кричит адмирал. Он спускается на палубу. Созывает людей, которые ведут себя так, будто ничего не происходит. Отупело слоняются без дела. Лениво переругиваются. Мрачные, ворчливые. — Давай! Давай! Все разом! Подтягивай шкоты! Поднимай! Поднимай! — Он

сам хватается за леер фок-мачты.

Корабль дрожит. Молодая кобылица в ожидании жеребца. Скрипка в миг бурного *allegro*.

Теперь запел хриплым голосом еще и ветер, проникший в люки и отсеки трюма. Леера, бакштаги — как струны арфы, которая живет одной только музыкой.

Стонет, стонет ветер.

Адмирал кричит, раздает приказы. Как хотелось бы ему взять в руки хлыст, чтобы подгонять нерадивых. Будь они прокляты!

Он поднимается на бак и получает благословение от неистовых волн. Холодная пена падает ему на лицо, на грудь. Он стоит, простирая руки вперед. Чувствует, что они с кораблем — одно целое! Кричит:

— Эвое! Эвое! Эвое! Аллилуйя! Подтягивай шкоты! Еще! Давай: нижний прямой парус. Поднять марсель!

Сумасшедшая скачка по морским просторам. Восторг. Праздник. Экстаз. Слияние с пространством.

Весь промокший, Колумб возвращается в каюту и по дороге видит: люди усмехаются, перемигиваются, считают его сумасшедшим. Многие просто лежат, развалившись на мешках. Ковыряют в

зубах. Мечтают о собственном огороде либо о том, как в императорском дворце украдут большие жемчужины у местного идола.

Священное благоразумье.

Пространство и Время. 13 *сентября.* Возвращение с Земли на Небо должно произойти по той же тропе, по какой Адам отправился в постыдное, но заслуженное изгнание.

Мир, где мы живем (или нам кажется, что мы там живем), есть письмена, но читать их следует наоборот — отраженными в зеркале.

Пространство и Время — так зовут карающих ангелов, изгнавших нас из Эдема. И надо будет зорко следить за ними. Ведь только они смогут указать нам дорогу для возвращения к заветным Вратам.

(Так вот чего ты хочешь, Адам! Измерять? Соизмерять? Забыть чувство меры? Познать Добро и Зло? Упрямый измеритель! Вот оно Пространство, а вот — Время! Уймись, глупец! Они тебя раздавят! Сплющат, опустошат. Ты станешь как его жена — пусть Бог упокоит ее в своей Славе! — как Филипа Мониш де Перештрелу. Ведь она превратилась в плоскую картинку, и безбожный супруг повесил ее на стену в столовой. Адам! Ты хочешь навеки остаться запутанным в этой пута-

нице? Стать изгнанником? Ладно, только прежде взвесь и соизмерь все как следует!)

Но потом появится некто, потомок Исайи, и один поведет всех за собой! И никогда еще люди, столько людей, не будут обязаны стольким *одному* человеку! Герою!

Он избавит их от неслыханного страдания.

Христос был всего лишь демиургом. И мог сделать гораздо больше. Например, даровать спасение и телу человека тоже. Спасение на земле. В скорбях земных. Но Он указал лишь путь обращения души.

Что объясняется его небесным происхождением: тело Христа было *пре-формой,* он был девственником, рожденным от девственницы. Его плоть была безрадостной, пресной. Христос не потел. (Адмирал записывает это с величайшим благоговением. Он признает, что именно в образе Христа мог иудейский бог с наибольшим успехом распространиться по миру.)

Море остается суровым. Ветер бодрит. Погода вот-вот переменится. То и дело набегают тучи, начинает накрапывать. Матросы пробуют языком кожу на своих руках и запотевшую бронзу. Смотрят на лезвия ножей, надеясь приманить стальным блеском ангела воды.

Обед. Общее оживление. Юнги разливают вино по кувшинам.

Капитан, пилот, нотариус и инспектор короны сидят за отдельным столом. Матросы устроились кто где: у перегородки штурвала, на связке канатов. У каждого уже имеется свое излюбленное место, свое пространство. И этим они похожи на кошек.

Юнга обходит корабль с колокольчиком (будто кто-то позволил бы себе замешкаться!):

— Обед! Обед! Сеньор капитан, сеньор маэстре и вся корабельная команда! Все готово, еда стынет! Слава кастильским королям — на море и на суше!

Веселье. Взрывы хохота. Обычная обеденная суета. Шутки.

Нынче с обедом им повезло: баранина с чечевицей, рисовый суп и рыба. Жареный перец. Большие галеты.

Терпкое, но еще без горечи, вино.

Матросы жадно обгладывают кости. До последней капли вычищают хлебом подливу.

Сушеный инжир.

А потом — кому карты, кому сиеста, кому вахта.

14 *сентября. Огненная ветвь в море*. Ближе

к вечеру небо расчистилось. Потом наступила ночь — и такого звездного неба давно уже никто не видел.

Грозное кружение светил. (Люди шепчутся: многие созвездия словно соскальзывают куда-то за горизонт. Пилоты пытаются что-то объяснить, но на них шикают.)

Жуткая вспышка. Разверзлась пропасть, которую человеческие существа способны увидеть, лишь стоя на хребте темной планеты.

А на западе застыла в медленном падении чудесная огненная ветвь, летящая в море.

Люди в страхе указывают на нее друг другу. Твердят, что это взорвавшаяся звезда.

Несколько огненных шлейфов тянутся от ее центра в разные стороны. Нет никаких сомнений: так может вращаться лишь пламенный меч. Светящаяся свастика.

Господь посылает им верный знак! Адмирал пал на колени на кормовом мостике:

— Боже! Ты изгнал нас из Дома нашего и теперь указуешь путь возвращения. Слава Тебе, Господи!

Он чуть прикрывает глаза и видит в звездном пространстве ночи движение меча, спутать которое нельзя ни с чем, — прямо у носа корабля как

продолжение линии киля.

…Пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою… А над тобою воссияет Господь…
Книга пророка Исайи, 60, 1, 2

Море становится все глубже, будто что-то им пророчит. Его мерный ритм никого не обманывает, не рассеивает тревог.

Адмирал понимает, что людей пугают неизвестность и собственная беззащитность. Поэтому он каждое утро сообщает им ложные данные, сильно уменьшая доли пути, пройденные за сутки в действительности. Иначе нельзя. Лошадям следует непременно завязывать глаза, если нужно прогнать их сквозь огонь или наперерез дикому быку.

А вокруг уже не привычное *Mare Nostrum*, которому человек почти научился доверять. Теперь это — *Mare Tenebrarum* во всем своем величии.

Это живой зверь. И лишь по наивности своей человек может поверить, будто способен приручить его. Это гигант, дикий бог: он губит людей не по злобе — просто таков его обычай.

На рассвете они увидели у носа каравеллы трех косаток с их верными спутниками — акулами.

Появление акул, как известно, предвещает

беду. Матросы собираются кучками, шепчутся, рассказывают страшные истории, вспоминают морские приметы. (Где прячутся чудовища — в пучине морской или в наших душах?)

Царство демонов, которых не следует будить. Адмирал велит вести себя потише. Не кричать, громко не смеяться, не затевать ссор, забыть обо всем земном и суетном. Но его никто не слушает. И смысла этих наставлений не понимают.

Паук, скорпион или змея осознают себя злом. Морские же звери, что сохранили свои огромные размеры с древних времен, творят беды невольно, совсем как неразумные дети или, скажем, как голландцы.

Грифоны, прилетающие с неведомых островов, чтобы поживиться человечьим мясом, — это помесь орла со львом. Гигантский осьминог, столько раз увлекавший корабли в бездну, — это кальмар с восемью щупальцами. Как всем известно, он любит всплывать на поверхность в лунные ночи, однако людей пожирает, лишь когда очень голоден и когда не находит ничего лучше.

Теперь каравеллы пересекают пространственно-временную зону, куда люди если и попадали раньше, то по чистой случайности или сами того не сознавая. Адмиралу кажется вполне естествен-

ным, что на эту территорию — промежуточную между бытием и ничем, между реальностью и тайной — совершают набеги мертвецы, которые порой ведут себя весьма нагло.

У адмирала уже есть некий опыт, и он умеет их видеть. Они слоняются среди живых во всякое время суток, но только в сумерки можно разглядеть эти бледно-молочные тени.

Колумб знает: нельзя давать им поблажки, нельзя потворствовать. Стоит зазеваться, как они начинают красть у живых пространство и время и могут даже лишить рассудка. Ни в коем случае нельзя их бояться. Надо относиться к ним как к уличным псам: смело идти вперед и не показывать страха.

Они назойливы. Но это лишь опаловые призраки. Астральные протоформы, тоскующие по всему земному, только и всего.

Если подойти поближе, можно почувствовать запах затхлости, а еще от них пахнет воском, как от монахинь, принявших обет затворничества, или недосушенными до конца раковинами.

Адмирал отказывается иметь дело с мертвыми, он просто делает вид, будто их не замечает. Хотя знает: они здесь. Даже оставаясь у себя в каюте, он чувствует: они сидят на реях, болтая ногами в

воздухе, — язвительные, капризные, по большей части зловредные. На самом деле они не способны рассказать, что им было позволено увидеть. А может, они так ничего и не увидели? Просто бесстыдно паразитируют на мрачной славе смерти? И со свирепым упорством сеют вокруг черные знаки и предвестия?

Но адмирал на них не глядит. Страх сильнее любопытства. Он знает: мертвые похищают живых и никогда не отпускают обратно. Они заражают все вокруг презрением к жизни, хотя сами охвачены единственной страстью — бешеной завистью к здоровому телу и способности чувствовать.

Адмирал ходит опустив глаза. Старается поскорее заснуть, вспоминая яркие сцены из прошлого, как можно более многолюдные.

Когда ему чудится, будто мертвецы вот-вот его одолеют, вот-вот разольются вокруг своим молочным свечением, он покидает каюту, бегом спускается вниз и заводит беседу с вахтенным или рулевым.

Только в такие минуты он держится просто, искренне и любезно и даже может рассказать что-то забавное.

Потому что боится мертвых.

А люди на каравеллах чувствуют себя все более

беззащитными и упорно стараются отыскать (и конечно, находят) знаки, которые отвечают их чаяниям.

Они показывают адмиралу морские водоросли, принесенные течением, с запутавшимся в них живым раком. Рака опускают на палубу и подпихивают, заставляя ползти вперед. Дают ему хлебные крошки. Поливают морской водой. Раку поклоняются. К нему относятся как существу священному — дабы унять собственные страхи.

Они верят: желанный берег и плодородные земли уже совсем близко. И даже вроде бы видят в небе большие стаи перелетных птиц (в памятный день 18 сентября). Восторженными криками встречают старого буревестника, то ли заблудившегося, то ли отвергнутого сородичами.

На рассвете 20 сентября на каравеллу прилетели несколько лесных птичек, немного попели и еще до восхода солнца исчезли.

Нетерпение достигло такого накала, что у многих глаза блестели точно у одержимых.

Игла компаса отклонилась на четверть к северо-западу — и это был верный знак того, что они приближались к той части света, где искажаются привычные пространственно-временные законы. Компасы всегда стараются быть правдивыми,

и поэтому их иглы так подвижны.

На море поднимаются волны. Темное море, тяжелое как ртуть. Катят огромные валы, и это при полном безветрии. Что очень не нравится пилотам. Они то и дело перекликаются с марсов трех каравелл, не зная, как себя вести.

Что происходит? Ничего подобного никто из них в жизни своей не видал. Только адмирал спокоен: Господь посылает им еще один знак. Так было и в те времена, когда Моисей покинул Египет с народом еврейским: воды морские, поднявшись стеной, расступились — хоть и не было ветра.

Адмирал, прикрыв глаза, благодарит Творца. Бог не оставляет его — вот что главное.

25 *сентября. Обманные острова.* Страстное желание обычно порождает химеры. И наконец с “Пинты”, где капитаном был Мартин Алонсо Пинсон, закричали, что видят берег.

Миражи рождаются страхом. Адмирал воспользовался случаем. Он притворился, будто верит им, — и присоединился к всеобщему ликованию. Прямо на мостике он опять пал на колени и возглавил хор, затянувший *Gloria in Excelsis Deo*[84].

---

[84] Примечания: 84
“Слава в вышних Богу” *(лат).*

Люди карабкаются по снастям. Радостно машут шляпами. Все видят острова, покрытые золотым песком. “Как на Гвинее”. Видят пальмы. Называют и много других пород деревьев. Воображаемых.

Пользуясь внезапным затишьем, некоторые ныряют со снастей в воду: *Mare Tenebrarum* осталось позади!

Они обращаются с морем дерзко (будто со спящим львом). Смеются, резвятся в воде. Ни у кого не возникает и тени сомнений!

Снова обсуждаются проблемы, которые интересовали их на суше, словно настала пора вернуться к береговым заботам.

Даже самые неуемные заснули в ту ночь мирным сном. Теперь они думают не о бунте, а о посадке растений (оказавшись в море, хотят опять стать обычными земледельцами, а в поле и у ткацкого станка мечтали о море…).

Только вот на рассвете берега уже не видно. Надо плыть дальше.

Правда, разочарование не слишком велико: все уверены, что скоро появится новый архипелаг.

Теперь каравеллы попали в такие места, где ветры подчиняются иным законам.

Справедливо заметил апостол Павел: силы ветра действуют “по воле князя, господствующего

в воздухе”.

Это пугает больше всего. Начинается буря. И кажется, будто небо сейчас расколется и рухнет вниз.

Вспышки молний. Раскаты грома. Воистину, гнев Божий сияет ярче, чем его спокойствие.

Когда подступает тайфун, адмиралу чудится, будто Бог — Бог Отец — в ярости своей похож на Христофорова деда. Напившись допьяна, тот терял рассудок и швырял в дверь стулья, бутылки, посуду. И что-то вопил с пеной у рта. Пока старика не удавалось скрутить и окунуть в ров с холодной водой.

Дикие ветры нарушают привычный порядок: они несут смерчи и поднимают огромные волны.

Белопарусные кораблики, точно бумажки в бурлящем ручье, скачут во весь опор по гигантским горам.

“Гром — это рухнувшая скала”[85].

Промчаться сквозь шторм! Вперед! Скакать по волнам! Смелей! Ничего не бояться! Не пытаться спастись! Ничего не поможет!

Матросы не слушают адмирала. Хотят поскорее

---

[85] Примечания: 85

Строка из стихотворения аргентинского поэта Леопольдо Лугонеса (1874–1938) “Псалом дождя”.

спустить паруса. Поставить корабль носом к волне, чтобы проходить их поперек. Замереть. Поставить плавучие якоря. Короче, превратить эфемерное пространство трех каравелл в три устойчивых и надежных острова. Но любые старания напрасны! Море уничтожит все три одним ударом своего кулака.

Адмирал не сдается, он призывает с радостью отдаться этим гонкам по океану. Преобразить насилие в акт победительной любви!

Чтобы усмирить буйство ветров, матросы завязывают узлами все, что попадается под руку, даже крысиные хвосты.

Закрыв глаза, словно в трансе читают молитву *Ad Repellendas Tempestatis*[86].

Потом выбранные переговорщики идут к адмиралу. Не испрашивая на то позволения. Всем известно, что у адмирала есть мешочек с узелками, который купил он у шотландской гадалки. Пусть не пожалеет и бросит по горсточке на каждую из четырех сторон света.

А еще они говорят: “Фок и грот гнутся как тростник…”

Адмирал уверенно отвечает: “Дурачье, разве не

---

[86] Примечания: 86
“Для отражения штормов” *(лат.).*

знаете вы, что, когда человек считает, что стоит на краю гибели, им пройдена лишь половина пути…”

Однако они настаивают, просят его призвать на помощь Тату Панчо[87] и надеть облачение монаха-францисканца. Таковы морские традиции.

Пилоты отказываются вести флотилию в центр урагана, туда, где куются громы и молнии, в кузню, пылающую над горизонтом.

Это вулкан, повернутый жерлом вниз.

Пилоты изо всех сил стараются уйти подальше, их гонит обычный животный страх.

Адмирал кричит рулевому:

— Надо идти только туда! Туда, где спят демоны! В самое их логово! Только там можно найти спасение! В самом сердце этого града Зла. В центре, откуда одна за другой вылетают дьявольские стаи!..

И когда они достигают ядра урагана, там и вправду царят тишина и покой. Видно, как вокруг носятся черные тучи, груженные холодом и огнем, как гоняются они друг за другом подобно эриниям.

Адмирал с трудом поднимается на марс, бросая

---

[87] Примечания: 87

Тата Панчо — так в народе называли святого Франциска Ассизского.

вызов штурму, и оттуда швыряет на ветер пригоршни бумажных клочков, чтобы понаблюдать за их винтовым кружением. Что-то кричит стоящему внизу у подножия грот-мачты Хуану де ла Коса, но шторм стирает и уносит его слова.

Теперь Колумб знает: ветер завивается по спирали — как звезды в бесконечном пространстве, как воды, когда их всасывает страшная бездна Мальстрёма.

Дух адмирала крепнет и обретает истинное величие в этих ужасных испытаниях, в этих новых пространствах, где нельзя рассчитывать на чью-то защиту.

Но у него есть огромное преимущество перед обычными людьми: он считает человека изначально беззащитным, лишенным высшей поддержки. И не просит пощады у бури, не просит море опять стать похожим на спокойную равнинную реку.

Он уверен: конца испытаниям не будет, или, если одолеть одно, за ним тотчас последует другое, еще хуже первого. И поэтому адмирал проявляет стойкость, когда другие страдают и ропщут.

Его спутники — те, что Колумба презирают, — совсем сникают, уподобляясь и ростом, и цветом собственным страхам.

Адмиралу его одиночество добавляет величия. И теперь, когда они приближаются к тому, что лишь он один способен предугадать, Колумб много часов проводит на капитанском мостике. И потом, когда небо прояснятся и только молнии все еще падают с неба, он переходит на ют и ждет появления огней святого Эльма.

Как и у многих гениев, лицо адмирала излучает мерцающий свет (но скорее из-за того, что в кожу его прочно впитались соль и планктон).

Эти ферменты, попав на лоб и щеки, окисляются — и порождают сверкающие отблески, хорошо видные в темноте (такой прерывистый свет посылают маяки, которые англичане ставили у входа в свои гавани, чтобы указывать путь судам, когда те возвращались после грабежей и пиратских набегов).

Хулители и враги адмирала утверждают, что светится он благодаря люциферинам, которые вырабатывают в его организме люциферазы.

Простые матросы не любят адмирала, но уважают. И с опаской следят за каждым его шагом из-за переборок и мачт.

Порой им чудится, будто перед ними не человек, а жутких размеров светляк.

27 *сентября. Происходят странные вещи.*

Сапожник Перес явился к адмиралу вместе с инспектором короны Санчесом де Сеговией.

А дело было вот в чем. Поздней ночью, пока Перес справлял нужду в гальюне у левого борта, он увидел непонятные огни. Несколько горизонтальных светящихся линий, расположенных одна над другой и движущихся. По его словам, то был огромный корабль, такой же высокий, как собор в Севилье. А его освещенная мачта была подобна севильской Хиральде во время процессии в честь Пресвятой Девы Морской.

Перес умеет читать (он мечтатель и мистик, как и подобает сапожнику) и утверждает, что сумел разобрать на корме этого чудовища, которое прошло мимо них, разбрасывая горящую всеми цветами пену, слова *Queen Victoria*.

Санчес де Сеговия верит ему, потому и привел к адмиралу. Он сообщает, что тоже успел заметить странные вещи. Ему кажется, будто они здесь не одни. Инспектор даже посмел намекнуть, что лучше им было бы поскорее вернуться в Испанию.

Колумб ничего не отвечает на подобную дерзость.

А еще инспектор уверен, что на каравеллах зреет недовольство и ходят опасные слухи.

— Говорить с ними — все равно что воду носить решетом. Это змеиное гнездо.

Кроме того, многие, судя по всему, уже начали замечать мертвецов. Кое-кто не хочет справлять нужду за борт, где подстерегают их демоны-насмешники. (Тут инспектор спешит рассказать пару грубых анекдотов.)

Самые приметливые поняли, что сутки теперь делятся не на 24, а на 32 или даже на 33 часа, при этом каждая миля, пройденная каравеллами в этих жутких местах, на деле равна четырем лигам.

Люди точат ножи. Устраивают тайные сходки. И, по словам инспектора, называют адмирала дьяволом. Самые смелые даже предлагают сжечь его у грот-мачты, вымазав в смоле.

Все эти сведения похожи на правду. Люди, боясь больших перемен, видят спасение в возвращении обратно и становятся агрессивными.

Адмирал велит инспектору провести самое тщательное официальное расследование. И пусть непременно напишет подробный отчет. А Переса де Кадиса, мистика и сапожника, награждает словно благородного коня куском сахара, который сам же подносит ему ко рту.

В действительности это плавание продлится

десять лет, как и отплытие.

Адмирал очень скоро понял, что цели своей сможет добиться лишь одним способом — немедленно взломав установившийся пространственно-временной порядок, в результате чего и весь образ мира претерпит серьезные изменения.

То было новое дело, и по ходу его им придется столкнуться с новыми обстоятельствами.

Нос “Санта Марии” вспорол линию пространственно-исторического горизонта. Будто сделал прореху в одном из тех мешков с подарками-призами, которые разыгрываются на лотереях во время праздника *Ferragosto*[88]. Или пробил дыру в ящике Пандоры, заполненном историей.

В пространственно-временной завесе образовалась щель, и сквозь нее начали просачиваться люди, корабли, события человеческой жизни. Адмирал был фантазером, воспринимал все это как должное и не забивал себе голову поисками объяснений, которых та эпоха с ее скудными возможностями дать и не могла.

Поэтому Колумбу ничего не стоило спокойно перейти с мостика “Санта Марии” на мостик “Ма-

---

[88] Примечания: 88

Феррагосто (итал.) — праздник Вознесения Богородицы, который итальянцы отмечают 15 августа. В его обрядах слились элементы христианства и язычества.

рии Галанте” (она снимется с якоря лишь в 1493 году и пойдет во главе флотилии из пятнадцати больших и нескольких более скромных парусных судов). Или на мостик “Вакеньоса”, а потом на мостик “Бискайки”, которая вышла в море лишь в 1502-м.

Теперь его задача несказанно усложнилась. Однако свойственные ему от природы скептицизм и спокойное отношение ко всему загадочному и неожиданному спасли его от мучительных потрясений и поиска объяснений.

Так, в субботу 6 октября он имел возможность следить за движением трех каравелл (все они приближались к великому дню 12 октября 1492 года) с мостика “Марии Галанте” через подзорную трубу, подаренную ему после триумфального возвращения в Барселону оптиком из Фландрии Цейсом, который пытался распространить при дворе свои изделия и требовал эксклюзивный патент на изобретение.

Так вот, на мостике “Санта Марии” стоял он сам! И старался сквозь туман будущего разглядеть очертания “Марии Галанте”!

Матросы облепили мачты и реи. Им очень хочется что-то увидеть меж клочьями тумана. Они говорят, что откуда-то доносится ржание и

громкий, отчетливый рев быка. А на рассвете — пение петуха.

Но на борту трех каравелл нет ни быков, ни лошадей, ни петухов — а есть только люди да пронырливые крысы.

Матросы шепчутся о демонах и о гиппокампусе — мифическом морском коне с рыбьим хвостом.

На самом деле бык имелся на борту “Колины”, и за ним присматривал Жоан Вельмонт, готовя его к торжествам по случаю годовщины 12 октября. Зверь вырвался из непрочного загона и носился по палубе — к ужасу и радости (чисто испанское сочетание) матросов. Ну чем не праздник Сан-Фермин![89] “Оле! Оле!” — кричали зрители при каждой неудачной попытке Жоана Вельмонта загнать быка в трюм. А лошади ржали, так как испытывали ужас перед морем с его безднами.

От шума и криков всполошились на снастях голуби, воробьи, куропатки, которых везут с собой для развода.

Бык яростно ревет. Он учуял запах молочных коров, долетающий с борта “Галисийки”. Негодуют земледельцы: рогач потоптал грядки с

---

[89] Примечания: 89

Фестиваль *Сан-Фермин* — ежегодная фиеста в Памплоне (Наварра), праздник знаменит бегом смельчаков от разъяренных быков по улицам города.

полезными растениями, превратившими корабль в плавучий огород.

Наконец тореро, стоя у входа в трюм, отважно манит к себе быка. И когда зверь кидается на него, ловко отклоняется в сторону, так что бык летит в темноту. Бурное ликование публики. Аплодисменты. Героя несут на плечах.

Вельмонта приглашают отобедать вместе с пилотами и капитаном.

Да, теперь уже многие, а не только Перес де Кадис, утверждают, будто видели ярко освещенные корабли.

Внимательно изучил их и Колумб. Огромные корабли не имеют парусов и перевозят большое количество людей и самых разных грузов. Попадаются суда с высокими металлическими трубами, оставляющие за собой на удивление ровный дымный шлейф, который совсем не похож на дым от пожара.

С одного из таких кораблей, *Rex*, донеслась до них веселая музыка. Вечерело, и было отлично видно, как на палубе рядом с чем-то вроде пруда, окруженного пестрыми зонтами, стоят молодые люди в белых полотняных пиджаках и соломенных шляпах. А головы женщин украшали изящные, украшенные цветами и лентами капе-

лины. Все держат в руках бокалы с соломинками и кружками лимона. Синкопированная музыка. (Откуда было адмиралу знать, что это сам Эрнесто Лекуона[90] исполняет свою знаменитую румбу “Торговец жареным арахисом”?) Адмирал смотрит на них завороженно, совсем как бедный крестьянин на чужой праздник, и слегка завидует вольной и беспечной жизни удачливой буржуазии первых десятилетий одного из грядущих веков.

И снова на помощь ему приходит здоровый инстинкт, не давая слишком углубляться в размышления об увиденном. Поэтому на головокружительные футуристические миражи смотрит Колумб взглядом мула, забредшего высоко в горы.

Как он знает, если отнестись к этому иначе, можно навсегда лишиться рассудка. А Колумб — человек мудрый.

Тревогу ему внушает лишь то, что слишком уж часто падают сюда из будущего эти корабли. И нагло, без должного почтения крутятся вокруг “Санта Марии”: то маячат чуть впереди, то вырастают прямо за кормой.

---

[90] Примечания: 90

Эрнесто Лекуона-и-Кесадо (1895–1963) — кубинский композитор и пианист.

А еще адмирал успел убедиться, что загадочные корабли никогда не пересекают воображаемой прямой линии, если протянуть такую вперед от носа “Санта Марии”. Будто находятся в строгой зависимости от положения усталого деревянного носа каравеллы, взрезающего завесу времен. Так что при безветрии, а также когда “Санта Мария” сбивается с привычного курса либо замедляет ход, пришельцы из будущего мечутся, словно потеряв ориентиры.

Вот, например, корабль под названием *Mayflower*. На нем грозные пуритане следуют курсом на Винланд, но сейчас он описывает круги рядом с “Санта Марией”, словно у него сломан штурвал или ведет его слепой на один глаз рулевой. Судно все время загребает влево, как осел у водокачки.

Нечто похожее случилось и с кораблями английских пиратов Гуатерраля (Уолтера Рэли) и Кэнделина Хокинса, любовников королевы-девственницы Елизаветы Первой.

На север, к Новому Городу, а также к Плате идут мрачные суда, груженные эмигрантами — сицилийцами, генуэзцами, эстремадурцами, ирландцами.

Они будут работать, плодить детей, смешивая

свою кровь с чужой, — но в первую очередь бороться за выживание.

По ночному морю несется песнь евреев ашкенази. Затем *canzonetta* неаполитанца, который соблазнит дочь венгерского раввина. От их любви родится нью-йоркский промышленник. А турчанка из Анкары родит сына от степенного эстремадурца, мечтавшего, чтобы его отпрыск стал нотариусом, хозяином фермы либо кофейной плантации.

Ветерок доносит слова, понять которые адмиралу не дано: фокстрот, Анды, отель для эмигрантов, Ла-Плата, милонга, “Есть на Западе золото, Джим!”.

Однажды ночью появился большой парусник голландских христиан, торговавших неграми. Сейчас он везет свой груз (оформленный по всем правилам закона) туда, где дадут за него лучшую цену — на Эспаньолу и в Портобело.

Вонь, *catinga*[91], так сильна, что киты решили покинуть район между линией экватора и 35-м градусом северной широты.

Но несмотря ни на что, из корабля смерти слышится несокрушимое монотонное пение, громкое

---

[91] Примечания: 91
Зловоние *(португ.).*

и ритмичное…

А виной этому был человеколюбивый совет падре Лас Касаса: “Раз негры всегда были рабами, а души у них почти и вовсе нет, почему бы не ввозить их сюда из Африки и тем самым уберечь от жалкой участи индейцев?”

9 *и* 10 *сентября*. “Всю ночь было слышно, как над нами пролетают птицы”. Непроглядный мрак. Хлопанье крыльев, наверняка то были перелетные птицы.

Каравеллы идут прежним курсом. И это хорошо. Ближе к вечеру на корабле побывали селезень и пеликан.

Вероятно, только это и спасло адмирала от гнева матросов, совсем потерявших голову из-за разных видений и призраков. Заговорщики не могли прийти к согласию, однако большинство все же посчитало, что земля уже совсем близко, поэтому стоит подождать еще несколько дней и бунта не поднимать.

Королевский инспектор принес адмиралу свой доклад, скрепленный, как и положено, печатью нотариуса. Волнения на борту наполовину объяснялись заговором, а наполовину — причинами таинственными.

Чиновник, превыше всего ценивший порядок,

был обескуражен. Словно вдруг обнаружил, что земля у него под ногами зашаталась. И что утрачено всякое уважение к порядку, установленному в метрополии.

Итак, неожиданно выяснилось: все вокруг опутано паутиной заговора. И сам Пинсон закричал адмиралу с “Пинты”, подойдя к их борту почти вплотную:

— Ваша милость, вышвырните поскорей хотя бы полдюжины бунтовщиков в море! А если ваша милость не может на это решиться, мы с братьями сами их перебьем!

Пинсон был простодушен, как все иберийцы. Адмирал же отвечал ему с обычной своей уклончивостью:

— Успокойтесь, Мартин Алонсо. Не будем ссориться с этими сеньорами. Если через несколько дней мы не увидим землю, попробуем сменить курс…

Но есть сведения и об иных заговорах, куда более опасных. Инспектор принес адмиралу список имен. Это целая подрывная сеть, и нити ее тянутся во всех направлениях. Он поясняет:

— Не будьте так доверчивы, ваша милость. Они имеют своих людей при дворе. И, отправляясь в плавание, не собирались исполнять ни волю

Господа, ни волю наших королей. Их цель — подорвать саму систему. Вы думаете, их волнуют интересы Испании? Нет же! Это бегство от цивилизации, от христианства! Бегство из Испании и Европы. Они — противники наших порядков…

Он читает имена:

— Комендадор Бобадилья, Маргарит, священник Буиль, Гевара и Рикельме. А вот, скажем, Алонсо де Охеда даже готовит особую экспедицию, мало того — везет с собой агента флорентийского торгового дома Берарди по имени Америго Веспуччи, родственника той самой Красавицы[92]… Братья Поррасы, Франсиско Рольдан, аптекарь Берналь, Фонсека…

Эти — с одной стороны. На первый взгляд они кажутся безопасными. Но бунтарство у них в крови. А вот с другой стороны — чужаки вроде ландскнехтов. Язык их понять невозможно, и потому трудно судить о том, что они замышляют.

Есть тут и еще один тип, и весьма опасный, — Мордехай. Он прячется в трюме то на “Вакеньосе”, то на “Коррео”. Сидит в темноте среди крысиных гнезд. Говорит людям, что все равны, что надо объединяться и что собственность есть воров-

---

[92] Примечания: 92

Имеется в виду Симонетта Веспуччи, жена родственника Америго.

ство! Видно, начитался святого Фомы или того несчастного из Ассизи! А еще твердит, будто религия — опиум для народа! Можете себе такое представить, адмирал?

— Мордехай?

Инспектор:

— Мы везем с собой заразу. Кое-кто из его сторонников уже пытался подпилить ахтерштевень на “Вакеньосе”. Там были обнаружены опилки. К счастью, мои агенты подоспели вовремя. Корабль с подпиленным ахтерштевнем быстро развалится и погибнет, как цветок на ветру.

Есть еще семья андалусских цыган, дети некоего Хехеля, они прячутся в самых темных углах и выходят лишь для того, чтобы пошептаться со всяким отребьем — с недовольными, больными… Сулят им рай…

— Рай? — в тревоге переспросил адмирал.

На что Санчес де Сеговия ответил:

— Ну… в фигуральном, разумеется, смысле. Говорят, что люди должны иметь свой рай на земле и что они могут указать им путь туда…

Адмирал пришел в ярость:

— Привести ко мне Мордехая и всех остальных! Отыскать в трюмах! Удвоить охрану! Пытать! Отправить за борт!

Тихая тропическая ночь приходит на смену адской дневной жаре, когда нещадно палит солнце, а мертвые паруса струятся по мачтам-свечкам, словно расплавленный воск.

От зноя даже изделия из кожи совсем размякли и едва не начали плавиться. Только галисийские крестьяне не скидывают одежду и не покидают кубрика. А остальные люди, как и животные, в отчаянии рвутся на воздух. Но там их встречает раскаленное солнце и жгучий ветер. Одуревшие куры пытаются сделать несколько шагов по палубе — и валятся замертво с открытыми глазами, словно сраженные молнией.

Земледельцы сокрушенно смотрят на поникшую рассаду на своих огородиках и смачивают — безумцы! — пожухлые листья морской водой. А это все равно что прикладывать соль к устам страдающего от лихорадки. Нежные листья тотчас сворачиваются, покрываясь слоем селитры.

Плавятся и начинают гнуться железные гвозди, стамески и якорные клюзы… И можно обжечь руку о бомбарды, как если бы из них только что стреляли по невидимому врагу.

В записи под датой 13 июля адмирал сообщает: “Каравеллы вот-вот запылают, полопались бочки с водой и вином, пшеница стала горячей

как огонь. Сало и вяленое мясо изжарились. Все пропало".

Обезумел молодой жеребец — его пришлось отправить за борт. И в помешательстве своем — вопреки закону природы — поплыл он к югу, к линии экватора, что доказывало полное его одурение, поскольку инстинкт всегда должен гнать животных вперед или назад, но непременно по курсу корабля. (А может, на юге он почуял близкую землю?)

И какое-то время они еще различали рыжую гриву в недвижном море, хотя очень скоро пропала из виду и она.

Однако адмирал считает невыносимую жару добрым знаком. Так и должно быть в той точке космического начала, которой они достигли. Ведь жар исходит от пламенных мечей в руках ангелов, охраняющих Врата.

Только к полуночи зной понемногу начинает спадать. Воздух сравнивается температурой с водой, над палубой задувает легкий, как бег лани, ветерок.

Но он не сулит покоя. Так подкрадывается зловещая *тракончана*.

— Идет тракончана! — кричит вахтенный с марса.

Это ветер плотный, влажный, похожий на сирокко, который окутывает юных венецианцев в первую ночь любви.

Этот ветер будит самые сокровенные инстинкты и желания. “Он приносит запах женщины”, как говорят в Неаполе.

И Колумб знает, что тракончана самым ужасным образом скажется на иберах, вечно озабоченных сексом. Светит полная луна, поэтому сразу вспоминается поговорка каталонских моряков:

Полная луна – идет тракончана,
Пока сладок грех – каяться рано.

Это ветер пряный и соленый одновременно. Словно пропитанный потом. Он покрывает лицо чем-то вроде млечной росы. И в трюмы, где валяются полуголые матросы, врывается, как одержимая бесом монашка, прикрывшая наготу лишь прозрачной вуалью.

Похоть у моряков-иберов — все равно как у кобелей, запертых в клетку и почуявших где-то рядом течную суку. Похоть дает о себе знать нежданно-негаданно — и обычно выплескивается в самых непотребных формах: изнасилованиях, грязных выходках, содомском грехе… Словом — хотя и тяжело в этом признаваться, — но именно такой

часто бывает сексуальность по-католически.

Уж кто-кто, а адмирал знает: многие только ради того рискнули пуститься в плавание через океан, чтобы добыть себе женщин, чтобы “потешить собачку” (или “начистить саблю”, или “увидеть лик Божий”), как называют они это на морском жаргоне.

Тихая ночь. Слабый ветер. Сейчас каравеллы не смогли бы обогнать даже пловца. И в самом деле кое-кто из матросов раздевается догола (случай сам по себе редкий, почти никогда не расстаются они со своими пропотевшими штанами и рубахой из каталонской байки) и ныряет в воду. Плавают, плескаются, а самые смелые даже подныривают под киль. Возвращаясь, карабкаются наверх по толстому канату, переброшенному на корму, обхватив его ногами. Именно таким манером гвинейские негры забираются на гибкую пальму.

Надутые паруса под яркой луной. Большие опаловые груди. Теперь три каравеллы похожи на трех португальских кормилиц, шествующих на рынок.

Вот кто-то вскарабкался по снастям на марс и оттуда прыгнул в провес паруса, чтобы скатиться к его нижнему краю словно по детской горке, а

потом с хохотом опрокинуться на палубу. За ним последовали другие. Снова и снова карабкались они вверх по штормтрапам — и снова прыгали, от души забавляясь.

Большие груди парусов наполнены ветром. Это идеал даосизма — триумф “недеяния”, которое управляет путями вещей и порывами, добиваясь их слияния с мировым порядком. Паруса — средоточие женской силы для кораблей. Гигантские самки-родительницы. Неприступные и невозмутимые матери-покровительницы.

Словно бы случайно старые морские волки сходятся у борта, у планширей, там, где находится гальюн (так называемый “садик”), и смотрят, как справляют нужду юнги. Здесь же ведутся беседы, назначаются встречи.

Адмирал понимает: они попали под неотвратимую власть Афродиты, богини любви, рожденной морем. Стоит только напрячь слух, как сразу различишь ритмичное пение сирен. Три из них — с алебастровыми грудями, бледно светящимися под полной луной, проплывают недалеко от кормы, резвясь и играя, как дельфины. Адмирал велит гнать их подальше. Об этом его предупреждала еще Бобадилья: нельзя слушать голоса божественных сирен, надо стороной обходить те

места, где они так сладко поют. Адмиралу известно: Афродита сейчас смотрит на них и наполняет сердца сладкими муками.

Инспектор, известный ханжа, просит поскорее принять меры и положить конец всем этим бесчинствам. На “Коррео” жалобно мычат коровы, кое-кто спаривается уже и с ними.

А тридцать проституток, которых адмирал согласился взять на борт в Севилье, теперь, вопреки строгому запрету, занимаются своим ремеслом прямо на палубе, под мачтами.

Потянулись наверх *нежелательные*, те, кто доселе прятался в трюмах. Они и сейчас скрывают свои лица и порой выходят в совсем непристойных обличьях. Откуда-то появляются бабьи парики, панталоны с оборками и даже юбки, какие носят цыганки-плясуньи.

Среди тех, кто толчется вблизи примитивного судового *pissotière*, замечен и философ Жан-Лу Васслен, автор *Traité de Modération*[93].

Глубокой ночью еще богаче становится рынок любви. В своем вечном, первозданном варианте: услуга за услугу, ты — мне, я — тебе.

А меж тем в складках паруса продолжается

---

[93] Примечания: 93
“Трактат о воздержанности” *(франц.).*

потеха. Словно неведомая сила под гипнозом втягивает в игру все новых и новых участников.

Адмирал не поддается на уговоры Санчеса де Сеговии и нотариуса и отказывается от карательных мер. Старается не обращать внимания на слишком громкое негодование падре Буиля (Скварчалуппи и другие молодые священники сбежали из сооруженного Буилем на корме “Колины” походного монастыря и смешались с толпой матросов. Буиль утверждает, что узнать их легко: прямо на голое тело, точно халаты, надели они свои ризы — слава Господу, что еще не освященные).

Непроглядная тьма. И повсюду раздаются шепот, вздохи, смех.

Вдоль борта слоняется один из *нежелательных*, плотно закутавшись в пальто и распространяя запах аптеки. Он что-то внушает палубному матросу Пересу, беззубому арагонцу в драной фуфайке и с ножом на груди. Но тот не понимает ни слова из изысканных рассказов француза про “тетю Леони” и колокольню крошечной церковки *Saint-Marcel-ès-Deux-Braguettes*.

А меж тем запретная и презираемая любовь вынуждена искать для себя самые причудливые и необычные места и способы проявления.

Некоторым фигурам и позам позавидовали бы цирковые акробаты.

Вот у фок-мачты “Санта Марии” пляшет отчаянная мадридская красотка. Где пряталась она до сих пор? И в каком обличье? Может, это нотариус Родригес де Эскобедо?

Тракончана всюду отыщет женщину, самку… Каплями пота может просочиться нечто женское и сквозь кожу мужчин. Тогда они могут вдруг предстать в облике собственной сестры, или сестры милосердия, или проститутки, или перезревшей монахини, или любезной и заботливой тетушки.

С кормового мостика разглядел адмирал квакеров и пуритан на палубе *Mayflower*. Туда тоже проникла тракончана. Лихорадочно блестят в ночной темноте их глаза. С мрачным упорством пытаются они не замечать жестоких шуток похотливой природы. Из глубин многопуговичных штанов грозной пантерой рычит плоть лютеранских пасторов.

Сии досадные жизненные обстоятельства, сей *rigor vitae* не пощадили и падре Лас Касаса, который теперь рыдает, пав на колени у гика “Марии Галанте”, и слышит вокруг издевательский смех вахтенных матросов.

Зато инспектор вместе с четырьмя верными стражниками, вооруженными алебардами, не терял времени даром. А вдруг хотя бы в ночь тракончаны удастся схватить Мордехая и его сообщников?

Но бунтовщики еще раз проявили революционную стойкость и твердость духа. Они не вышли на палубу, не присоединились к празднику похоти.

Только перед рассветом на стеньге "Колины" замаячила мессианская фигура бородатого Мордехая, одетого все в то же залитое супом пальто. Он подавал световые сигналы — наверняка секретным шифром — двум английским парусникам, на которых в Южное полушарие направлялись заговорщики (то были шхуны "Джордж Каннинг" и "Эйвон" с профилем Боливара).

Но схватить его не удалось: Мордехай, повсюду имевший сторонников — среди матросов, солдат, *нежелательных* и шлюх, — успел улизнуть в трюм. А затем перебрался на борт "Горды", где орудовала целая банда копиистов, множивших зловредные подрывные листовки.

Врата, открывающие путь к незримому, сами должны быть зримы. Это адмирал знал твердо.

В каюте он еще раз изучил секретную карту — итог многолетних поисков, чтения чужих писем

и внезапных озарений. (Кто угодно мог извлечь такие знания из священных или языческих текстов, но только он один, избранный, потомок Исайи, получил ключ к их тайному смыслу…)

Повернуть на четверть к югу, придерживаться линии между тропиком и экватором. Нет сомнений, именно здесь прошел аббат Брендан в 565 году, здесь удалось ему *переступить заветный порог*.

Адмирал уверен: несмотря на долгие блуждания, несмотря на безветрие, они все-таки приближаются к Началу.

Неужели Господь теперь оставит его, уже послав столько надежных знамений! Неведомые фрукты, звонкоголосые птицы, невиданная жара, а главное — дивный аромат, долетающий к ним вместе с ночным ветром (подобный аромату гордого жасмина или сорванного украдкой цветка апельсинового дерева). Эти знаки гнали адмирала вперед. Эти знаки были ему наградой за неустрашимость и дерзость, поскольку он сумел — убоявшись Дьявола — одолеть волшебные чары Бобадильи, побороть соблазн стать хозяином тех дышащих серой земель. (Кто не знает, что адская пасть находится неподалеку от врат спасения? Это было известно Данте, но

все-таки он совершил большую ошибку, с такой уверенностью назвав острова Блаженных, Канары, земным Раем. До чего бывают легковесны поэты в своих суждениях!)

Долгими часами, забыв обо всем, стоит адмирал на мостике. Не покидает его даже с приближением ночи. Велит посылать на марс юнг с самым острым зрением. (Хотя в душе он уверен, что только ему будет дарована честь первым увидеть желанную цель.)

При неровном свете лампы перечитывает он свои записи:

> Там, за Океаном, что окружает с четырех краев внутренний Континент, территории, где воздвиг Моисей скинию, есть другая земля, в коей находится Рай, где люди обитали до Потопа.

Косма Индикоплов. Христианская топография

Есть о том и иные свидетельства:

> *Я вправо, к остью, поднял взгляд очей,*
> *И он пленился четырьмя звездами,*

Чей отсвет первых озарял людей[94].

Но почему ни Исаак, ни Иаков ни словом не обмолвились о том, как побывали в Раю, и не описали его? Что за тайна запечатала им уста?

> Изгоняя Адама из Рая, Бог позволил ему взять с собой шафран, туберозу, сладкую кукурузу, корицу и много семян фруктовых деревьев.
>
> Есть в Раю семь врат золотых и семьдесят престолов из золота и алмазов для избранных Господом. Третий дом в Раю сделан целиком из золота и серебра.

(Иошуа бен-Леви сумел проникнуть в Рай с помощью известной бесчестной уловки. Его свидетельство, заверенное раввином из Генуи, стало решающим доводом для Банка Сан-Джорджо и финансиста Сантанхеля. Они пошли на риск и дали ссуды на экспедицию.)

---

[94] Примечания: 94

Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песнь 1. Перевод М. Лозинского.

Там, за Тропиком Козерога, есть обитаемая земля – самая высокая и благородная часть мира. То Рай земной.

Аббат д'Айи. Imago Mundi

Но адмирал не ищет ни злата, ни алмазов, ни жемчугов. (Не станет он разграблять Райские врата, словно брошенный кем-то домишко в окрестностях Генуи.)

Его устремления высоки, грандиозны, невыразимы. Он вернется назад лишь после того, как одержит победу над смертью! Он швырнет вечность к подножию трона королевы Изабеллы! Он сбросит груз смертной тоски с плеч задыхающегося Запада (точно так же станут перекидывать лопатами тонны грязного угля с его каравелл на берег наглые шлюхи, убийцы и завистливые земледельцы).

(Он напишет в Банк Сан-Джорджо в Геную: “Ни одному смертному со времен царя Давида не была ниспослана милость, подобная той, что была дарована мне”.)

Они уже близки к цели. Пришла пора посвятить в Тайну и кое-кого из спутников. Адмирал призвал судового раввина Луиса де Торреса (до сего момента он числился толмачом), сапожника-

мистика Алонсо Переса де Кадиса и инспектора короны.

Вот что сказал им Колумб:

— Кабальеросы, хотя вы и не равны меж собой по рождению, я собрал вас как равных, поскольку должен сообщить вам нечто чрезвычайно важное. Вот-вот достигнем мы земли. Какой именно земли? Разумеется, Индии, Востока, может, Сипанго либо Офира. Но… Как знать! Возможно, речь пойдет о чем-то куда более существенном. И по-настоящему Великом… Я не удивлюсь, если проникнем мы в те недоступные смертным места, где побывал когда-то аббат Брендан… Однако думать нам следует вовсе не о географии, не о легкой наживе, не о земных благах… Хочу положиться на вас и на вашу преданность, но и упредить: готовьтесь к встрече с Великим… Правда, не каждому человеку дано выдержать такое испытание…

На самом деле смысл сказанного адмиралом понял один лишь тайный раввин Луис де Торрес. Он пал на колени и благочестиво запричитал:

– *Eretz Israel!* Прав был Иаков: мир сей лишь преддверие мира грядущего. И должно нам приготовиться в передней, дабы войти в главную залу (так учит Талмуд!). — И он зарыдал, то и дело

высмаркиваясь.

12 *октября* 1492 *года. Гуанахани.* Весь вечер провел адмирал на баке. Наконец, но уже ближе к полуночи, появился в небе знак в виде пылающего меча (очень далекий знак, едва различимый — должно быть, подавал его нерадивый ангел, тысячи лет проскучавший на этом посту). “Словно свеча, которой провели сверху вниз”, — записал Колумб у себя в Дневнике.

Слабый ветер дует в корму. Адмирал указывает рулевым какую-то точку на горизонте, но они, по их словам, ничего не видят. И только бывший придворный лакей Гутьеррес подтверждает: да, там действительно вроде бы что-то появилось.

Итак, флотилия приближается к цели. Адмирал, сознавая близость великого события, уходит в каюту и погружается в размышления.

Он чувствует страх. Боится разочарования. Это страх перед реальностью. Опять реальность? А вдруг реальность покажет, что они оказались на Сипанго, или в Катае, или в Офире со всем тамошним золотом?

Но вот уже раздается с марса “Пинты” крик Родриго де Трианы. Два часа пополуночи. Рассвет в тропиках: заря сеет вокруг своими пурпурными перстами зерна самых восхитительных

оттенков.

— Земля по носу! По носу, адмирал! — размахивает рубашкой Родриго. Голос андалусца катится по спокойному морю и разбивается о борт “Санта Марии”.

Люди карабкаются по снастям. Выскакивают из трюмов. Вопят. Смеются. Молятся. Поют *Salve Regina*[95]. Бреются, словно готовясь к воскресной корриде.

Адмирал не участвует в их глупом ликовании. Он прячется в каюте. Да, берег уже отчетливо виден, но, как он успел убедиться, там нет высокой горы. Не было и бешеной волны, которая донесла бы каравеллы до самого сердца Рая.

Наверняка это лишь сияющие окраины Эдема. Те самые земли, где побывал аббат Брендан.

Значит, их ждут новые тяжкие испытания — и на море, и при дворе. Значит, не даровано ему еще право с окраин перейти в *omphalos* Эдема. Значит, опять будет смотреть адмирал, как влачат люди свое жалкое существование, как без конца повторяется одно и то же: горести, крушения надежд, скука, смерть…

Ну что ж… Значит, снова придется бороздить

---

[95] Примечания: 95

“Радуйся, Царица [небесная]” *(лат.).*

морские просторы, упорно отыскивая нужный курс — пока не будет найдено Начало Начал.

Но нельзя говорить о том вслух. Адмирал молчит. И записывает в свой Дневник знаменитые строки:

Пятница, 12 *октября*. В пятницу достигли одного островка из [группы] Лукайских, который на языке индейцев назывался Гуанахани… Тут же увидели они нагих людей, и адмирал съехал на берег в лодке, а с ним были Мартин Алонсо Пинсон, Висенте Яньес Пинсон, Родриго Санчес де Сеговия и нотариус Родригес де Эскобедо, чтобы они под присягой засвидетельствовали, что он [адмирал] первый вступил, как оно воистину и было, во владение этим островом от имени короля и королевы, его государей, свершив при этом все формальности, какие требовались; более подробно это отмечено в актах, которые здесь же были составлены в письменном виде. А чтобы поддержать дружбу с нагими островитянами, я дал им несколько алых колпаков и стеклянные четки, какие вешают на шею, и много других пустячных предметов, и все это доставило им большое удовольствие…

4 *августа* 1498 *года. Omphalos*. Как ни странно,

но в жизни адмирала, в подлинной его жизни, за 12 октября 1492 года сразу следовал день 4 августа 1498 года.

Бесконечная череда немилосердно жарких дней. Пустынное море. Еще немного — и вода закипит. Влажные росные ночи.

Пылающие зноем тропики. Воздух Америки — дыхание горячечного пса.

Вдали полуостров Пария. Ровная золотая лента. Пенная кромка безмятежного моря.

Голова адмирала едва заметно светится на фоне ночного неба — это фосфоресцируют впитавшиеся в его кожу морские песчинки и соль. Из-за чего голова кажется очень большой и напоминает погребальные хрустальные маски, которые в этих таинственных землях кладут на лица умершим вождям.

Утреннее солнце его слепит. К тому же глаза, утомленные бесконечными поисками Входа и Богоявления, почти перестали видеть. Защищаясь от ярких лучей, он опускает покрасневшие веки — два сморщенных, высохших кусочка кожи.

Ветра в эти дни почти нет. Нос флагманского корабля взрезает прозрачную спокойную воду. Белой полосой тянется берег. Зеленой полосой — пальмы. Пушистая бахрома пены.

Вот уже тридцать три дня, как адмирал не спит. И почти не ест. Днем бродит по кораблю под палящим и слепящим солнцем, что-то бормочет. Порой начинает бредить, кричит. Реальных людей не отличает от призраков.

За минувшие годы люди потеряли к нему уважение. Над ним потешаются. Показывают непристойные жесты, когда он поворачивается спиной. Ему желают смерти, но и боятся ее (как обычно относятся к любому тирану). С палубы “Вакеньоса” ему что-то кричат, кривляясь, шлюхи.

Адмирал явно обойден заботой и выглядит заброшенным. Он находит себе пристанище то на баке, то на корме. Вспоминает о нем порой лишь ландскнехт Ульрих Ницш — и в часы адского пекла поднимается по лестнице, чтобы принести глиняный кувшин со свежей водой. Ландскнехт восхищен величием адмирала и посвящает ему такие строки:

Своего добьюсь, я знаю,
Верую в мой путь прямой.
Полетит к земному краю
Генуэзский парус мой.

Дремлет день, не зная срока,

Новой новизной маня, —
Лишь твое взирает око,
Бесконечность, на меня![96]

Наконец пришел день, которого все так ждали и во славу которого принесено было столько жертв: 4 августа 1498 года.

Вот что рассказывает адмирал в своем письме королеве Изабелле:

Я верю — именно там находится Рай земной, и никому не дано попасть туда без Божьего соизволения… Алонсо Перес увидел горы, три вершины, и я нарек сие место именем Тринидад. А плавание наше протекает отныне не вовсе по горизонтали, как представляется пилотам и матросам. Восходим мы по морской тропе неизменно вверх. Ночами Полярная звезда поднимается над нами на пять градусов. Достигли мы благодатных земель. Климат здесь мягчайший, на берегу виднеются зеленые, прекрасные, как в садах Валенсии, деревья. Люди, которых мы то и дело видим, статного сложения и кожей белее тех, что встречались нам ранее. Волосы у них длинные и прямые…

---

[96] Примечания: 96
Фридрих Ницше. К новым морям. Перевод Вяч. Куприянова.

Итак, мы поднимаемся вверх, ибо земля не совершенно кругла. Я достиг оконечности мира, того места планеты, где ближе всего поднимается она к небу…

Три последних дня они выжидали и почти не двигались с места. Адмирал дремал у подножия фок-мачты.

Осипшим голосом он сказал Луису де Торресу:

— Пространство должно разверзнуться. Бурный поток — воды или ветра или того и другого вместе — увлечет за собой каравеллы. То будет Начало Начал. Переход в неведомое!

Так и случилось. 4 августа ближе к вечеру они увидели мощные потоки воды, которые вторгаются в море — как каналы, как продолжение великой земной реки.

Адмирал записал:

> На море поднялось невиданное волнение. С юга накатила исполинская волна и с устрашающим ревом подняла корабль. И все закричали от страха, и были ране-

ные среди неосторожных[97].

Позднее, уже в Севилье, адмирал добавит к той дневниковой записи:

> Даже сегодня, делая эти заметки, я испытываю ужас. Так высока была волна, больше похожая на гору.

В каюте адмирал встает на колени. Да, он избранник Божий. Его душат рыдания, счастливые слезы оставляют дорожки на просоленной маске лица. Слезы наконец-то промывают глаза, истерзанные солнцем и бессонницей.

Когда он пишет королеве, сердце готово вырваться у него из груди:

---

[97] Примечания: 97

В рассказе адмирала много совпадений с описаниями другого первооткрывателя, участника другого замечательного плавания, хотя оно и было все-таки метафизическим. Речь идет о Рене Домале, который пишет в романе “Гора Аналог”: “…Три дня тому назад, когда солнце уже готово было исчезнуть за горизонтом и мы уже повернулись к нему спиной, потянувшись к носовой части яхты, вдруг ни с того ни с сего поднялся сильный ветер, а скорее, какое-то мощное всасывание повлекло нас вперед; прямо перед нами образовалось некое пространство, какая-то бездонная пустота: горизонтальный водоворот, огромная воронка из воздуха и воды, невозможным образом закрученная кругами; все шпангоуты яхты трещали и хрустели, она неудержимо куда-то скользила, точнее, ее несло по наклонной плоскости к центру пропасти” (Гл. IV. Вступление в пространство Горы Аналог). *(Прим. автора.)* Роман Рене Домаля цитируется в переводе Татьяны Ворсановой.

Священное Писание свидетельствует, что Господь наш сотворил земной Рай и водрузил в нем древо жизни и из него вышли воды ключа, давшие начало четырем главным рекам мира — Гангу в Индии, Тигру и Евфрату…

Он быстро делает какой-то набросок на полях своего знаменитейшего письма и продолжает:

Как говорил я ранее, мир не кругл совершенно, а имеет скорее форму груши, у черенка которой имеется возвышение. А еще его можно сравнить с мячом, на поверхность которого наложена женская грудь соском вверх — то было бы наиболее высокое место в мире, самая близкая к Небу часть земли. И находится все это на краю Востока, а называю я "краем Востока" те земли, где заканчивается всякая суша, всякие острова мира…

Он слышит, что море понемногу стихает. Свершилось! Теперь, забыв о страхе, все — матросы, шлюхи, монахи, убийцы, освобожденные в Кадисе и посланные цивилизовать Америку, философы-отщепенцы и исполненные надежд земледельцы, — все они решаются приблизиться к борту и вдыхают сладчайший воздух.

Это он, *omphalos*.

Адмирал, торжественный и уже невозмутимый, величественно следует на кормовой мостик и, словно выполняя ритуал, который должен быть всем понятен, начинает снимать с себя одежды, пока не остается совсем нагим.

На сей раз он расстался даже с чулками!

IV. Земля

Хронология

1498 Сладчайший воздух. Прекрасные, простодушные люди. Ландскнехт Сведенборг и язык ангелов. Райская нагота. Анакаона, Сибоней, Бимбу. “Из-за моря пришли к нам бородатые боги”.

1499 “Декрет о наготе” и “Декрет об образе жизни”. Греха больше нет. Последняя месса. Ульрих Ницш и рождение сверхчеловечества. Новые путы Колумба. Падре Лас Касас и доказательство отсутствия Бога.

1499 Рольдан: первая американская революция. Бордель Дьяволицы. Лихорадка трудолюбия. Ангелы в цепях. Конец трагической богословской ошибки. Разграбление Рая.

11-Àõàó[98] Донесение в Теночтитлан: “Прибыли великие собиратели камней для своих построек”. С ними злые псы. Конец солнечного цикла.

---

[98] Примечания: 98

Согласно священному календарю майя день 11-Ахау (“Солнце”) ассоциируется с предками, солнцем и мудростью.

1500 Смерть возвращается в Кастилию. Конец секты искателей Рая. Фердинанд подписывает приказ об аресте адмирала. Восстание псов. Колумб в кандалах. Восточные Врата разобраны и отправлены в брюссельский Католический университет.

Славное апрельское утро. Вот уже две недели, как двор стоит лагерем в живописной долине неподалеку от Альмагро. Короли направляются в Барселону — то ли немного развлечься, то ли по государственной надобности.

На рассвете Фердинанд — а с ним придворные, слуги и своры собак — отправлялся охотиться на кабанов к болотам в окрестностях Аларкона. Стреляли также из арбалетов перепелов и диких индюков. Изабелла вместе со своими дамами устраивала славные пиры: жаркое из говядины со сливами, хрустящие хлебцы, яйца по-фламандски, шкварки по-райски, молочные поросята и куропатки в сидре. Хоть на несколько дней удалось им избавиться от тирании французских и пьемонтских поваров, от их несносно изысканных блюд. Порой дамы и сами принимались за стряпню, следуя советам местных старух. По долине порхал смех. Он катился от ручья до столов, за которыми трудились хмурые чиновники.

Страна превратилась в империю. Мало что осталось от прежнего аграрно-колониального королевства. Появилось и Управление картографии. Вон там, прямо под открытым небом, расположились несчастные немецкие и португальские картографы, и сейчас они громко возмущаются тем, что на бумаги падают листья с деревьев, и тем, что пролетающие воробьи пачкают карты Новых земель.

За покрытыми парчой столами сидят Фердинанд и его приближенные. О чем говорят они? До конца ли сознают, что управляют первой по сути своей мировой державой? Что между охотничьими байками и посольскими донесениями решают глобальные проблемы?

Изабелла выбежала из шатра вместе с маркизой де Мойей. Она старалась поймать легавую суку Диану, которой вздумалось смешаться со сворой призывно воющих собак Фердинанда.

На рассвете гонцы доставили сообщение чрезвычайной важности. И оно испортило королю настроение. Даже разгневало. Ни кардинал Сиснерос, ни Андрес де Кабрера, самый верный из *SS*, не смогли отвлечь Фердинанда от тревожных мыслей.

Его привела в полное отчаяние одна только

мысль о том, на что намекал адмирал в своем невероятно важном послании. Неужели предположения Колумба могут оказаться правдой? Неужели империи придется лишиться обширнейших и самых лучших земель и смириться с тем, что на них наложит руку церковь, объявив эти территории священными и неприкосновенными? Фердинанд кричит:

— Проклятый генуэзец! Его посылали открывать новые земли, искать золото, а он шлет нам перевязанную ленточкой коробку с ангельскими перьями. Рай земной! Разве такое возможно? И как его угораздило попасть именно туда! Недоумок! Тоже мне мистик-самоучка! Небесный демагог! — И король велит, чтобы ему еще раз прочли некоторые куски из письма адмирала: — Ну те, где про женскую грудь…

Изабелла услышала его громкий голос. И уже подходила к Фердинанду, волоча за цепочку упирающуюся Диану.

— Ваше величество, а ведь выходит, что наш адмирал и вправду никогда не верил, что земля круглая. Помните, еще в Санта-Фе он открыл нам свои последние тайные географические открытия: будто земля плоская в человеческом восприятии, но сферична (хоть и не идеально

кругла) в космическом плане, как и большинство планет… И теперь он не противоречит себе, объясняя, что похожа она на совершенно круглый мяч, на котором в одном месте наложено нечто вроде женской груди, простите меня за такую деталь. А ведь его сообщение, если оно верно, изменит весь мировой порядок. Начиная с того, что Рим уже не сможет считаться подходящим местом для Ватикана. Наступит всеобщее увлечение мистикой. Никому не будет позволено по-прежнему отдавать должное повседневной суете и земным делам, то есть земные заботы неизбежно отойдут на задний план… — Она опустила глаза долу и многозначительно замолчала.

Фердинанд, чье настроение с каждой минутой все больше портилось, исподтишка пнул ногой Диану, которая, виляя хвостом, подбежала к нему, чтобы обнюхать застежку на его панталонах.

Сидевшая рядом с ним Альдонса Аламан — в экстравагантном костюме кондотьера и черной полумаске, из-под которой сверкали ее озорные глаза, — наслаждалась потаенным смыслом спора между августейшими супругами.

— Но неужели он действительно отыскал Рай земной? Падре Талавера, скажите же нам, что думаете по этому поводу вы?

Падре Талавера вышел вперед. До сих пор он стоял, прислонившись к стволу тополя, среди придворных второго ранга (очень мудрая тактика: не мозолить глаза, но всегда оказываться под рукой, когда того требовали государственные интересы).

Фердинанд продолжал:

— Значит, с девяносто второго года и по сей день, то есть целых шесть лет, когда нами были отправлены в Америку сотни людей, адмирал занимался поисками Древа жизни? Поисками центра Рая? А окружающие его земли адмирала интересовали мало! Вот почему он покинул Эспаньолу и прочие острова. Чтобы продолжать свои поиски. А до прочего ему не было никакого дела! Он вверг нас в невероятные расходы! И что получается? Если дело обстоит именно так, как он пишет, придется слать донесение в Ватикан! Падре Талавера! Это и вправду Рай земной? Возможно ли такое?

Падре Талавера мнется. Не знает, что на это ответить. Да и что можно сказать, к примеру, старухе святоше, которая рассказывает, будто ей явилась Дева Мария и что-то поведала? Для погрязшего в серых буднях священника нет ничего более неприятного, чем столкновение с очевид-

ностью божественного. (Всякая религия, всякая мораль порождаются скептицизмом и тоской по прошлому, которые ищут ответы на свои вопросы, ломая устоявшиеся литературные каноны.)

И тогда заговорил стоявший рядом с ним падре Марчена:

— Сомневаться не приходится, райским духом от всего этого действительно веет… Есть буквальные совпадения с тем, как Рай описан в трудах Отцов церкви. Невиданные фрукты и цветы… Благоуханный воздух, большие реки, белокожие нагие люди!

Талавера спешит ему возразить:

— Да, падре, все это так. Но существует ли богословское объяснение сего явления, приемлемое для церкви? Чем ныне является то место, где *прежде находился* Рай земной? Можно ли там человеку селиться, обрабатывать поля, извлекать для себя пользу из тамошних богатств? Или это земля святая и принадлежит она Господу? Думаю, тревогу его величества понять легко: будут ли те земли приносить нам выгоду или человеку заказано использовать их в своих целях… Не превратятся ли они в *res derelictae*[99]? Или там *до*

---

[99] Примечания: 99
Нечто заброшенное *(лат.).*

сих пор обитает, пусть лишь временами, Господь наш?

Цепочка его вопросов окончательно вывела из себя Фердинанда.

— Думаю, Ватикану лучше не соваться в эту историю. Папа Александр уже сказал свое слово в Тордесильясе[100]: Испании принадлежит все, что располагается к западу от линии, проходящей на расстоянии трехсот семидесяти лиг от островов Зеленого Мыса.

Фердинанд хорошо помнил секретнейший договор, достигнутый в Лечесе, который первосвященник полностью подтвердил, взойдя на престол святого Петра. Король глянул на нунция, и тот кивнул головой, но весьма сдержанно. И Фердинанд понял: все его аргументы в этом споре слишком по-светски легковесны и даже неуклюжи, и они отнюдь не снимают серьезных проблем, затронутых в письме адмирала.

Тут, как назло, послание взяла Изабелла и принялась читать:

— "…Есть здесь восхитительные рощи, зеленые

---

[100] Примечания: 100

В городе Тордесильясе в 1494 г. было подписано соглашение между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния в мире. Договор уточнял линию раздела, установленную годом ранее в булле римского папы Александра VI *Inter caetera*.

острова, а трава растет, как в Андалусии в апреле. Птицы столь сладкозвучны, что ни один человек не захочет по доброй воле покинуть здешние края. Имеются тут стаи попугаев, и числом своим затмевают они солнце, и другие большие и малые птицы, чудесным образом отличные от наших… Люди же местные весьма робки и боязливы, ходят, как я уже говорил, нагими и не знают ни оружия, ни законов. Языка их прекраснее нету на свете, на устах неизменная улыбка. И любят ближних своих они словно самих себя…”

Фердинанд заметил, как взволновали эти строки королеву. Видно было, что вот-вот перенесется она в опасную мистическую зону. Ошеломленные придворные слушали ее чтение разинув рты. Король понял, что пора вмешаться:

— Но совсем недавно он писал о золоте. Не было ни одной страницы, где бы речь не шла о золоте! Теперь же, узнав, что на островах его почти нет, он отказался от прежних планов и, не получив на то должного от нас соизволения, продолжает свои поиски!

Падре Марчена осмелился возразить:

— Но разве не достоин прощения тот, кто, отправляясь за тигром, приносит нам перья ангелов? Сей поступок следует назвать благород-

ным… Не решусь перечить Вашему Величеству, но позволю себе напомнить: золото, по свидетельству Отцов церкви, также указует нам путь в Рай земной. Довольно сказать, что из золота сделаны Врата его, о чем повествует нам Библия.

Многие искренние католики из числа придворных тотчас не без отчаяния подумали, что от тех Врат проклятый генуэзец не оставит даже петель. Нет, даже самая глубокая преданность королю не может оправдать разграбление Рая.

— Золото, жемчуг, а также некоторые драгоценные камни — верная примета Рая. Как, впрочем, и богатые заросли шафрана или обилие змей. Ни один серьезный богослов оспаривать это не станет… — продолжил падре Марчена.

Взбешенный Фердинанд готов был испепелить его взглядом. Изабелла же благосклонно ему кивнула. Сразу было видно, что сообщение о Рае земном задело ее за живое.

Меж тем Фердинанд клял себя за то, что не приказал королевскому инспектору Агуадо арестовать генуэзца и всех его родственников еще до их отплытия с Эспаньолы. Какая ошибка! Острое политическое чутье, которое так высоко оценит Макиавелли, подсказывало королю: затевается дело, чреватое самыми опасными последстви-

ями, коль скоро их империя будет наполовину держаться на власти земной, а наполовину состоять из божественного воздуха!

А кроме того, после таких писем адмирала священники возомнят о себе что угодно. Начнут во все вмешиваться. Вообразят, будто любая проблема, связанная с Америкой, это проблема исключительно теологическая.

Изабелла сказала:

— А разве не мечтаем мы всю нашу жизнь избавиться от мирских тягот? Может, Господь и впрямь даровал нам высшую милость свою — позволил вернуться в Эдем? — В ее словах ясно слышались отзвуки тайных мыслей Колумба. — А как только получили мы верные знаки, тотчас испугались. Грубая обыденность не должна отвлекать нас от поисков. Не станем же мы противиться воле Всевышнего! Больше земель у нас будет или меньше — какая разница! Разве не исчезают безвозвратно следы погибших империй? Будем смелее! Только об этом прошу я вас! Не уроним себя пред ликом Господним! Аминь!

Она закрыла глаза. Затем, словно не замечая гробового молчания, воцарившегося вокруг, поймала за цепочку Диану и удалилась в сопровожении маркизы де Мойи и других дам. Пора

было готовить шкварки по-райски.

Серьезный государственный кризис мог разразиться в любую минуту. Фердинанд подозвал Сантанхеля. Пусть знает, что на сей раз генуэзец нанес тяжелый удар и им тоже: бросил на произвол судьбы иудеев, мечтавших о новых землях, дабы покончить с рассеянием, наплевал на интересы банкиров и грозил подорвать целостность — территориальную — империи!

Сантанхель выслушал жалобы короля. Они были справедливы. Фердинанд спросил:

— Ну а что говорят по этому поводу в Банке Сан-Джорджо? Неужто они ничего не замечают? И позволят оставить себя в дураках?

На что Сантанхель, озабоченный таким поворотом дела, понуро ответил:

— Я напишу им сегодня же. Да, сообщу обо всем сегодня же.

Сладостный воздух, высокое солнце, прохладное соленое море. Волны мягко бегут, скользят на берег и рассыпаются по бело-золотому песку. С пальмы упал кокос и раскололся, прельщая своим дивным молоком — всегда, разумеется, свежим как роса. Где-то наверху озорная обезьянка, сделав два пируэта, кланяется, а потом исчезает в зеленых зарослях.

Адмирал выступает величественно. Совершенно голый. Длинная густая шевелюра похожа на гриву старого льва, много лет прослужившего в цирке. Белый живот свисает на седой лобок тремя вялыми складками, набегающими одна на другую (что является признаком зрелости и говорит о долгой жизни, прожитой не впустую). Тощие и длинные ноги несут крупное тело, так что какой-нибудь шутник мог бы сострить, сравнив его с комаром, проглотившим горошину.

— Вот она, земля Божия, — благоговейно произносит он.

Его окружают офицеры в парадной форме и священники в праздничном облачении. Знамена Кастилии. Трубы и барабаны. Семь раз стреляют бомбарды, когда нотариус зачитывает Акт о присоединении новой земли к владениям испанской короны. (Правда, нынешняя обстановка смущает нотариуса. Когда адмирал подписывал подобный Акт в 1492 году, на нем были золотой плащ и шляпа с плюмажем, а на сапогах сверкали золотые шпоры.)

Вокруг крутятся стаи попугаев. Желтых, голубых, алых. Они то хором свистят, то выражают свое негодование на непонятном, но очень милом языке.

Райские птицы невыразимо прекрасны. Как описать их? Любое сравнение с испанским пернатым миром было бы унизительно для них, окрасило бы в цвет сепии, уподобив картинкам в ученых книгах.

Матросы плещутся на мелководье и разглядывают рыб с хвостами, похожими на широкие таиландские ширмы. Эти рыбы напоминают птиц, переселившихся в море. Сразу видно, что краски в здешних землях не гаснут и не тускнеют, как в холодных морях. И до чего же доверчивы эти рыбы: подплывают прямо к ногам ликующих купальщиков и тыкаются в них ртами. Морякам щекотно, и они весело повиз- гивают.

Легкий ветерок, прилетающий с моря, помогает людям собирать урожай: тут падает спелая папайя, там — манго или авокадо, а там выглядывает ананас…

Ландскнехт Сведенборг поясняет адмиралу: достоверно известно, что совсем нагими ангелы ходят только в самой заповедной части Царства небесного.

А те, кого увидели они при свете полуденного солнца, на фоне слепящего сияния золотого песка, были совершенно нагими. Лишь немногие, прежде всего женщины, носили крошечные

юбочки, скорее полу- прозрачные.

Возликовал адмирал. Вот оно — последнее доказательство. Его вера победила — прочь любые сомнения. И он почувствовал что-то вроде дионисийского поэтического опьянения.

Сведенборг продолжал:

— Те, что обитают в заповедной части Царствия небесного, никогда не знали греха, и они ходят без одежд, поскольку невинности присуща естественная нагота. Обратите внимание, что ангельская речь льется мелодичным и сладкозвучным потоком, где больше всего гласных “у” и “о”. Прислушайтесь, ваша милость. Ведь переливы этих гласных многое говорят нам и о настрое их души…[101]

Но адмирал не обращает внимания на его разъяснения. Он начинает диктовать нотариусу очередную запись для своего Дневника:

> Когда уже рассвело, явились на берег многие из здешних людей, все хорошего сложения, весьма приятные на вид: волосы не курчавые, но прямые и тяже-

---

[101] Примечания: 101

Эти и другие суждения ландскнехта Сведенборга, которые читателю еще предстоит здесь встретить, содержатся в его знаменитой книге “О небесах, о мире духов и об аде”. *(Прим. автора.)*

лые, как конская грива, лица широкие, а глаза очень красивые и совсем не узкие. Нет среди них темнокожих, цвет у них, как у жителей Канарских островов. Принесли они с собою мотки хлопковой пряжи, и попугаев, и короткие дротики и все отдавали за любую безделку. А я с великим старанием пытался узнать, есть ли здесь золото. Вслед за тем показалось несколько стариков, и стали они громко кричать, подзывая робеющих мужчин и женщин, и говорить: “Придите и смотрите на пришедших с Неба! Несите им пищу и питье!”[102]

Итак, никаких сомнений у адмирала не осталось: они находятся именно в тех землях, о которых в далекий и дождливый вечер в Генуе говорил падре Фризон. Колумб обратился к нотариусу:

— Весьма примечательно и то, что никто не знает здесь страха. Заметьте, даже птицы садятся

---

[102] Примечания: 102

Это противоречие теологического характера будет иметь трагические последствия. В 1492 г. на острове Эспаньола обитало 250 000 индейцев. В 1538 г. осталось всего 500. Индейское население Америки сократилось со 100 % в 1492-м до 5,9 % в 1942-м. См.: *Ángel Roseblat. La población indígena de América*, 1492–1950. *Buenos Aires*, 1954. *(Прим. автора.)*

людям на плечи. А обернитесь вон туда: рыбы сами идут им в руки! — И он снова начал диктовать: — И были здесь собаки, никогда не лаявшие (нелепые немые псы, которые не ведали, что кто-то способен что-то украсть). И были здесь чудесные приспособления — сети, крючки и всякое иное — для рыбной ловли. Деревья с дивными на вкус плодами. Птицы, большие и малые, и не смолкавшее всю ночь пение сверчка, коему все радовались. Воздух не холоден и не жарок, но приятен и мягок. Вокруг большие рощи, от которых веет прохладой.

Адмирал видит, как его спутники блаженно улыбаются, забывая о своих мерзких каждодневных ссорах. Убийцы и грабители с жестокими шрамами и злыми рожами, потасканные проститутки, торгаши и священники — все сияют безмятежными улыбками. В этом мире покоя и неги многие тоже уже готовы сбросить одежды: матросы плещутся в море в одних штанах.

Ландскнехт Сведенборг обращает внимание адмирала и на то, что воздух Рая успел овеять святостью даже самых отпетых негодяев:

— Мало-помалу забудут они о чревоугодии, честолюбии и похоти…

Вождь из Тлателолько стоял немного поодаль, в

пальмовой роще, вместе с касиком Гуайронексом и прочей знатью из племени таино. Он наблюдал за морскими богами.

И немного погодя все же решился подойти ближе. Смешавшись с кучкой дрессировщиков попугаев, он смог лучше разглядеть пришельцев. Да, по всем приметам это были они — те, о ком говорилось в предсказаниях и чей приход возвещал Кетцалькоатль. Вождь составил донесение для немедленной отправки в Теночтитлан:

> Те, кого мы столь долго ждали, ступили на острова таино. Нет предела их щедрости: они сразу раздарили людям пестрые шапочки, бубенчики с дивным звоном, сверкающие каменья (видно, из самых драгоценных, ибо нет их в нашем мире). Пришельцы бородаты, кожу имеют столь белую, что просто не бывает белее, они источают весьма сильный запах, а еще умеют пользоваться огнем и колесом.
>
> Они похожи на людей. Но крупнее, чем люди (и сильно отличаются от тех бледноликих, что населяют далекие, унылые и туманные земли Востока).
>
> Столь велико их простодушие, что по-

рой они кажутся даже глуповатыми: застывают при виде самых обычных птиц, чтобы полюбоваться их пестрыми перьями, или ныряют до изнеможения в море, чтобы поглядеть на рыб. Все приводит их в восторг, все поражает. Но в самый великий восторг и умиление погружаются они при виде женщин: толпой окружили они принцессу Анакаону, а благородную Сибоней кто-то – конечно, без всякого злого умысла – даже ущипнул.

Есть среди них боги старые, главные, а есть менее важные и менее могущественные – вторые должны подчиняться первым и прислуживать им.

Не осталось никаких сомнений: пришельцы – вовсе не злые духи, не дзидзимины, что обитают в мрачных небесах Востока.

Вождь передал послание и вернулся в пальмовую рощу, где как раз в этот момент Гуайронекс повелел юным девушкам выстроиться в ряд и приготовиться к приветственному танцу.

А иберы тем временем плескались в воде, манившей их чистотой и свежестью. Потом об-

сыхали в тени пальм, которые мягко шелестели ветвями, когда в рощу залетал ветер с моря.

Полуденный свет слепил. Адмирал близоруко щурил глаза, будто хотел отыскать впотьмах укатившуюся монетку.

От песка и с поверхности моря поднимался пар. Казалось, все вокруг плывет и колышется в этом морском тумане. Тонкие стволы пальм словно затанцевали, задвигались в тот самый миг, когда зазвучали раковины и тамбурины, рождая чувственные и привязчивые ритмы.

Сквозь завесы раскаленного воздуха очертания человеческих фигур будто расплывались в ярчайшем сиянии. И тут иберы увидели, как приближается к ним цепочка девушек. Впереди скользили принцессы — Сибоней, Анао и нежнейшая Бимбу. Грациозно подчинялись они ритму тамбуринов.

Пришельцы разом смолкли — такая тишина наступает, когда папа римский является перед своим двором. От восторга они замерли и онемели.

Кто-то грубо толкнул слепого ландскнехта Озберга де Окампо, что-то еще бормотавшего, когда остальные уже не смели произнести ни слова и не смели шевельнуться, видя такую красоту.

— Заткнись, урод!

— Карамба! Карамба! — прошептал ландскнехт, как всегда погруженный в свой собственный мир.

Анакаона — чудо из чудес! Кожа цвета корицы и меди. Слегка расставив ноги, она кружится под звуки арейто. Иногда его ритм вдруг ускорялся — словно обезумев и вырываясь на волю. Тогда еще быстрее крутит бедрами принцесса, не греша при этом против изящества. Бешеный ритм и грация. Чем не праматерь огненных мулаток?

Танцуя, развязала Анакаона ленточки своей танги и осталась совсем обнаженной. Ритуально обнаженной. Это был жест-символ, деликатный намек: пред лицом новых богов и пред началом нового теогенического цикла она вновь обретала невинность.

Адмирал, чуждый любым проявлениям банальной чувственности, с величием, подобающим истинному потомку Исайи, отошел в сторону и поднялся на дюну. Там он преклонил колена.

— Аллилуйя! Аллилуйя! — И в душе возблагодарил Изабеллу, его сообщницу и вдохновительницу в многотрудных поисках Рая.

Он понял, что испытаниям пришел конец. И ощутил коленями радушное тепло песка, райско-

го песка. Это был Рай Авраама, Исаака, Иакова и — подумал он без ложной скромности — отныне также Рай Колумба.

Каравеллы бросили якорь в естественной гавани.

Началась нелегкая разгрузка. На берег на лодках отправляли все то, что было необходимо, дабы один мир перенести в другой, а этот другой — преобразить.

Бережно доставили большой крест, который проделал долгое путешествие на носу каравеллы. При этом лодка едва не перевернулась.

Крест водрузили на дюне среди высоких и стройных пальм, посчитав, что получилась у них славная Голгофа. А был это крест-виселица.

Адмирал держался слегка в стороне от своих спутников, но тут счел необходимым призвать падре Буиля и падре Лас Касаса. И смотрел, как шагают они к нему по золотому песку в иссиня-черных сутанах, похожие на летучих мышей, заблудившихся и сбитых с толку солнечным светом.

— Смерти больше нет, — объявил адмирал. — Мы ступили на земли, где царит бессмертие. Это тот самый Дом, вернее, Сад, откуда был изгнан Адам за свою доверчивость, а также из-за при-

сущего женщине коварства. Как сказал Пророк, только последовав за тем, кто ведет свой род от Исайи, сумеем мы вернуться туда. И вот мы перешли рубеж. Сей факт меняет наши судьбы и — в чем нет сомнения— судьбу целого мира. Постарайтесь осмыслить это как можно спокойнее. Будьте благоразумны и осмотрительны, как подобает служителям Господа. Наши люди еще не готовы… Но мало-помалу их помраченные души начнут открываться свету истины. Уже появились первые признаки… Важно, чтобы вы научили их должному обхождению с ангелами. Пусть не принимают их кротость за неразумие. Ведь было речено: всякий ангел может быть грозным…

Ландскнехт Сведенборг был одним из *неблагонадежных*, одним из тех, на кого и священники, и инспектор короны смотрели с величайшим презрением. Теперь он с неуместной горячностью принялся кивать головой в знак согласия. Ландскнехт сидел на песке неподалеку от адмирала в тяжелом скандинавском шлеме, надвинутом по самые глаза.

Буиль глянул на него свирепо, по-инквизиторски. Между тем адмирал продолжал:

— По словам Апостола, “как одним челове-

ком грех вошел в мир, и грехом — смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили”[103]. То великая истина! Но теперь дозволено нам возвратиться назад, следуя по пути, ведущему от смерти к блаженному *не-умиранию*, дозволено возвратиться в мир, где нет смерти. Господь, кажется, любит симметрию: всего один человек погубил нас — Адам, а другой (и тоже один) вернет нас в Сад Вечности. И полагаю, что милость эта дарована мне… Не забудем слова Творца: “…Побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия”[104]. Мы одолели суровое море и теперь наслаждаемся наградой… Но запомните: мы попали отнюдь не туда, где находят приют праведные души — то есть души умерших, заслуживших вечное спасение. Нет. Здесь обитал человек до грехопадения, до того, как Господь покарал его смертью. Вот он — Сад Наслаждений. О нем писали поэты… Не о вечной душе подобает говорить здесь, а о чудесном бессмертии тела. Нет больше греха! Нет чувства вины! Взгляните на наших матросов: самый последний мерзавец улыбается, блаженно

---

[103] Примечания: 103
Рим. 5:12.

[104] Примечания: 104
Откр. 2:7.

прикрыв глаза, слушает щебетание птах, разглядывает обнаженных ангелов, цветки кактуса, проказливых обезьянок, которые вроде бы угощают нас бананами, а когда мы протягиваем руку, швыряют в нас арахис… Хвала Всевышнему!

И адмирал с целомудренным бесстыдством праведника опять преклонил колена, выставив на обозрение клирикам свой бледный, как у судейского чиновника, зад. А те стояли, не смея шелохнуться, — пораженные известием, онемевшие пред лицом столь дерзновенного вторжения чуда в унылую повседневность юдоли слез. Ведь адмирал, свидетельствуя о существовании Рая земного, выбивал почву из-под ног у тех, чьей профессией было сочинение безумных легенд. Теперь они чувствовали себя воробьями, заблудившимися в тумане, коль скоро богословие переносилось на реальную почву. И при одной только мысли, что Иегова может находиться где-то поблизости, где-то рядом, они почувствовали приступ паники.

Юный Лас Касас, благородный и прямодушный, тоже пал ниц позади адмирала и принялся истово молиться.

И тогда ему открылась тайна, которую до сих пор знала лишь Сусана Фонтанарроса. Тайна, ко-

торую Колумб тщательно скрывал под толстыми шерстяными чулками: меж вторым и третьим пальцами на обеих ногах была у него перепонка (какие имеют утки или другие создания, умеющие жить и на суше, и на воде). Да, адмирал оказался существом *перепончатолапым*, то есть не оставалось никаких сомнений в том, что по природе своей он был амфибией.

Падре Буиль считал ландскнехта Сведенборга неисправимым еретиком, одним из тех независимых и безответственных теологов, что готовы добровольно взойти на костер, да еще и прихватить с собой огниво.

И если вечно витающий в облаках Лас Касас был склонен без раздумий принять все, что провозглашал адмирал, то падре Буиля, типичного чиновника от церкви и карьериста, для которого пределом мечтаний был епископский сан, одолевали мучительные сомнения. Ему было трудно принять любое доказательство Тайны, лишенное литературной оболочки.

К тому же он, как и положено священнику, испытывал отвращение к нагому телу, даже если одежды сбрасывал с себя мистик. Падре припомнил все злые сплетни о Колумбе, ходившие в севильской курии. Но к несчастью, Колумб имел

опасное влияние на королеву! Не иначе как оба они были иллюминатами, вступившими в секту искателей Рая!

А ведь нет никого страшнее для церкви, нежели фанатики-мечтатели, мнящие себя большими католиками, чем сам папа. Можно подумать, что Изабелла и Колумб стремятся подойти к Богу ближе, чем официально признанное духовенство, чем высшие иерархи. Падре Буиль кипел от негодования.

Мало того, этот Сведенборг обращается к нему совершенно непристойным тоном, забывая, кстати, как о месте, подобающем людям его нации, так и о почтении, с коим следует относиться к традиционным догмам. Он, например, говорил:

— Да, это ангелы, сомнений тут быть не может. Мало того, только в самом центре Рая ангелы умеют разговаривать и ходят нагими. (В окрестностях же Эдема носят они лучезарные одежды.) Однако нам, падре, не дано понять их законов, а также их языка… Правда, будь на то их воля, мы бы без труда этот язык понимали…

На что окончательно рассвирепевший падре Буиль крикнул:

— Ежели желаете, называйте их, конечно, ангелами… Но сдается мне, что настоящие ангелы не

стали бы справлять нужду где придется, не ища для того укромного местечка, и не стали бы — как вот эти ангелицы — показывать, наклоняясь, срамные места всему миру…

На что Сведенборг возразил:

— Да, они спариваются с кем хотят и где хотят, а еще вкушают пищу… Но вы заблуждаетесь, полагая, что в том или в этом есть нечто противное ангельскому естеству. Сам святой Августин говорит об этом — а к его слову, полагаю, относитесь вы как к церковной догме, — что там, в Раю земном, мужчина будет извергать семя свое, а женщина принимать его столько раз и в тот час, когда будет в сем нужда, однако органы детородные подчиняться станут лишь воле, но не сладострастию… И избави нас, Господи, заподозрить, что зачинают они детей своих по велению грубой похоти!

Дерзость ландскнехта перешла все границы, а ведь в Испании Буиль не раз видел, как за гораздо меньшие прегрешения людей отправляли на костер. Он поспешил осадить Сведенборга:

— Неужто вы и вправду не замечаете, что здесь творится? Они и содомскому греху предаются без всякого стыда — прямо под пальмами изображают гнусное животное о четырех ногах и

двух головах. Мои информаторы были тому свидетелями. И не раз. А два наглеца проделывали свои ректальные трюки даже на глазах у меня, служителя Церкви! А карибы? Кровавые изверги! Высаживаются ночами на берег, дабы убивать и пожирать таино. И после этого вы еще будете мне что-то говорить об ангелах?

Сведенборг ответил ему по-прежнему невозмутимо, взирая на падре Буиля с высот вольнодумного богословия:

— Меня удивляет, как может столь многоопытный прелат упускать из виду рассказанное Енохом, сыном Каина, который первым из смертных получил дозволение хоть и на короткий срок, однако *in corporis*[105], вернуться в Эдем, откуда был изгнан его дед. Думаю, Творец допустил его в это сокровенное место, дабы сумел он забрать оттуда какую-то важную семейную реликвию… Так вот, Енох убедился: ангелы райские, имея под боком дщерей Адама — и тут опять женщина! — впали в грех неукротимого любострастия. И пресыщение женским телом, как часто бывает (вспомним, к примеру, сутенеров), толкнуло их к гомосексуализму и скотоложеству. Трудно

[105] Примечания: 105
Во плоти *(лат.).*

поверить, но происходило подобное почти у подножия Древа жизни! Слова же Еноха записаны в Библии. Смею напомнить вам о том, падре, дабы не были вы поспешны в своих суждениях. Содомиты, коих вы и ваши информанты здесь встречали, — это просто-напросто потомки особого рода падших ангелов, которые, получив в полную свою власть женщину и пресытившись ею, стали отыскивать женщин под кожей братьев по полу. Разве забыли вы, падре, что случилось во время нашего плавания, как только подула тракончана? Кроме того, упомянули вы каннибалов, что холостят, откармливают и затем пожирают таино, поскольку те, как правило, отличаются невероятной красотой. Но и здесь объяснение весьма простое: подобным способом жаждут они перенять их телесное совершенство, их привлекательность. Правда и то, что они предпочитают детородные органы, жарят их и едят с наслаждением, видя именно в них источник всех совершенств. А разве католики не вкушают тело Христово в форме облатки, дабы иметь Его внутри себя, ближе к сердцу? Разве не встречали мы католиков, отвратительно жадных до сего лакомства? И еще. Здесь водится множество змей. Наши матросы гоняются за ними без устали… Но

змеи — это непременные обитатели Сада Божия, как, впрочем, и каннибалы с содомитами…

Но на этом спор, принявший опасное направление, пришлось прервать. Адмирал наконец не без труда поднялся с колен и взглянул в сторону берега. Затем обратился к падре Буилю (который чувствовал себя прескверно, но в присутствии официального представителя императорской власти не решался высказать все, что накипело у него на душе):

— Падре, пусть люди плодятся и размножаются. Но избегают при этом постыдного наслаждения… и постыдных фокусов! Нет в том отныне никакой нужды. Похоть — побочный результат крушения надежд. Да-да, пусть люди плодятся и размножаются! Нелишним было бы также, падре, напомнить им, что Господь повелевал питаться фруктами. Фрукты очищают кровь, а блюда из мяса лишь заглушают голод. Напомните им слова Господа нашего[106].

Затем, видимо уже оторвавшись духом от земных забот (словно старый отшельник, вошедший в последнюю стадию своего жизненного цик-

[106] Примечания: 106

“И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть…” (Быт. 2:16).

ла), адмирал направил стопы туда, где в чаще деревьев едва виднелись хижины, крытые пальмовыми листьями.

Лас Касас и Буиль взглянули в глаза друг другу и сразу же без лишних слов друг друга поняли. Отныне пути их расходились — это было ясно. Не могли они предположить лишь того, что сей факт будет иметь важнейшие последствия также и для истории Католической церкви в целом. (Колумб взял на себя роль наместника Бога на земле и тем самым посягнул на исконные права Церкви. С этим Буиль примириться не мог.)

Итак, оба священника только и успели, что обменяться тяжелыми взглядами, когда адмирал приказал тем, кто его окружал:

— А теперь — всем раздеться! Всем! Не станем осквернять Сад Иеговы нашими одеждами, которые лишь напоминают о первородном грехе, за который Творец покарал нас стыдливостью! Долой любые покровы! И пусть приказ передадут остальным, то есть всем — до последнего юнги! Отныне снято с нас бремя греховности! Снимем же с себя и бремя одежд!

Лас Касас покорно, но со смертной мукой на лице стянул сутану и обнажил неприглядную (церковную!) бледность своего тела. На нем оста-

вались лишь широкие кальсоны из красного муслина — те, что когда-то подарили ему провинциальные тетушки, которые слепо верили, что его ожидает епископский сан, а может, даже и кардинальский.

Падре Буиль почувствовал себя жестоко оскорбленным. Какая непристойность: ему придется разгуливать нагишом там, где обитает Господь Бог (если, конечно, в утверждениях генуэзца есть хотя бы капля истины). А ежели все это лишь его досужие вымыслы? Тогда уж и вовсе не простительно ввергать служителей церкви в подобное непотребство…

На нем была роскошная сутана, сшитая в Севилье в районе Триана теми же мастерицами, что изготавливали монтеры[107] для самых знаменитых тореро. От адамова яблока до самого низа спускалась цепочка крошечных пуговиц, обшитых тканью. Из соображений дипломатии — или потому, что привык подчиняться земным властям, — падре Буиль нехотя, явно стараясь потянуть время, расстегнул первую дюжину. Адмирал с любопытством спросил:

— И сколько же этих пуговиц у вас всего?

---

[107] Примечания: 107
Монтера — головной убор тореро.

— Сто пятьдесят пять, — сухо ответил священник.

Колумб, веривший в магию цифр и никогда не забывавший о Каббале, прошептал:

— Сто пятьдесят пять! Именно столько лет жизни осталось нашему миру, и погибнет он в огне…

Колумб продолжил свой путь к роще. По дороге ему встретился юноша индеец (или ангел), который стал внимательно адмирала разглядывать. И тот обратился к нему на своем не слишком безупречном испанском:

— Скажи-ка мне, че[108]… большое дерево, очень большое дерево… — И он изобразил обеими руками в воздухе пышную крону.

Юноша, ни на минуту не задумавшись, повернулся и уверенно указал туда, где простиралась тропическая сельва и откуда их приветствовала стая туканов, громко щелкая своими желтыми клювами.

— Аграк, аграк, — произнес юноша.

— Благодарю тебя, добрый человек, — сказал адмирал и решительно велел спутникам: — Значит, вперед! Прямо и только прямо! Видите, Лас

---

[108] Примечания: 108

Че — распространенное в Аргентине и некоторых других странах Латинской Америки разговорное междометие, очень близко к русскому “эй”.

Касас? Они говорят на иврите! Как правильно я сделал, прихватив с собой раввина Торреса…

А молодой индеец, ангел с фигурой атлета, который уже слышал от касика Беккио добрую весть о прибытии богов, в восторге пал ниц, чтобы выразить им свое величайшее почтение.

Надо сказать, что мало кто последовал тогда за адмиралом на безрассудные поиски неведомого: его личные слуги, Кинтеро, Эскобар, несколько помиравших от скуки матросов, священники Лас Касас и Буиль, а также две или три шлюхи во главе с Болоньянкой. Но этих последних манил лишь жемчуг, прекрасный жемчуг размером с яйцо куропатки!

Примкнул к отряду и кое-кто из *неблагонадежных,* а именно те, кто предпочел держаться поближе к адмиралу, а не быть во власти оставшихся без капитана матросов. То были Жан-Лу Васслен, а также однорукий воин, которого нотариус отказался взять себе в помощники, и Ульрих Ницш. Присоединилась к ним также группа земледельцев, прослышавших, будто где-то в глубине райских земель произрастает отличный шафран (а на бирже в Антверпене он шел по десять тысяч мараведи за полфунта).

Адмирал шагал впереди всех, скромно опустив

глаза долу. Он боялся, что не сумеет побороть искушения и позволит себе взглянуть прямо. Про себя он не переставал твердить слова из Исхода: “…Подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его, чтобы не пали многие из него”[109].

Они все дальше и дальше углублялись в чащу. Кругом цвели орхидеи, похожие сразу и на птиц, и на рыб, — то пестрые, как галстук гангстера, то напоминавшие сдержанной окраской греческие орнаменты. А меж лиан и деревьев порхали огромные бабочки, будто опьяненные или ослепленные собственной роскошью. Казалось, они были рождены обезумевшей палитрой Тинторетто. Тут же макаки — то вполне добродушные, то наглые и злобные — вытворяли всякие непристойности или швыряли в путников зеленые орехи. Пауки — не столько бархатистые, сколько шелковистые — выглядели так, точно детство провели в волосах прекрасной женщины — скажем, Марии Феликс[110]. Свистящие какаду. Стаи лимонно-желтых попугаев. Трели тысяч и тысяч

[109] Примечания: 109

Исх. 19:1.

[110] Примечания: 110

Мария Феликс (1914–2002) — мексиканская актриса и коллекционер искусства, считалась “самым красивым лицом мексиканского кино”.

птиц. Элегантная поступь ягуаров, которых, как было известно адмиралу, нельзя дразнить, но и бояться не следует, ибо людей они пожирают, лишь когда рядом нет ни одной гиены.

“…Но поднимался пар от земли и орошал все лице земли”[111]. А можно было бы сказать и так, что этот пар напоминал дыхание горячечного пса.

Средь столь расточительного богатства и такого разнообразия, когда даже грязь сверкала искрами аметистов, аквамаринов и ляпис-лазури, вдруг увидели путники вдали небольших собак — молчаливых, бесшерстных и почти бесцветных. Как гласили местные предания, умели они поглощать те души умерших, которые по какой-то причине не смогли перейти в мир Всеобщего. В здешних землях лишь на собак пожалел Господь красок, что уже само по себе было примечательно, ибо, судя по всему, безудержно отдался Творец соблазну быть романтичным и даже вычурным в стиле барокко.

Адмирал поспешил сообщить Лас Касасу то, в чем был совершенно уверен (но некоторые будущие авторы истолковали его слова превратно — в вульгарно коммерческом смысле): скоро найдут

---

[111] Примечания: 111
Быт. 2:6.

они куски чистого золота, и это будет неоспоримой приметой Рая, а также камень оникс и душистые смолы.

— "…И золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс…"[112] Вот что необычайно важно!

Хотя сам он жаждал отыскать знаки и знамения, а не гнался за пошлой материальной выгодой. Еще до наступления ночи они заметили, что деревья стали выше, а их стволы крепче и прямее.

Попалась им на пути великолепная черная с желтым анаконда. И размер, и роскошь узора убеждали, что именно она в давние времена вела коварные беседы с Евой. К счастью, змея поспешила скрыться в густых зарослях.

Наконец у подножия невысокого холма обнаружили они поляну, где царственно тянулись к небу мистоль с мощным стволом и огромная красавица сейба. В вечерних сумерках крона сейбы выглядела одновременно спокойной и грозной. Это и было Древо.

Адмирал обошел вокруг сейбы и приказал разбивать лагерь прямо здесь. А его гамак привесить к нижним ее ветвям. Спутникам же посоветовал

---

[112] Примечания: 112
Быт. 2:12.

соорудить для себя легкие хижины, дабы было где укрыться от столь частых в этих краях ливней.

— Здесь бьет из-под земли источник и дает начало великому потоку. Мы достигли порога Начала Начал, — объяснил он.

И тотчас улегся в гамак, надежно защищенный сверху густой кроной Древа жизни. Сквозь сетку гамака, сплетенного из камыша, просвечивало белое тело открывателя новых земель. Можно было подумать, что это попала в ловушку обезьяна-альбинос. Или что у сейбы, изнасилованной каким-то другим деревом, скажем мушмулой, родился такой вот уродливый плод.

Адмирал отдыхал. Не от превратностей долгого пути, а от вековой усталости, вызванной страхом смерти. Колумб погрузился в глубокий сон. Итак, он вернулся. Но отнюдь не в уютное лоно Сусаны Фонтанарросы. Рай обретен вновь, настал конец энтропии, вырождения, унизительной “жизни ради смерти”.

А два любезных ангела, два аборигена, стараясь услужить богу, пришедшему из-за моря, отгоняли от адмирала мошек пальмовыми опахалами.

“Декрет о наготе”, продиктованный адмиралом под Древом жизни, был отправлен на побережье.

Там уже вовсю кипела работа: строили тамож-

ню (она же будет использоваться под склад), церковь, казарму, тюрьму, когда глашатай зачитал Декрет, суть которого вкратце сводилась к следующему: можно считать доказанным, что они ступили на землю Эдема, где никто не знает греха, а значит, неуместны стыдливость и целомудрие.

Декрет был с восторгом принят шлюхами и бывшими каторжниками. И началось… Шабаш и свистопляска. Словно спустили с цепи свору жестоко зажатых прежде страстей.

Проститутками командовала Шпагоглотательница, которая, поняв новый Декрет по своему нехитрому разумению, тотчас устроила шумную пирушку. Обнаженное тело как символ чистоты и целомудрия? Вот уж это им было совершенно ни к чему. Они оголялись со вкусом, на бордельнй манер: прозрачные панталоны, подвязки и корсеты, какие носили римские кардиналы…

Некоторые эстремадурцы и андалусцы кидались на них, словно солдаты на монашек. И по всему берегу валялась, как раздавленные скунсы, сорванная одежда.

Правда, многие все-таки не решались исполнить декрет адмирала: им казалось, что без одежды они будут похожи на очищенные ба-

наны.

— Чем больше свободы, тем меньше удовольствия, — завистливо шипел священник Скварчалуппи, без устали наблюдавший за все новыми изощрениями порока. — Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Трезвомыслящие люди консервативных взглядов пришли в ужас. Королевский инспектор вдруг понял, что окончательно потерял контроль над происходящим. Нотариус Родригес де Эскобедо заявлял кое-кому из благородных сеньоров, например Нуньесу де Мендосе, что не только не снимет одежду, но отныне не позволит себе расстегнуть хотя бы одну пуговицу на своей толедской кирасе — несмотря на тропическую жару.

— Мы же не дикари, черт побери!

Буйство пришельцев изумило аборигенов. Они никак не могли понять случившиеся с богами причудливые перемены. Но услужливо исполняли любые их просьбы. Хотя и не могли взять в толк, почему с таким жадным любопытством глядели бородачи на самые обычные части человеческого тела. Почему с таким необъяснимым восторгом относились к самым рядовым вещам.

Ну разве не забавно хотя бы вот это: занимаясь

с женщинами, они подражали привезенным на каравеллах животным — сопели, как свиньи, в возбуждении кричали пронзительно, как ослы, и дрожали, как кобылицы.

За оглашением Декрета последовало естественное и неизбежное продолжение: отслужили благодарственную мессу и пропели *Te Deum*, ведь люди прощались с целым этапом своей истории — прощались со смертью. Однако и сама эта месса была вроде бы лишней (в Раю не бывает месс).

Падре Буиль все же решил отслужить ее, но весьма неохотно и вопреки протестам молодых священников и послушников:

— Неужели эти грешники и есть обитатели Рая? Генуэзец просто спятил. Еретик! Они же спариваются повсюду как кролики!

В одиннадцать месса началась. Все ликовали, прощаясь с Грехом.

Salve Regina и *Te Deum* теперь больше напоминали зачатки будущей зажигательной румбы. Хор семинаристов следовал ритмам ангельских тамбуринов и арейто. Финалом *Te Deum* стал танец принцесс и других юниц, быстро вращавших бедрами. Главной опять стала Анакаона, которая привлекала к себе все взоры — на ней была лишь крошечная танга из перышек с затылка птицы

кецаль (что считалось тут роскошью, которую, по меркам европейцев, можно было приравнять к норковому манто).

Служки и семинаристы из хора безнадежно фальшивили, жадно глазея на дюжину соблазнительных и без устали крутящихся ангельских попок…

Семинаристы-иностранцы — Тиссеран, Даниелу и Каджиан — безутешно рыдали, запершись в черном ящике, временно приспособленном под исповедальню.

– *Finis Eclessiam*[113], — прошептал Каджиан.

Протесты, конечно, были, но в общем и целом Декрет не оставлял места для богословских споров и заканчивался смелым утверждением: “Мы воссоединились со Всевышним”.

Добавим, что была отменена (по тем же теологическим причинам) назначенная на вечер коррида. Ведь бой быков — одно из самых наглядных проявлений Греховности и следствие Первородного греха.

Быка держали под навесом из листьев. Отчаянные протесты Жоана Вельмонта не помогли. Королевский инспектор уже не мог ничего из-

---

[113] Примечания: 113
Конец Церкви *(лат.).*

менить: бык должен был пойти на племя либо использоваться на полевых работах.

“Декрет о жизненном укладе” прибыл неделю спустя. И поверг всех в великое изумление, ибо в корне рушил изначальные планы иберов. Он также был доставлен из-под Древа жизни гонцом и зачитан герольдом.

Этот документ оказался еще менее вразумительным, нежели первый.

Мы, утверждал адмирал, достигли пределов Безграничного, где любой человеческий труд теряет всякий смысл. Бурная деятельность, которую белые европейцы превратили в припадки пароксизмальной активности, — это всего лишь *пострайский синдром* и форма наказания (Адам абсолютно ничего не делал, пока его не изгнали из Эдема за невольную эротоманию).

К тому же труд, по его словам, для европейцев давно перестал быть первоосновой, потерял изначальное значение и превратился в своего рода состязание с Богом, то есть в болезненную демонстрацию собственных способностей, породив вавилонскую гордыню и дьявольскую язву бунтарства.

Короче говоря, адмирал просто-напросто взял и отменил всякий труд.

Декрет обязывал инспектора короны уничтожить все колеса, молотки, серпы, лопаты, веревки, блоки, тиски, ножи, гири, весы, эталоны мер и весов, чиновничьи бумаги, оружие, орудия инквизиторских пыток, музыкальные инструменты и так далее и тому подобное.

На сей раз сопротивление было куда более серьезным, а возмущение даже попахивало революцией. Ведь теперь речь шла уже не о наготе телесной: им приказывали оголить все свое время, весь свой быт, остаться лицом к лицу с чистой реальностью, не наполняя ее спасительными каждодневными заботами.

В итоге только доверчивые простаки и отпетые лодыри сразу отказались от своих инструментов. Крестьяне же, неисправимые *kulaks*, зарыли серпы и точильные камни в землю, как собака зарывает отнятую у врага кость.

А те немногие орудия труда, что были все-таки брошены, поспешно были подобраны спекулянтами, которые в самом скором времени станут перепродавать их уже по новым ценам — “импортным”, то есть установленным на американском рынке.

Как стало известно, адмирал советовал всем *погрузиться в гармонию*. Предаться безмятежной

и сдобренной легкими беседами праздности, а также размышлениям, возвышающим и радующим душу. Неплохо было бы и посвятить себя искусствам (только при этом решительно избегать всяких паскалевских и кафкианских вывертов!). И конечно, отдать дань любви. Но — без вожделения! Короче, из жизни должны быть изгнаны любые драмы. Полное расслабление.

Кроме того, он просил их принимать дары Рая как нечто естественное. Ну для чего они набирают целые кучи ананасов или манго? Надо изживать в себе дух лавочников, как и дух стяжательства! Отныне запрещается заготавливать что-либо впрок. А разве недостаточно мужчине одной женщины? Для чего хватать полдюжины лангустов, если хватит всего двух — плюс один хороший лимон?

Надо просто жить! Безмятежно наслаждаться даровыми плодами Эдема. Жить, не чиня себе препон! Гамак адмирала отныне следовало считать символом счастливого возвращения в материнское лоно. Надо восторгаться нежным пением птиц и различать тысячи разных оттенков в их оперении. Надо учиться тихой жизни у орхидей. За что убиваем мы пантеру, если она, охотясь на других зверей, всего лишь добывает

себе пищу насущную?

Он посоветовал попробовать табак — порок, доселе его спутникам неведомый. А также кокосовое молоко. И лучше будет, если все они перейдут по возможности на растительную диету (но без фанатизма!). Адмирал предупреждал: “Избегайте красного мяса, это источник злобы и низости”.

По прошествии двух недель они стали ощущать, что без Зла многие вещи теряют всякий смысл. Окружающий мир вдруг лишился красок, поблек, и час за часом словно утекали в пустоту. На самом деле хваленый Рай оказался миром наоборот — скучным, слишком голым и слишком дневным (поскольку ночь уже не была настоящей ночью). Ходить нагишом в землях, не знающих Греха, было все равно что явиться во фраке на бал уже после разъезда гостей.

А они были рождены и воспитаны, дабы творить добро. Грешить, но потом снова вставать на путь добра.

Декрет адмирала объявлял, что они обрели спасение, и это выбивало их из колеи как в физическом, так и в метафизическом смысле.

— Просто жить! Какая скука!..

Священники бродили по берегу в отвратительном настроении. Собирали причудливые

ракушки, закатав рукава сутаны и расстегнувшись. Им тоже было скучно, никто не шел к ним на исповедь. Правда, голые земледельцы все равно просили, чтобы они служили мессы и проводили с ними уроки катехизиса. А какая-нибудь проститутка, совсем забыв о приличиях, приглашала “прогуляться”.

Между тем матросы, даже сняв одежду и вроде бы согласившись *просто жить*, не забывали о желаниях и планах, прихваченных с собой из реального и грешного мира. Уже с десяти утра начинали они бродить по лагерю. Сбивались в кучки, расхаживали от кокосовых пальм до рифа и обратно. Мрачные. Голые, точно рекруты на медицинском осмотре.

Они зевали. По сто раз переспрашивали, в котором часу будет обед. Потом ели — без соусов, перца и вина, а также без мяса, тоскуя по фабаде[114] и рагу. Прямо как в санатории!

“Пение тысячи птах”, о которых писал адмирал, оставляло их равнодушными. Давно перестали потешать и выходки обезьян.

Зато, спасаясь от безделья, изобрели они способ изготавливать разные фигурки из сока каучука

---

[114] Примечания: 114

Фабада — традиционное блюдо астурийской кухни, густой суп с копченой свиной рулькой или грудинкой и колбасами.

— и пускали по волнам сотни щеглов, чаек и смешных зверюшек. А потом стреляли по ним, упражняясь в меткости.

Однако по-прежнему давала о себе знать привычка непременно что-то *делать* — главная деталь в том механизме, который заставлял европейского человека страдать и радоваться. Но теперь это случалось тайно и под покровом ночи. Днем крестьяне спали в гамаках, а ночью отправлялись на делянки и до рассвета рубили кустарник или выпалывали траву. Закончив расчищать свой участок, звали землемера и нотариуса, и те должным образом оформляли право собственности, за что им платилось вдвое против официальной таксы.

Священники Буиль, Вальверде, Коланхело и Пане открыто выступали против новых порядков. Не таясь, с большим энтузиазмом готовили они тесто для облаток — правда, теперь уже из кукурузной муки.

Да и сами Колумбы (братья, племянники и кузены адмирала) примкнули скорее к лагерю недовольных и на каждом углу возмущались сюрпризами райской жизни. Они покинули Геную, надеясь прославиться и разбогатеть, о чем адмирал так и написал в послании к королям:

“Теперь первооткрывателями мечтают стать даже ткачи”.

Джакомо Рико и другие генуэзцы из транснационального агентства видели: время идет, а никаких доходных дел как не было, так и нет. Рай оценивал свои земли по всем законам *маркетинга*. Генуэзцы были опытными дельцами и быстро убедились, что наступил нежелательный и весьма опасный момент “нулевого роста”. Но сообщать об этом руководству пока не спешили.

Многочисленная группа недовольных предпринимателей — от сыровара Баварелло до золотоискателей — на чем свет стоит теперь поносила ландскнехтов, капитанов и любых представителей власти. Плелся заговор. В него был втянут даже палач Капуча, хотя обычно его сторонились, так как он, считалось, приносил неудачу.

Франсиско Рольдан, человек из охраны Бартоломе Колумба, смуглый субъект с большими усами и прямыми длинными волосами, сделался вдруг заметной фигурой.

Он нагло присвоил себе звание полковника (оно было итальянской выдумкой, малоизвестной в те времена в Испании). С явным вызовом налепил на куртку нашивки и шевроны, а потом

начал носить еще и шлем, как у прусских ландскнехтов, увенчанный наконечником копья.

В любовницы он взял Дьяволицу и руководил заговором из “полевого” борделя, построенного по ее приказу ангелами на отмели, прозванной Каменным мысом.

Рольдан принимал своих сторонников, лежа в гамаке, покуривая большие сигары и попивая манговое агуардьенте. Он обливался потом, ибо ни за что не хотел скинуть куртку, на которой были прилеплены эполеты с золочеными кистями, снятыми с переносного алтаря (недавно отправленного на склад).

Именно там, в борделе, Рольдан начал рассуждать о “родине и достоинстве”.

И очень быстро превратился во влиятельного человека. Взлет его был стремительным и неудержимым.

Недовольство росло, однако с новыми Декретами приходилось считаться. Пока никто еще не решался оспаривать приказы законной власти.

Райская нагота, установленная адмиралом, мало-помалу пробивала брешь в извечных понятиях о стыдливости. Медленно, постепенно вступали пришельцы в период коллективной “открытости”. И казалось, будто они только что

вылупились из своей брони и своих одежд. Потому и выглядели не столько голыми, сколько неполноценными, как ощипанные курицы. Бледность их тел, многие годы не видевших солнечных лучей, производила дикое впечатление. Про некоторых можно было подумать, что их насильно вывели на свет божий после многолетнего пребывания в катакомбах.

Но уже пару недель спустя в большинстве своем они, глядя друг на друга, краснеть перестали. И, как это обычно происходит, образовались авангард наглого бесстыдства и консервативный арьергард, не скрывавший своего возмущения Декретами. Арьергард составили Буиль, Нуньес де Мендоса и люди благородного звания, а также *полковник* Франсиско Рольдан, который на тайные собрания являлся — и это приходилось терпеть! — под руку с Дьяволицей. Но теперь она одевалась с ног до головы в черное, и грудь ее украшала камея “мадам” на непременно черной шелковой ленте. (Сама она больше не “работала” и часто заводила речь о “ценностях семейной жизни”, однако племянниц касика Беккио обучила нескольким ходовым в борделях приемам: таким, скажем, как стиль “собачка” и “герцог Омальский”.)

Но тут нельзя не отметить, что та любовь без страданий и ненасытности, которую проповедовал адмирал и которой дал теоретическое объяснение ландскнехт Сведенборг, в реальности вылилась в безудержную вакханалию. Многих охватила мания повторения: чем чаще и больше, тем лучше. Но разве так подобает вести себя в Раю? Поэтому люди добропорядочные вроде падре Лас Касаса надеялись, что помрачение скоро рассеется и жизнь вернется в прежнюю колею. А пока пришельцы вели себя как свора голодных псов, которых долго держали в клетках, а потом разом и в одном месте выпустили на волю. (Со времен принятия христианства Константином люди не обнажали своего тела и не знали свободной любви!)

Всего за несколько дней пришельцы почувствовали себя пресыщенными, опустошенными. Да и силы начали иссякать. Тем не менее вновь и вновь поднимались они на дрожавшие ноги, чтобы бежать за ангелицами и опрокидывать их на песок.

Однако, как вскоре выяснилось, у человеческого организма есть досадные пределы — пределы его физических возможностей. И это вызывало ярость и отчаяние. Самые буйные и неосмотри-

тельные рискнули подступить почти к самому краю бездны, испробовав весьма рискованные средства. Но лишь понапрасну истратили силы, мало что получив взамен. Не помогали даже отвары и мази местных колдунов. Их действие было обманчивым и нестойким. Что ж, пресыщение — одно из самых изощренных и жестоких наказаний, посылаемых Создателем, оно-то и является "противоядием от греховных наслаждений", как выразится позднее разгневанный падре Буиль.

Эти события коснулись и Церкви. Падре Скварчалуппи, всегда веропослушный, всегда остававшийся преданным учеником святого Августина и святого Фомы, вдруг повесил сутану на ветку дерева. И присоединился к всеобщей вакханалии. За ним последовали еще четыре семинариста. Сначала к этому отнеслись с интересом, ибо они принесли кое-что новенькое — кое-какие весьма порочные семинарские приемы. Но и они вскоре наскучили.

Дезертирство Скварчалуппи, к которому можно было приравнять и не менее возмутительную толерантность Лас Касаса, который во всем поддерживал адмирала, дали повод для жестких богословских баталий. Каджиан и Пане считали, что и тот и другой должны быть отлучены

от церкви, ибо слугам Господним не пристало ходить голышом даже в Раю. Скварчалуппи, защищаясь, указал на разницу между Раем небесным, где блаженные воскресают в телесной оболочке, но без постыдных желаний — будь то плотские утехи или чревоугодие (как учил святой Фома), и Раем земным, куда привел их адмирал. Рай земной подробнейшим образом был описан святым Августином в его труде “О граде Божьем против язычников”. В Раю земном имеет полную силу заповедь “плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю”, возвещенная Иеговой в Бытии (1:28). Да, именно эти строки рассеяли сомнения Скварчалуппи и вдохновили его на любовные подвиги. Иными словами, теперь он целиком и полностью разделял воззрения Сведенборга.

Иерархи, с досадой выслушав их перебранку, назвали спорщиков тайными иудеями и неисправимыми милленариями. Приговор был оставлен *in suspectis*[115], а инквизиторские пытки и костер откладывались до той поры, когда будут отменены, как они ожидали, Декреты генуэзца.

Рольдан между тем рвался в бой и хотел начать действовать без проволочек, так что падре Буиль

---

[115] Примечания: 115
Здесь: под вопросом *(лат.).*

с трудом уговорил его повременить.

Между тем у иберов возникли и весьма очевидные проблемы. Как сделать еще более соблазнительными прекрасные тела голых ангелов, которые с улыбкой исполняли любые их прихоти? Как к естественному для них глупому и пресному послушанию добавить острый вкус насилия?

Всего нескольких дней хватило, чтобы из-за тоски по Греху и по Злу все прочее стало казаться невыносимо скучным. Тусклая механика, о которой и рассказывать-то было неинтересно. Обычные садомазохистские игры вдруг лишились так нужного им разно- образия.

А из глубин новых земель прибывали караваны юных девушек, и каждая с радостью готова была отдаться пришедшим из-за моря богам.

И тогда произошли первые странные события, первые преступления на сексуальной почве. Затем они стали бесконечно повторяться и позднее были так описаны самим падре Лас Касасом: “Люди не могли удержаться, они нападали на островитянок, похищали их на глазах у отцов, братьев, супругов, занимались насилием и грабежом”.

Мало того, пришельцы принялись наряжать

ангелиц в “европейское белье и платье”, хотя сами при этом чаще всего оставались голыми, согласно предписаниям Декрета.

У Дьяволицы был нюх на выгодные дела. Она поспешила нарядить двух своих подопечных девиц монахинями Конгрегации сестер Божьей Матери Милосердия, а местным девушкам — к полному их недоумению — велела нарядиться европейскими дамами либо веселыми баскскими молочницами. За пару дней доходы ее заметно выросли. Пришлось даже вводить предварительную запись — не позднее чем за 72 часа. И это несмотря на то, что за стенами хижин, принадлежавших борделю, можно было без труда найти десятки обнаженных женщин. Приток гостей в заведение Дьяволицы вырос настолько, что над стойкой бара срочно повесили табличку:

> Предупреждаем достопочтенных клиентов, что категорически запрещается делать дважды, не вытаскивая.
>
> Администрация

Следом за принудительным одеванием последовала и другая форма насилия — жестокие побои. Крики жертвы помогали почувствовать себя настоящим мужчиной, от чего многие успели

отвыкнуть из-за отсутствия объекта господства. Вопли, свист хлыста, стоны… И очень скоро, как и следовало ожидать, это закончилось убийством: однажды утром — то было первое облачное и угрюмое утро в землях, где небосклон вечно чист и прозрачен, — обнаружилось изуродованное пытками тело прекрасной принцессы Бимбу. Оно было подвешено за левую руку к кресту- виселице.

Адмирал отдыхал под Древом жизни, покачиваясь в гамаке и стараясь одолеть накопившуюся за века усталость Запада.

Он то дремал, то наслаждался ни с чем не сравнимой гармонией птичьего пения, то пытался постигнуть забытый людьми язык растений. Ему не мешали ни докучливые выходки обезьян, ни любопытство ангелов, которые нескончаемым потоком прибывали к Древу, дабы поклониться богам, пришедшим из-за моря. Они приносили ему хлеб, лепешки из маниоки и протягивали тут же расколотые кокосы.

Ландскнехт Сведенборг меж тем заводил с ними разговор на еврейском и был несказанно счастлив, находя подтверждение своим теориям о происхождении ангельского языка.

Удрученный Лас Касас пробовал так или иначе

примирить земное богословие, которому учили его в семинарии, с реальностями райской земли.

Но наибольшую пользу из этих великих событий извлекал Ульрих Ницш, который более двух десятков лет шел по следу адмирала — со дня своего прибытия в Вико-де-Л'Оливелла. И, как оказалось, не прогадал. Ведь только теперь, только в этих землях, куда они наконец-то попали, можно будет доказать, то есть безоговорочно доказать, справедливость тех философских построений, которые защищал он, рискуя жизнью, вызывая ярость “людей здравомыслящих” и заставляя ярче пылать костры инквизиторов-ортодоксов.

Ницш знал, что его идеологический бунт был самым смелым и рискованным со времен Христа. Он объявил людям, что Бог умер.

Да, именно так: умер Прекрасный Старец, легкомысленный, своевольный, властный и по рассеянности жестокий… Который мог быть неотразимо обаятельным, когда, например, принимался вдохновенно раскрашивать крылья бабочек или изобретать рисунок для шкуры леопарда.

Бог умер. Но люди-то продолжали жить — измельчав и став похожими на маленьких червячков вокруг великого трупа.

Ницш наблюдал нагих индейцев, их простые отношения с Природой. То, как они с наивным любопытством рассматривали его огромные усы и карие с желтыми крапинками глаза. Тиран умер, не успев искалечить им души унижением. Ульрих Ницш знал, что Иегова, подчинивший себе весь целиком иудеохристианский Запад, был в действительности демоном-победителем, демиургом-разрушителем.

И теперь настал час, когда можно было добыть решающие тому доказательства. Ницш ликовал и готовился к этому шагу: по утрам приветствовал на своем гортанном наречии появление солнца, купался в священном водоеме таино и неподвижно лежал на поверхности воды, вперив взгляд в небо и поглаживая мокрые усы.

Ландскнехт не вступал в пустые споры с адмиралом, который пребывал в блаженном неведении и все ждал возвращения Господа, пусть хотя бы с кратким визитом, в покинутый им некогда Сад. Ульрих Ницш не спорил с ним и не посвящал в свои планы, пока продумывал эту чрезвычайной важности экспедицию, которая имела, скажем так, *гносеологический смысл*.

Получив проводников от касика Гуайронекса и взяв в качестве помощника раввина Торреса,

бегло изъяснявшегося на иврите и английском, Ницш направился вглубь сельвы — на поиски следов бога Иеговы.

Они шли по зеленому ковру мимо высоких деревьев благородных пород, густо увитых орхидеями. Им приходилось вести переговоры со стаями злобных макак. Потом просить позволения у ягуаров, чтобы пройти через их владения, и соглашаться при этом на их условия. И наконец достигли они Священного холма, похожего на сооружение из римского камня, — до поразительного купола, невесть откуда взявшегося в дикой чаще.

На одном из склонов холма обнаружили они портик из белого камня, где воцарились алчные лианы. У Ницша не осталось никаких сомнений: то были знаменитые Восточные врата, через которые Адам и его жена понуро отправились в новую для них многотрудную жизнь.

Раввин Торрес вынужден был признать правоту ландскнехта (хотя они с трудом понимали друг друга, объясняясь на университетском греческом). Итак, все здесь доказывало: много веков сей Сад стоял в запустении, поскольку хозяин его умер. Вот почему индейцы вели себя как дети, выросшие без крепкой отцовской руки. Вот по-

чему не знали они ни дисциплины, ни строгих порядков.

Разве нужны тут еще какие-либо доказательства? Однако Ницш и Торрес две ночи подряд с упорством энтомологов просидели в засаде. И ждали, не подаст ли Он знака, что по-прежнему жив, что власть его по-прежнему всесильна. Но ничего так и не дождались.

Оставалось последнее средство. Всем известна гневливость Иеговы. И вот иудей Торрес испражнился на крест, а немец Ницш пустил струю на Звезду Давида. Но… Черные тучи не налетели на них, небеса не разверзлись, грозные молнии не поразили нечестивцев. Вместе с рассветом пришел восхитительный ясный день, который сотни жаворонков приветствовали своим пением.

В порыве дикой радости Ницш взвыл. Так родился человек, не знающий тяжелой власти Тирана. Сверхчеловек.

— Греция! Греция! — закричал Ницш.

Затем повернулся к раввину Торресу, и тот показался ему ничтожным и жалким с его сефардской бороденкой и робкой наготой, предписанной Декретом… Ницш не мог побороть соблазна и одним ударом свалил раввина с ног. Но тут же раскаялся и сам же помог тому подняться, а пока

Торрес отыскивал на земле свои очки, попросил у него прощения.

Итак, Ульрих Ницш окончательно уверовал: настала пора вернуться к обычаям предков! Снова стать праздными и жестокими, жить, глядя в лицо опасности, отвоевать жизненное пространство у тех, кто преклоняется перед смертью!

Бунта было уже не избежать. Назревал первый в истории этих земель переворот, которые позднее стали называть “боливийскими переворотами”. И нужную почву для него подготовили Декреты адмирала. А пресыщение сексом и высокие цены в борделе Дьяволицы создали необходимые “исторические предпосылки” (так выразится *неблагонадежный* Мордехай, комментируя развитие событий).

Жизненная бездеятельность сменилась лихорадочной суетой заговорщиков. Экономические и эротические интересы переплелись и определили характер их действий и целей.

В понедельник в восемь часов утра на улицу вышел *полковник* Рольдан в шитом золотом мундире и сапогах, которые до зеркального блеска начистили ему шлюхи. Он прошествовал от Каменного мыса до так и не достроенного собора. За ним следовали Адриан Мухика (будущий грез-

ный министр внутренних дел), Диего де Эскобар, Педро Вальдивьесо, а также аптекарь Берналь, который теперь защищал принципы свободного рынка и спешил заработать побольше, торгуя разными травами и снадобьями, позаимствованными у местных знахарей и превращенными в таблетки. Братья Поррасы тоже встали на сторону Рольдана. Но в первую очередь надо было выяснить, кого поддержат церковные иерархи, а также сеньоры феодалы и представители Банка Сан-Джорджо.

Речь Рольдана была патетична, националистична и предсказуема. Он обратился к народу, взобравшись на бревенчатый фундамент колокольни. Пообещал свободу индейцам (естественно, с учетом “личной ответственности, предусмотренной христианской доктриной”). Призвал к восстановлению морали и добрых нравов, имея в виду осуждение райской наготы и свободной любви (если они вырывались за стены домов терпимости, умеющих ловко скрывать неприличие). Посулил быстрое и хорошо спланированное экономическое развитие. Одним словом, произнес первую из прозвучавших в Америке “западную и христианскую” речь.

Однако в тот же самый день Рольдан продик-

товал распоряжения, которые устанавливали систему тайного рабства, — они касались “энкомьенд” и “репартимьенто”[116]. Кроме того, дозволялось отныне брать местных женщин в наложницы и служанки, будь они какими угодно принцессами.

Уже вечером встревоженный Лас Касас запишет в своей “Истории Индий” (Книга 1, гл. CLX):

> Можно было видеть, как самый никчемный люд из Кастилии – кто с отрезанным ухом, кто осужденный ранее за убийство – брал в вассалы королей да знатных сеньоров для самых низких и черных работ. И их жены, дочери и сестры брались силой или по доброму согласию. Этих женщин называли они “своими прислужницами”. Рольдан же бесстыдно сказал: “На пользу себе обращайте все, что только сможете, ибо не знаете, сколь долго сие продлится”.

---

[116] Примечания: 116

Энкомьенда — форма зависимости населения испанских колоний от колонизаторов (своего рода крепостное право), введена в 1503 г., отменена в XVIII в.; *репартимьенто* — в испанских колониях XV и XVI вв. (в Новом Свете и на Филиппинах) так обозначали распределение между колонистами земли, а также коренного населения (рабов).

К примеру, Хуану Понсе де Леону, меланхоличному и утонченному сладострастнику, досталась дочь касика Гуайронекса. Кристобаль де Сотомайор, любитель соколиной охоты, получил сестру касика Агейбаны.

Придворный хронист Педро Мартир записал, что по завершении своей торжественной речи Рольдан хитро подмигнул земледельцам, еще не решившим, стоит ли вставать на сторону революционеров, и сказал им буквально следующее:

> Идите за нами! И тогда сможете побросать свои мотыги, и руки ваши будут знать одну работу – поглаживать гладких бабенок! Трудиться будут индейцы, а вы – отдыхать!
>
> *Декады о Новом Свете. Книга V, гл. V*

Затем все поспешили к центру площадки, на которой планировалось возвести собор, и у подножия креста-виселицы прочувствованно пропели *Te Deum* вместе со снова собранным хором семинаристов и служек.

Падре Буиль, стоявший по правую руку от расфуфыренной Дьяволицы, поднялся на ящик-амвон (со временем его заменили новым, который индейцы Миссии украсили сценами Голгофы

и которым сегодня можно полюбоваться в Санто-Доминго). Он заявил:

— Первородный грех — источник всех наших бед, покаяние — наш путь. И нет в жизни более достойной цели, нежели спасение, то есть исцеление от греха, но достигнуть его невозможно, пренебрегая таинствами *Святой-Нашей-Матери-Церкви*. И не слушайте тех проходимцев, что станут утверждать, будто есть еще какой-то Рай, помимо небесного. Нет, Рай, он один. И попадет туда после смерти лишь тот, кто при жизни явит пример послушания и смирения! Как сказал полковник Рольдан в своей исторической речи, мы свободны, но не должны забывать слова святого Августина о том, что свободная воля порождает грех.

Родичи Колумба во главе с губернатором Бартоломе Колумбом не были готовы устраивать откровенные протесты. Но и они тоже втайне надеялись на скорое восстановление права на труд.

Поэтому сочли за лучшее послать на Каменный мыс двух эмиссаров для ведения переговоров, но сделали это без ведома адмирала, который по-прежнему пребывал под Древом жизни.

А Рольдан между тем лежал в гамаке и пил агуардьенте. Ему доложили:

— Сеньор полковник, прибыли эмиссары от Колумбов…

— Расстрелять, — приказал Рольдан с мрачным лаконизмом человека, который вводил в моду новый стиль.

Послышались нестройные выстрелы. И тотчас снедаемый любопытством *полковник* снова призвал сержанта Карриона, чтобы спросить:

— Че, так какого дьявола было нужно этим эмиссарам?

Тем дело и закончилось. Бартоломе Колумб потерял двух своих никчемных племянников. Назавтра он послал Дьяволице, известной сластене, большое блюдо с *frittelle*[117] в сахарной пудре. Падре Буиль посодействовал сохранению статус-кво.

Это был настоящий путч. Рольдана пришлось назначить Главным алькальдом, на деле он держал в руках все нити власти и, естественно, завладел ключами от арсенала и порохового погреба. Что ж, подобные военные перевороты станут в дальнейшем самым распространенным государственным преступлением в Америке.

Народ ликовал. Торговля не прекращалась да-

---

[117] Примечания: 117
Блинчики *(итал.).*

же ночью. И в качестве доказательства полного восстановления прав испанского богословия во всех его формах уже в ближайшее воскресенье в пять часов пополудни на арену был выпущен бык Жоана Вельмонта.

Матадор показал себя во всей красе. Шпага вошла в зверя по самую рукоятку.

Представители финансовых и деловых кругов сумели подогреть дух созидания, затуманенный райским блаженством и соответствующим нежеланием чем-либо себя утруждать.

Жажда деятельности вернулась с дьявольским напором. Побережье стало похоже на улей, где сновали обезумевшие пчелы.

Рольдан, как было известно, имел свои интересы в Большой каталонской компании (ткань, саржа, книги) и потому весьма скоро издал новый указ, согласно которому всем предписывалось в течение 72 часов прикрыть свою наготу.

На смену коротким юбочкам пришли рабочие фартуки. Так что индейские женщины, не исключая принцесс, вдруг уподобились не то монахиням, не то горничным.

Развернулась торговля нижним бельем “для дам” — непременно бордельных фасонов, что давало выход мстительному фетишизму иберов,

которые чувствовали себя оскорбленными из-за естественной наготы аборигенов.

Теперь началась бельевая вакханалия: черные панталоны с красными лентами, резиновые подвязки, обшитые жатым шелком, корсеты с бесконечными шнуровками и невообразимыми петлями. Вновь стала доступна сладкая пытка — томительное расстегивание многочисленных пуговиц. Оказалось, что спрос обогнал предложение — обнаружилась острая нехватка европейских тканей и фурнитуры. Дошло до того, что у падре Буиля украли сутану. Полицейские собаки отыскали ее у моря: она лежала в песке изодранная и скомканная, похожая на дохлого ворона. И разумеется, с нее исчезли все 155 пуговиц. Они, вне всяких сомнений, попали в одну из подпольных фабрик фетишистской одежды.

Любые случаи публичного оголения и “непристойного выставления тела напоказ” жестоко наказывались и осуждались с амвона. Бордель Дьяволицы открыл два филиала. Наконец-то Болоньянка и Шпагоглотательница тоже смогли стать “мадамами”.

А вот принцесса Сибоней наотрез отказалась надеть глупый серый передник и белые муслиновые чулки. Она явилась на Кафедральную

площадь в час наибольшего скопления народа — совершенно нагая, величественная, с лучезарной улыбкой на устах.

Ее арестовали, над ней измывались, она предстала перед судом. (В Севилье в Архиве Индий до сих пор хранится полицейская регистрационная карточка: “Сибоней и др. обвиняются в нудизме и употреблении наркотиков”. Документ № 5885. Полка 72.)

Еще до поступления соответствующих инструкций из Испании священники постановили, что местные жители ангелами не были. Падре Буиль, Вальверде и другие негласно провели многомудрую епископскую конференцию (хотя Ватикан еще не назначил туда епископа). И на ней утверждения адмирала были признаны ложными. А ландскнехта Сведенборга объявили безумцем, какового подобает держать под замком.

До сведения верующих довели: нет здесь ни ангелов, ни *преадамитов*, которые якобы обитают в каком-то земном Раю, не зная греха и смерти. Они смертны! Оставалось только определить, есть ли у них душа, а если есть, то сколь она велика. И пока надлежало обращаться с аборигенами мягко и ласково, как с домашними животными.

Соответственно в новых церковных инструк-

циях устанавливалось, что изнасилование индейской женщины — грех простительный. Священникам, принимающим исповедь, рекомендовалось отпускать его, налагая епитимью: три раза прочесть “Отче наш” и три раза “Богородицу” (примерно то же самое, что и за мастурбацию при воспоминании об испанской возлюбленной или перед ее портретом).

Подобного рода церковные разъяснения были совершенно необходимы, чтобы направить в нужное русло действия разного рода предпринимателей в момент столь бурного экономического *take-off*.

Индейцев принялись переправлять в Севилью и там продавать как рабов. Первая партия состояла из пятисот единиц. Но они плохо переносили путешествие: умирали от пневмонии и тоски. И не имели даже того несокрушимого утешения, какое было у африканских негров, — их музыкальных ритмов. В общем, затея провалилась.

Наступили годы деловой лихорадки. Рабочих рук было в избытке, а кроме того, постепенно приходило умение использовать местное сырье. Скажем, в Европе быстро привились свернутые из листьев сигары, которые здесь применялись в ритуальных обрядах. Доктор Жан

Нико, основываясь на научных исследованиях миланца Франческо Монтани, сделал табак чрезвычайно популярным, показав, что никотин не только доставляет удовольствие, но и является лекарственным средством — излечивает рак. Перерабатывающая промышленность набирала обороты: табачные листья возвращались из Европы в Америку (часто их контрабандой перевозили голландские пираты) уже в виде табака нюхательного или трубочного — в пестрых коробках, украшенных охотничьими сценами.

Но справедливости ради надо отметить, что главным мотором экономического развития стала текстильная промышленность. А ведь это было первым известным видом человеческого ремесла — от выкроенных из фиговых листьев изделий до кожаных одежд, которые изготовил Иегова Адаму и жене его, прежде чем выгнать грешников на холод и под дождь.

Колумбы на словах сохраняли верность адмиралу, но на деле не отставали от остальных. Уж кто-кто, а они-то не успели забыть, как управляться с портновскими ножницами и отрезами ткани. Джованни Коломбо открыл большую модную лавку (поначалу в какой-то хижине), которая весьма скоро преобразилась в “Дом моды”

с вывезенным из Франции закройщиком-геем.

Прибывали первые образцы саржи и “тропических” кашемиров. Но и конкуренция с самых первых шагов была беспощадной.

Случались забавные сцены: касики из глубинки с невозмутимостью, которую дают лишь мудрость и наследственная власть, неподвижно стояли под палящим солнцем и покорно терпели прикосновения чужих рук, ловко снимавших с них мерки (“Спина 76, разрез 27, длина 95”).

Следом за ажиотажным спросом на одежду, вызванным приказом новой власти, начались неустанные поиски и других возможностей для вложения капитала.

Маркетинговые исследования проводились самым тщательным образом. И результаты не заставили себя ждать: те, например, кто, как индейцы тупи-гуарани, пили мате, теперь потребляли эфиопский кофе в чашках из Талаверы (главный алькальд и епископ предпочитали, естественно, тонкий лиможский фарфор).

Какао, “радость богов”, вернулось на родину через Атлантику в виде баночек швейцарского шоколада — изобретение господина Улиха, неудавшегося часовщика.

Чтобы платить меньше, а продавать дороже,

была введена общая официальная валюта. В севильской Каса-де-Контратасьон[118] установили обменные курсы, но пройдет всего несколько десятилетий, и курсами начнут управлять уже не в государственном, а в частном порядке — на биржах Амстердама, Нового Города или Лондона. (Пираты всегда отличались изобретательностью и со временем умели ко всему приспособиться.)

Появились в большом количестве импортеры света, но сперва он рекламировался для использования лишь в безлунные ночи и только позднее стал привычным повсюду и во всякое время суток. Процветали торговцы спасением. А также изобретатели разного рода увеселений — как физических, так и метафизических: скачек, немецкой философии, футбола или Лёвенской теологии.

Пришельцы были великодушны и приучили аборигенов к тому же уровню благосостояния, к какому привыкли жители Европы.

Завезли сюда и первые способы сохранения льда. Теперь можно было делать прохладитель-

---

[118] Примечания: 118

Каса-де-Контратасьон (*букв.* Торговый дом) — правительственное агентство Испанской империи, управлявшее всей ее исследовательско-колониальной деятельностью; основано в Севилье в 1503 г. королевой Изабеллой.

ные напитки из кокосового молока, а также коктейли с какао или ромом. Оранжады и мороженое шли по хорошей цене. Казалось, всех обуяла неуемная страсть к прохладе. (Но в индустрии холода, как и во многих других нововведениях, иберов весьма скоро обойдут светловолосые пираты, которые под покровом ночи станут выгружать свои аппараты на берег и продавать по демпинговым ценам, а особо отличатся здесь Уильям Вестингауз и Ян Филипс — ставшие крупными оптовиками.)

На смену индейским сандалиям из дубленой кожи пришли альпаргаты. Прекрасные перья в огромных количествах отправлялись в Европу на радость куртизанкам, дипломатам и адмиралам. Вода из источников разливалась по бутылкам, и продавалась она с соответствующими медицинскими рекомендациями на вес золота. А испанский доктор Диего Чанка открыл санаторий с аптекой при нем.

Весьма недурную прибыль научились извлекать даже из коллективных прогулок (но пират Кук вытеснит иберов из этого бизнеса тоже). Индейские божества, захоронения и пирамиды превращались в музейные экспонаты или в цели для экскурсионных туров.

Однако самым выгодным бизнесом с первых же дней стала религия. Сюда через океан везли алтари, сутаны и ризы, сшитые в ателье Гамарелли, кадильницы, черно-белые и цветные святые образа, библии, распятия, катехизисы — от роскошных до самых дешевых. Каждый обязан был наизусть знать основы монотеизма. И плохо приходилось тому, кто не мог отчеканить без запинки: “Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками…”[119]

Епископ Ланда — тот самый, что сжег почти все кодексы индейцев майя, — в эпилоге к своему знаменитому “Сообщению о делах в Юкатане” сумел таким образом выразить суть тех лихорадочных лет:

> Индейцы не потеряли даже в том, что незначительно, но многое приобрели с приходом испанской нации; и прибавилось у них множество вещей, к употреблению которых они неизбежно должны прийти со временем, и они уже начали пользоваться и употреблять многие из них.

---

[119] Примечания: 119
Первое послание к Тимофею 2:5.

Уже есть множество хороших лошадей, много мулов, самцов и самок. Ослы уживаются плохо, и я полагаю, что этому причиной их избалованность, потому что это безусловно скотина сильная и ей вредит праздность. Есть много прекрасных коров, много свиней, баранов, овец, коз и наших собак, которые несут свою службу, и их можно перечислить среди полезных животных, имеющихся в Индиях…

К ним доставлены орудия труда и введено употребление механических ремесел, и они ведутся очень хорошо. Вошли в употребление также деньги и многие другие вещи из Испании; хотя они жили и могли жить без них, теперь они живут несравненно более по-человечески с ними, и они помогают им в ручном труде и облегчают его, согласно изречению философа: искусство помогает природе.

Бог дал индейцам не только указанные вещи с приходом нашей испанской нации, столь необходимые для службы человеку, что одни они стоят больше той платы, которую индейцы дают и будут давать испанцам, но индейцы получи-

ли также без оплаты то, чего нельзя ни купить, ни заработать, а именно: правосудие, и христианство, и мир…[120]

Травы, кусты, большие деревья и ягуары первыми обнаружили обман: боги оказались фальшивыми.

Импульсивные и сообразительные обезьяны тоже быстро смекнули, что крестьяне и кузнецы легко превращают свои серпы и молоты в орудия уничтожения. Вопреки всякому здравому смыслу, они вырубают целые рощи и губят сложнейшую жизнь, замысленную именно так, а не иначе с самого начала времен. С корнем вырывают травы, лианы, жгут листву и ветки, пока не появится кусочек пустыни — квадрат голой земли. А потом мужчины со светлой кожей принимаются работать день и ночь, забывая про своих жен и детей, принося в жертву радость земную и часы, которые следовало бы отдавать богам и любви. Зачем? Чтобы опять засадить ту же землю. На сей раз тщедушной рассадой и жалкими кустиками, вызывающими лишь презрительную улыбку у древних лесов.

---

[120] Примечания: 120

Здесь и далее цитируется в переводе Ю. Н. Кнорозова.

Это были “полезные растения”, которые выстраивались очень ровными рядами и плоды которых ценились на рынке.

Так случилось, что первый американский бунт почти одновременно с *полковником* Рольданом возглавили обезьяны. И хотя было ясно, что сил у них маловато, они окружили гигантскую сейбу, которую человеческие существа называли Древом жизни, и стали без передышки выть, швыряя в ту сторону экскременты.

Но белокожий голый человек, адмирал, так ниче- го и не понял. Со всегдашней своей самонадеянностью он предпочел увидеть в этом особую форму почитания.

Тогда обезьяны решили искать помощи у ягуаров и индейцев-карибов (обиженных на весь мир за свое уродство и всегда готовых к бою). Ягуары растерзали семью астурийцев-первопроходцев и покалечили какого-то баска, сажавшего чеснок и табак (он работал уже на компанию Данхилла). Но изменить ничего не удалось.

Были срублены под корень веселые пальмовые рощи. Белокожие варвары так и не сумели отнестись к пальмам как к стайкам приветливых и простодушных девчушек, выбежавших к морю.

Были срублены и два весьма почитаемых свя-

щенных дерева, из них изготовили отличный прилавок и табуреты в таверну Доминго де Бермео. Излишки досок он продал на скамейки для собора.

Огромное гваяковое дерево — самое главное дерево-мать этих земель (ибо растения в какой-то мере тяготеют к матриархату) — предсказало, что битву с бледнолицыми они проиграют. Те одержимы жаждой уничтожения, позабыли о своей первозданной связи со Всеобщим и предали исконное братство всего сущего. Они погрязли в пороках, только вот и пороки не приносят им радости. Об их вожде, адмирале, укрывшемся под ветвями большой сейбы, дерево сказало: “Он мечтатель. Ему нельзя доверять. Он больше не видит реальности”.

Куда бы ни проникали бледнолицые, они везде разрушали естественный порядок. Даже меняли русла рек, дабы орошать свои виноградники. Пришельцам было невдомек, что прекраснейшие серебряные нити, бегущие по сельве, есть нити жизни, артерии тела земного и требуют к себе величайшего почтения.

Повсюду стали появляться зеркала из мертвой воды, отлученной от Великой Матери Вод (той, что приводит в согласие небеса и подземные нед-

ра). Теперь это были просто болота, лишенные чистоты и всякого намека на жизненный пульс. И вскоре от них начинало исходить зловоние, там заводились всякие твари, а еще они становились причиной эпидемий.

Хищные звери бежали на покрытые лесами холмы. Это был настоящий исход. Обезьяний народ шел в изгнание под покровом ночи. “Мы вернемся! До победы, всегда!” — кричали они. Но вряд ли и сами в это верили.

Даже легкомысленные попугаи ара и райские птицы не желали больше отдавать свои длинные перья на украшение шляп для итальянских щеголей. И они тоже отступили в лесную чащу, хоть им пришлось отказаться от сладкой привычки засыпать темными ночами под уютный шум моря.

После убийства принцессы Бимбу местные вожди, насмотревшись на бесконечные преступления, раздевания, одевания, переодевания и садистские выходки бородатых пришельцев, сошлись во мнении, что при вынесении своего суждения о природе тех, кто явился из-за моря, они совершили досадную теологическую ошибку.

Сомнений больше не оставалось: белолицые люди пришли, чтобы убивать. Это были новые

каннибалы, способные пожирать каннибалов. В Вега-Реаль и Ксарагуа фальшивые боги сбросили маски и показали, что на самом деле были грозными дзидзиминами.

С первого дня, с того самого 12 октября 1492 года (но не по венерианскому календарю, а по календарю белых), когда Америка открыла для себя Европу и бородачей, ее жители охотно покорились дурно пахнущим “божествам”.

Они безропотно согласились стать рабами, ибо Четвертое Солнце умерло, а банда людей в сутанах разъяснила им, что “земная жизнь есть юдоль слез”.

Когда жестокие надсмотрщики били их плетьми и палками, они, как учил падре Вальверде, старались изловчиться и подставить другую щеку — или другую часть тела, еще не покалеченную.

Индейцы строго следовали христианским заповедям. После самых жестоких пыток (порой им даже выкалывали глаза и вырывали мужские органы, чтобы заставить признаться, где спрятаны жемчуг и золото) подбирали они свою одежонку и с благодарностью кланялись, говоря при этом с евангельской кротостью:

— Прощаю тебе, господин, то, что ты учинил

мне. Если желаешь, ударь еще разок!

А палачи сплевывали шелуху от семечек, делали глоток агуардиенте и кричали:

— Пошел вон! Идиот!

А если насиловали одну из их дочерей, шли к себе в хижину, чтобы с францисканским самоотречением вывести еще и младших — дрожавших и онемевших от ужаса, — и вели их к насильникам, ничего не прося взамен.

Однако постепенно первоначальная вера в правильность этого сурового учения стала слабеть, поскольку открывалась простая истина: их заманили в ловушку, грубо и бесчестно обманули. “Если это Христос, то Христос — преступник”, — решили старые касики.

Анакаона и Сибоней, оказавшиеся похитрей и посметливей прочих, начали обращать себе на пользу ненасытную похоть иберов и некоторых генуэзцев. (Бартоломе Колумб в Вега-Реаль понадеялся, что раз и навсегда подчинил город себе.) Но и прекрасных принцесс не миновала участь рабынь.

Такие изящные и невинно эротичные танцы, как арейто и науаль, выродились в грубые и вульгарные румбы и милонги. Никто уже не смотрел на тонкие движения рук или на чарующую игру

глаз, поскольку теперь куда больше ценилось умение сладострастно и без остановки трясти голым задом.

Убийство прекрасной Бимбу явилось лишь первым предупреждением. Ужасное будущее открылось со всей очевидностью, когда глашатай обнародовал указ Рольдана “О клеймах и метах для рабочей скотины и местных жителей”. Мужья и отцы должны были явиться со своими женами и детьми, включая младенцев, чтобы у врат собора каждому выжгли клеймо. Им ставили букву *G* — возможно намекавшую на слово *Guerra*[121]. Знатные латифундисты могли добавить еще и собственный отличительный знак, заранее зарегистрировав его в Бюро патентов и мет.

Эти меры помогли упорядочить торговлю наложницами и рабынями, а также легче разрешать конфликты в том случае, если, скажем, принцессу проигрывали в мус. Теперь любые сделки совершались строго через нотариуса. Так что индейцам это должно было дать чувство уверенности и стабильности.

Охрана бараков, где селили работников, была доверена собакам, в основном немецким догам,

---

[121] Примечания: 121
Война *(исп.).*

беспощадным в охоте на беглецов и незаменимым, когда следовало выискивать бунтовщиков и вынюхивать засады. Им отводилась столь важная роль, что позднее были даже написаны биографии нескольких из этих ревностных охранителей христианского порядка. И вот что сообщил нам историограф Совета по делам Индий Гонсало Фернандес де Овьедо о собаке по кличке Бесерильо, восхваляя ее достойные подражания качества: “Свирепейший пес, защитник католической веры и благопристойности, растерзал более двух сотен индейцев за идолопоклонство, содомию и прочие мерзкие преступления, а с годами даже изрядно полюбил человечье мясо”[122].

Началась эпидемия коллективных самоубийств. О них упоминалось в “Установлениях по обхождению с индейцами” (Сарагоса, 1518).

Индейцы запирались в хижинах и дышали ядовитым дымом. Или вслед за старейшим членом семьи бросались в реку, привязав на шею камень. Или вешались на деревьях рядом с предметами

---

[122] Примечания: 122

Франсиско де Овьедо. *Естественная и общая история Индии*. Том X. Заслужили также подробных биографий сын Берсельо, а также Леонсико, Бруто, Амадис, Салисто и Амиго. Их написали Хуан Хосе Арром, Эррера, Шалевуа и прочие авторы. Полковник Рольдан учредил кинологическую комиссию, призванную следить за общественной моралью и выполнять цензурные функции. В этом он тоже был первым. *(Прим. автора.)*

культа.

Однако больше всего их возмутило то, как поступил капитан Лопес де Авила, приближенный Рольдана, с принцессой Анао.

Во время одной из карательных акций Анао была взята им в плен. Но еще раньше успела пообещать своему супругу, воину, восставшему против клеймения женщин, что никогда не будет принадлежать другому мужчине.

Фрай Ланда, который наблюдал за событием с поистине францисканской невозмутимостью, писал в главе XXXII своего “Сообщения о делах в Юкатане”:

> Они считали себя добрыми и имели к тому основание, ибо перед тем, как они узнали наш народ, по словам стариков, которые теперь на них жалуются, они были удивительно [целомудренны], чему я приведу два примера.
>
> Капитан Алонсо Лопес де Авила, зять аделантадо Монтехо, захватил во время войны в Бак'халале одну молодую индианку, очень красивую и изящную женщину. Она обещала своему мужу, опасаясь, что его убьют на войне, не знать

> другого [мужчины], если его не будет. Поэтому она предпочла скорее лишиться жизни, чем быть опозоренной другим мужчиной; за это ее затравили собаками.

Ландскнехт Тодоров был свидетелем гибели Анао и чуть не сошел с ума от сознания собственного бессилия. А философ Жан-Лу Васслен, уже пославший в Королевскую академию Франции свой *Traité de Modération*, поспешил вернуться на родину с первым же кораблем, который доставлял в Кадис бразильскую древесину.

Вскоре после этого события Диего де Ланда получил повышение и был назначен епископом Юкатана.

Надо было открыть правду вождю-текутли из Тлателолько, который отплыл в свои земли успокоенный и гордый, поскольку убедился: свершилось пророчество, и возвратился Кетцалькоатль вместе со своими младшими богами.

Местные поэты составили текст донесения и отправили в Тлателолько с самым быстрым гонцом:

> *Все кончено.*
>
> *Мать, прижимая дитя к груди,*

говорит:
Ай, крошка! Ай, мальчик мой!
В мир пришел ты, чтобы страдать!
Так страдай, терпи и молчи!
С Востока явились бородатые люди,
те, кого приняли мы за богов,
светлолицые чужеземцы.

Ай, сколько горя они принесли,
те люди, что дома себе строят из камня,
чья рука умеет повелевать огнем.
Сколько горя они принесли.

А вот наши боги уже не вернутся!
Их же "истинный" бог, что живет в небесах,
лишь твердит о грехе
и лишь покаянию учит.
Как безжалостны слуги его
И как злобны их псы.

Безумное время.
Священники в черных сутанах

христианство нам принесли.
Вот начало всех наших бед.
Начало неволи.
Начало разора.

Теперь мы знаем. Узнали наверно.
Настала эра Непостоянного Солнца,
что ведет нас к царству Воздуха и Огня,
Воды и Земли.
Настал конец времен,
всюду разрушенье и смерть.
Непостоянное солнце, Солнце на земле.
Все уйдет.

Чилам-Балам из Чумайеля. Книга Происхождения[123]

Но посланец таино не достиг Тлателолько. Свирепые псы растерзали его, прежде чем успел он покинуть берег.

А изложенный выше текст был подобран людьми Рольдана, и ныне манускрипт хранится в Венском этнологическом музее — в той же

---

[123] Примечания: 123

Автор цитирует поэтическую версию перевода “Чилам-Балама” на испанский язык.

витрине, где выставлена корона из перьев, принадлежавшая императору Моктесуме.

Ничто не могло нарушить покой адмирала. Он был убежден, что серьезные беспорядки, о коих сообщал ему падре Лас Касас, были временными и не более чем пережитком прошлого. Просто люди еще не до конца поверили, будто попали в безгрешный Рай. Они продолжали жить на корабле Зла и Порока, хотя он потерпел крушение и лишился парусов.

— Но и это скоро, очень скоро пройдет, *tutto finisce*, — шептал он, не переставая ловить тайные шорохи волшебной сельвы.

— Падре, неужели он ничего слышит?.. Неужели не слышит? — стонали в смятении орхидеи.

Однако Лас Касас чувствовал свое полное бессилие. Видно, адмирал не верил его рассказам о тех ужасах, что творятся на побережье.

— Они увозят ангелов! Только вчера погрузили на судно ровно пятьсот! Их продают в Севилье… — Но продолжать не имело смысла.

К тому же адмирал недолюбливал будущего епископа. Даже самые безумные из его мечтаний были уныло благоразумны по меркам Колумба! Когда священник пускался в богословские рассуждения, адмиралу всегда казалось, что

тот вот-вот возьмется разливать море-океан по пустым бутылкам из-под минеральной воды — чтобы измерить его и изучить.

К тому же в последние дни ситуация сильно ухудшилась. Складывалось впечатление, будто адмирал нашел себе уютное местечко во времени, как кот у очага. И постепенно растворялся в Бытии, отрешаясь от всего человеческого.

Но совсем одиноким почувствовал себя Лас Касас, когда услышал отчет об экспедиции Ульриха Ницша. Ландскнехт словно освободился от вязкого кошмарного сна. Он ходил с высоко поднятой головой, готовясь вернуться к людям и торжественно возвестить им о своем великом и ужасном открытии.

А о несокрушимой вере Лас Касаса осмелился отозваться так:

— Неужто этот юный святоша до сих пор не слышал того, о чем знает уже весь лес: Бог умер?

Иными словами, именно тогда начали формироваться три жизненных позиции, исключительно важных с исторической точки зрения: адмирал погрузился в созерцательное забытье и, если употребить традиционный термин, уже обрел спасение; ландскнехт Ницш выплыл на поверхность из колодца безумия, вознамерился

пойти к людям и заставить их занять место скончавшегося Великого Старца; Лас Касас, стойкий приверженец иудеохристианства, мечтал не о жизни, но о смерти, ибо надеялся, умерев, лицезреть Господа.

И все трое потеряли интерес друг к другу (Рольдан и Буиль могли спать спокойно). Их объединяло лишь то, что жили они по-прежнему под общей кроной — кроной Древа жизни. Не больше и не меньше.

Люди, сопровождавшие их поначалу, вернулись на родину, предпочтя обычную жизнь. Скромные радости и горести повседневности.

Верность адмиралу сохраняли лишь не умевшие лаять райские псы, которые продолжали сновать между гамаками и навесами. Хотя и трудно было понять, чем прельстили их эти странные люди.

А местных жителей приводило в недоумение то, что три бога, пришедшие из-за моря, ничего не желали делать. И мало-помалу аборигены от поклонения перешли к безразличию. Особенно после того, как сюда стали доходить новости с побережья. Жители ближайших поселков снимались с места и спешили следом за обезьянами и ягуарами укрыться поглубже в сельве.

(Так начинался для них период физической и психологической *отчужденности*, который продолжается и по сей день — вот уже пять веков.)

Адмирал порой выходил из глубокой спячки человека, восстановившего связь с высшими силами, и без особой охоты затевал беседу:

— Вы заметили, ландскнехт Ницш, что дни становятся все длиннее? Сеть времен начала распускаться… Уже ничего не значат такие слова, как “день”, “ночь”, “неделя”, “год”… Хотя и раньше за ними стояли не более чем иллюзии. Это был лишь способ всех нас измерить, принизить, сделать покорными… А что значат теперь такие слова, как “старость”, “юность”, “смерть”?.. Как бы вы, например, ответили мне на вопрос, сколько дней мы находимся здесь?

— Четыре года! — резко перебил его падре Лас Касас.

— А что понимаете вы, падре, под этими “четырьмя годами”?

— Четыре года.

— Четыре года?

Лас Касас не знал, что на это ответить. Видно, адмирал постарался забыть — и вполне успешно забыл — все привычные метрические системы, все календари или меры длины…

Колумб продолжал:

— Пора отказаться и еще от одной вредоносной иллюзии — от наших представлений о пространстве. Разве можно считать эти земли продолжением мира, откуда мы прибыли? Разве можно присоединить их к территории Испании — скажем, к Андалусии? Нет! Никому же не придет в голову складывать четыре курицы и четыре гуайавы…

Лас Касас слушал его, не зная, что тут можно возразить. А Колумб так завершил свою мысль:

— Мы попали в иное пространство. Наконец-то мы попали *внутрь* мира, а не стоим пред реальностью в роли унылых созерцателей с нашим непременным портновским метром наготове.

Было очевидно, что адмирал пережил мутацию, и, судя по всему, необратимую. Его покинуло рациональное сознание — отличительная черта западных “людей духа”.

Сам того не сознавая, а потому понапрасну не радуясь и не огорчаясь переменам в себе самом, он превратился в первого истинного латиноамериканца. Стал первым метисом, но рожденным не от смешения двух рас, а в результате метисации духа (у Адама ведь тоже не было пупка).

Между тем таинские мудрецы вместе с касиком

Гуайронексом размышляли над эволюцией — или инволюцией — бога, явившегося из-за моря, который вел себя совсем не так, как остальные пришельцы. И сделали верный вывод: то был, вероятно, первый представитель человеческого рода, которому суждено будет жить при новом и только еще зарождавшемся цикле — цикле Черного Солнца.

Поэтому и был он вечно погружен в сонную дрему, не зная ни пылких надежд, ни горьких разочарований. Прометей отвернулся от него.

Адмирал беззастенчиво предавался праздности, лежа в своем гамаке. Питался либо тем, что ему приносили, либо тем, что падало с деревьев. И отнюдь не тосковал по мясу (или, например, по макаронам). Что он ел? Ананасы, бататы, термитов. Пил кокосовое молоко и сок манго.

Дни его тянулись бесконечно долго и ничем не омрачались. Ему не надо было бороться ни за жизнь, ни за выживание. Ничто не могло заставить адмирала хотя бы шевельнуть пальцем. Он зевал. И один зевок мог продолжаться двадцать минут. Вот до чего дошел человек, утратив представление о времени, в котором родился и вырос!

В голове его, ломая все рациональные связи и

переходы, смешались, словно во сне, воспоминания и реальность, так что глагольные времена — прошедшее, настоящее, будущее — были отправлены на пыльные полки музея грамматики.

Таинские знахари пришли к заключению, что он не нуждается в наркотиках: внутренняя способность секретировать грезы функционировала у него безупречно (возможно, в этом он мог сравниться лишь с королем-поэтом Несауалькойотлем). Ни к чему ему были ни пейотль, ни аяуаска, которые так успешно помогают людям избежать рационалистического одичания.

Поток мыслей и грез, захлестнувший адмирала, в свою очередь, тоже принял американскую окраску. Готические пейзажи Кастилии — черно-белые, подсвеченные кострами инквизиции, — заслонялись отныне более приятными картинами. Являлась ему, скажем, принцесса Анакаона, которую увезли в Испанию вместе с касиком Каонабо, ее злосчастным мужем. Но сквозь облик принцессы проступали черты незабвенной Симонетты Веспуччи (в образе Венеры, как ее изобразил Боттичелли на картине, созданной по заказу Лоренцо Великолепного). Только вот у Венеры были ноги Анакаоны — два тугих полукружия, ведущих к огненному центру, и голову

Симонетты венчала охапка волос цвета старого золота, напоминающих закат над Арно.

Проплывала перед его мысленным взором Изабелла, одетая как при осаде Гранады. Но за спиной ее зеленели пальмовые рощи. Мчалась на буланом першероне Бельтранеха. Проступало из дымки времен и лицо Беатрис Араны, которая ожидала своих палачей, сидя у бочки с пиявками.

И почти все, кого он вспоминал, в этот миг предавались безделью: либо сонно клевали носом, либо потягивались и любовались геранью. В любой картине адмирал угадывал обобщение или символ (как в сновидениях): годы террора в Кастилии олицетворялись тенями женщин в черных мантильях, которые шли к семичасовой мессе.

Его воспоминания были вялыми и бледными — в них не хватало места серьезным драмам или крупным историческим событиям. Два или три раза являлась ему Беатрис Бобадилья, огненная женщина… Она лежала в полумраке спальни на постели, покрытой белоснежными овечьими шкурами, приняв облик иссиня-черной пантеры с зелеными глазами, взглядом которых умела парализовать жертву перед атакой.

Вызревала новая форма воображения. Кожа Сибоней цвета корицы. Черные цветы на полянах в тропической сельве. Слухи о вероломстве Анакаоны.

Часы, проведенные адмиралом в гамаке под Древом жизни, были безмятежны и бездумны.

Между тем падре Лас Касас решился отправиться по тому же пути, которым прошел днями раньше Ульрих Ницш. Его толкал вперед порыв веры — желание открыть Бога в его невидимой сущности.

Он обнаружил мраморные врата и много других следов, бесспорно доказывающих, что Господь здесь когда-то побывал. Водный каскад падал на камни с оглушительным шумом в облаке тумана, сверкавшего семью цветами радуги, основными цветами мироздания. Был и броненосец с золотым пятном на спинке. И змея с четко выведенным на голове христианским крестом. И не менее дюжины гигантских бабочек, окрашенных в цвета Ватикана — словно присыпанных желтым тальком и белой сахарной пудрой.

Никаких сомнений у падре не осталось. Он нашел то, что искал. Именно этому его и учили: постичь возможно лишь незримого, отсутствующего Бога. То есть присутствие Бога как раз и

заключалось в его исполненном величия отсутствии, если выражаться с точностью, к которой так склонны церковные иерархи.

Лас Касас пал ниц, вознося хвалебные и благодарственные молитвы. Он всю ночь простоял на коленях прямо в грязи, под потоками проливного дождя. И конечно, промок до костей. Но внутреннее пламя, не затухавшее ни на миг, согревало его и даже высушивало кожу. Так получил священник второе крещенье.

В глубине души услышал он молчание Божие, строгое и выразительное.

На каменных развалинах среди лиан были им обнаружены окаменелые змеи. Разумеется, то были знаки гнева Господа, обращенного против злосчастного орудия соблазна. Нашел Лас Касас и огромную голову анаконды — тоже окаменелую.

Язык Божий, оставленные им меты… Здесь, в покинутом Раю, встречалось их куда больше, нежели в других частях сотворенного Им мира. Даже самый дотошный исследователь признал бы несокрушимыми эти доказательства Господней воли.

Лас Касас вернулся назад. Он окончательно уверовал в свою пасторскую миссию. Теперь — за дело!

Падре прошел мимо Древа жизни и задержался там лишь на миг, чтобы прихватить свою сутану — мятую и выцветшую. Сухо поздоровался с ландскнехтом Сведенборгом. Адмирал спал.

Смерть воцарилась повсюду. Не было прежней Кастилии. Скорбно били колокола, обернутые в черное сукно, — в Саламанке, Аревало, Сеговии и Мадриде. И звон их казался серым.

Сколько мрачных событий случилось за последние годы! Пришел из Индий страшный недуг — сифилис. И бордели забыли свою средневековую беспечность. Постыдные гнойники и язвы. Из ганзейских городов стали ввозить сюда свинцовые порошки (те самые, что Франциск Первый рекомендовал Карлу Пятому). Начиналась долгая эпоха страха перед венерическими болезнями, эпоха нависшего над телом проклятия. Эта эпоха переживет даже саму инквизицию, хоть и ненадолго, и конец ей положит лишь изобретение пенициллина.

Несчастья сыпались на Фердинанда и Изабеллу. Умерла их первая дочь, королева Португалии, а также внук, дон Мигель. Другая дочь, Хуана, жена Филиппа Красивого, страдала душевным недугом и, совсем потеряв рассудок, металась по дворцу ослепленная ревностью. Во время грозы

полуголая вскарабкалась она на железные ворота в замке Медины-дель-Кампо и ни за что не желала спуститься вниз.

Умер Торквемада — в нем империя потеряла радетеля о коллективном покаянии и искуплении. Он прожил семьдесят пять лет и всегда был непреклонно жесток. И вот однажды утром нашли в постели безжизненное, холодное тело, обильно покрытое высохшей в порошок спермой. Видно, слои семени, ложившиеся один на другой подобно слюдяным пленкам, сразу рассыпались пылью, как только ушло жизненное тепло. Пропал и запах французского писсуара, сопровождавший Торквемаду всю его жизнь. Некоторые католические хронисты, введенные в заблуждение отсутствием зловония, даже отважились написать, что “умер он в аромате святости”.

Но главным несчастьем — оно повергло всех в глубочайшую скорбь — была кончина принца Хуана, любимого сына королей и наследника престола. Ему едва исполнилось двадцать, и он только недавно вступил в брак. Умер прекрасный принц Хуан, воспитанный в правилах утонченной изысканности, на высокой литературе и уважении к законам справедливой войны.

Изабеллу всегда пугала физическая слабость и болезненность принца, который не унаследовал от родителей их ангельской мощи, но королева никогда не думала, что может он умереть такой смертью — от любви. Не сумев обуздать свою пылкую страсть к прекрасной Маргарите Австрийской.

Он довел себя до изнеможения, неистово служа богам любви, и в последние месяцы жизни стал совсем беззащитен пред жестокой реальностью. Стоило ему встретиться взглядом, например, с несчастным горбуном или невзрачной старой девой, как у него начинался жар. А однажды на праздничном пиру он лишился чувств из-за того, что тенор, исполняя романс, взял фальшивую ноту.

Пока Изабелла ездила в Мединy-дель-Кампо, чтобы попытаться уговорить свою дочь Хуану спуститься с ворот замка, Фердинанд получил из Саламанки известие о тяжелой болезни принца и помчался туда, не сделав в пути ни одной остановки.

Прибыв на место, он тотчас понял, что близость смерти переменила привычные роли: принц ощущал себя стариком, словно стал отцом собственного родителя, короля Фердинанда. Хуан

сказал ему:

— Отец мой, в жизни я знал лишь счастье, знал любовь и другие благие дары. Примем же покорно волю Божию.

Король плакал молча, по-крестьянски пытаясь спрятать свою боль поглубже. Он целовал тонкую руку Хуана — изнуренного и побежденного. И произнес:

— Возлюбленный сын мой, мужайтесь, коль решил Господь наш призвать вас к себе. Нет правителя выше Его, и для вас уготовал Он иные королевства и владения — гораздо большие, нежели те, что имели вы здесь или могли бы получить в будущем…

Той же ночью Педро Мартир записал: “После его смерти у Испании не осталось никаких надежд”.

Смерть близких нанесла королеве страшный удар, от которого она уже никогда не смогла оправиться. Все двигалось по кругу. Все повторялось. И ей пришлось искать прибежища в том же дворце средневековой метафизики, откуда они с Фердинандом бежали в бурные годы возрожденческих грез. Мечта о Рае земном, доверие к человеческому телу и упоение новыми свершениями — все это ушло в прошлое.

Когда Фердинанд сообщил Изабелле самую

горькую весть из тех, что когда-либо доводилось ей слышать, она лишь прошептала:

— Бог дал нам его, Бог у нас его и забрал! Аминь!

Все, что успели когда-то совершить эти грозные юнцы, разом потеряло смысл. Кожа на лице Изабеллы словно в один миг потускнела и сморщилась. Ближе к ночи началась у королевы жестокая болезнь — ее непрестанно мучила жажда. И она отвернулась от мира, будто оказавшись где-то далеко за его пределами. Бродила в ледяном тумане, с отчаянием всматриваясь во мрак и пытаясь разглядеть — уже в обители умерших — лицо любимейшего сына, несравненного принца Хуана.

Королева навсегда покидала секту искателей земного Рая.

У короля Фердинанда на смену отчаянию пришло чувство обиды, как если бы стал он жертвой обмана или злой шутки. Истерзанный горем, был он склонен поверить в некое “проклятье Америки”. И среди тех, кто вызывал у него гнев, не последнее место занимал адмирал.

Ища отвлечения, король с головой окунулся в водоворот государственных дел.

В самом дурном настроении принялся он

разбирать донесения, полученные из Индий, а заодно выслушал все придворные сплетни и завистливые наветы. Ему сообщили о Декретах Колумба, мятеже Рольдана и тревогах церковных иерархов.

Да, не случайно он всегда видел в адмирале лишь мистика-одиночку, опаснейшую из всех разновидностей человеческой породы.

Короля привела в бешенство мысль о том, что по вине Колумба Новый Свет оказался едва ли не под запретом, а его изобильные земли были теперь словно бы покрыты Господней мантией. Так бывает, когда владелец не возделывает свой сад, но и других туда не пускает.

В довершение всего адмирал дерзнул утверждать, будто тамошние аборигены — это ангелы. Но ведь ангелов нельзя делать рабами и продавать! Надо вырвать эту идею с корнем! И Фердинанд немедленно объявил их своими вассалами и велел окрестить. Именно так: никакие они не ангелы, однако не будут принадлежать также испанским плебеям, которые уже начали дележ.

Следующее решение Фердинанд принял без лишних проволочек: призвал командора Франсиско де Бобадилью и назначил губернатором

Индий, передав ему всю полноту власти.

И в тот же самый серый кастильский день под глухой гул затянутых траурной тканью гвардейских барабанов, когда из молельни слышался шелест нескончаемых литаний, он подписал приказ об аресте Колумба и его сподвижников. Случилось это 21 марта 1499 года.

Адмирал подчинился с кротостью. Всякий человек, перешагнувший порог Безбрежного, теряет способность страдать из-за суетных событий внешнего мира.

Полковник Рольдан ловко сумел привлечь на свою сторону командора Бобадилью, сделав вид, что слепо повинуется любым его приказам (несколько веков спустя тот же тактический прием использовал Гитлер с маршалом Гинденбургом). Рольдан сам вызвался командовать отрядом, который отправился к Древу жизни.

Их появление ничуть не удивило адмирала. Солдаты окружили гамак. Правда, им пришлось отгонять десятки совершенно одинаковых псов, которые, казалось, готовы были охранять покой седовласого мужчины, дремавшего сутки напролет.

— Ваша милость, вы арестованы по приказу королей, — объявил Бобадилья, не утруждая себя

дополнительными объяснениями.

Солдаты принялись за дело. На Колумба натянули францисканский хабит, как если бы идиллическая нагота считалась главным его преступлением и приравнивалась к покушению на общественную нравственность.

Зазвенели цепи и оковы. Их притащили в ящике для инструментов Кинтеросы и повар Эскобар. (В первые же дни революции падре Буиль великодушно передал в распоряжение Рольдана все орудия инквизиторского правосудия. С тех пор репрессивные меры в Америке неизменно имеют привкус пыток, применяемых с самыми благими целями — ради спасения души истязуемого или ради изгнания из него бесов.)

Адмирал спокойно сидел в гамаке и смотрел, как с помощью молотка крепят кольца вокруг его лодыжек. Изумился он лишь тому, что промахнулись они всего один раз. Обратный путь к побережью был долгим и унизительным. Нотариус составил положенные акты и после этого попытался с напускной небрежностью завести разговор с инспектором короны, чтобы хотя бы отчасти заглушить звяканье цепей.

Были также арестованы брат адмирала Бартоломе, временно исполнявший обязанности

его заместителя, и все остальные Колумбы: сыровары, портные и ткачи, которые уже начали выдвигаться как на торговом, так и на промышленном поприще.

Яркое солнце побережья словно хлыстом ударило адмирала по глазам, привыкшим к лесному полумраку.

Он шел по главной улице, которая со временем станет называться бульваром Колумба. Улица вела к площади, где строили собор, пока еще деревянный, хотя его уже украшали плитами из резного камня — фрагментами разрушенных индейских пирамид и храмов.

В лицо адмиралу летели проклятья:

— Комариный адмирал!

— Обманщик! Проклятый иудей!

Но тот находился в плену у видений иного мира и уже не мог никого осуждать, так как не чувствовал ни гнева, ни смирения. Ни хотя бы презрения.

Ему стало очевидно, что, пока он прохлаждался под Древом жизни, на новых землях воцарился принцип “дела” и “пользы”. А гегельянское “коллективное целеполагание” выдвинулось на первый план. Именно “люди духа” с жестокой беспощадностью сражались за ключевые позиции. А

еще он убедился, что все, даже его родственники, занялись разграблением Рая!

Измученных и отощавших ангелов делили между собой хозяева энкомьенд. Но их становилось все меньше и меньше: росло число самоубийств, многие сгинули в рудниках. И все они стали жертвами прогресса. Безжалостно оторванными от души мира, где они росли в братском союзе с пумами и папайями.

Колумб почувствовал глубокую скорбь.

— Человек разрушает то, что, по его собственным словам, любит больше всего на свете, — прошептал он.

Во время этого унизительного шествия адмирал понял, что его цивилизованные соплеменники ничего не боялись так, как возврата к первозданной гармонии. Понял, что дьявол своими кознями сбил их с пути истинного и научил наслаждаться болью. Что преисподнюю они предпочли Небу, как, впрочем, и почти все читатели Данте.

Было ясно: после короткой встряски, устроенной Декретами, вновь вернулись они к удобной привычке трудиться, вновь испытывали радость, когда благопристойность, хоть и с большими усилиями, но побеждала подстерегавшие их повсюду гнусные соблазны. Это походило на игру

или порочную потребность, удовлетворение которой было гарантировано им незыблемым режимом Рольдана.

Однако, тоскуя по прошлому, в воскресенье они очищались от накопленных за неделю прегрешений. Скварчалуппи и свежий выводок итальянских священников напоминали им с амвона о райском блаженстве. И призывали непременно творить Добро.

А еще адмирал успел заметить, что многие здания в поселке были теперь либо каменной кладки, либо глинобитными. Он прочел многочисленные вывески:

БАНК САНТАНХЕЛЯ & HAWKINS LTD.
САЛОН КРАСОТЫ “БОЛОНЬЯ”
ДВОРЕЦ ИНКВИЗИЦИИ (SEMPER VERITAS)
АГЕНТСТВО КУКА
UNITED FRUIT CO
ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР “КАСТИЛИЯ”
ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ САКАРДУА

В тот день никто не мог предвидеть ничего подобного. И люди не были готовы силой оружия подавить внезапный собачий бунт.

Атака была молчаливой. Нашествие напоминало скорее пассивный протест, нежели сокрушительный набег.

Восстание подняли сотни райских псов (возможно, они все еще тосковали по Адаму, как сразу подумали Колумб и ландскнехт Сведенборг). Сотни тех самых псов, которые не умели лаять, из-за чего первые испанские хронисты чуть не лишили их права принадлежать к собачьей породе. Во всяком случае, в хрониках отрицалось наличие в них “собачьей сущности”, как выразился бы Хайдеггер, поэтому они описывались там как “род съедобных грызунов, кои не лают, но пронзительно повизгивают, ежели их ударить”. Видно, хронисты не подозревали, что у псов были души (это были переселившиеся в них души умерших или сгинувших хозяев). Обретенные ими души могли служить собакам проводниками в мир Всеобщего после тяжких жизненных испытаний. (Тольтеки относились к собакам как к священным животным и даже включили их в свой календарь. Всякая собака могла быть *нагуалем*, хранителем злосчастной человечьей души.)

И вот теперь люди видели, как собаки подобно огромному шевелящемуся покрывалу спускают-

ся с холмов к поселку, не страшась ни поднявших дикий лай надменных полицейских ищеек, ни криков стражников.

Они были повсюду. Никого не кусали, даже детей. Не рычали. Только метили струйками мочи стены домов, мешки с товаром и вообще все, что стояло вертикально и неподвижно (не пропустили даже сапоги слепого ландскнехта Озберга де Окампо, который, как всегда, не обращал никакого внимания на шум вокруг).

На местных собак привыкли смотреть как на пустое место или с откровенным пренебрежением, но сейчас, благодаря их количеству, они превратились в одного гигантского страшного зверя. И такое безмолвное нашествие внушало людям панический ужас.

Дьяволица велела покрепче запереть двери своего заведения, а девиц собрала наверху в салоне под названием “Париж”.

Крики, визг, мельканье шпаг. Беготня детей, которые обезумели от радости, убедившись, что собаки никого не кусают.

А те больше часа полновластно хозяйничали в поселке.

И только после полудня решили отступить — вернуться в лесную чащу. Именно с той поры и

навсегда те, кто тоскует по прошлому, объявляют себя сторонниками пассивного, ненасильственного сопротивления. Собаки не стали прятаться в недоступных людям местах, как гордые ягуары, не могли они укрыться и в густых кронах деревьев, как птицы кетцали и нежные орхидеи. Они скитались по равнинам и поселкам — от Мексики до Патагонии. Все так же молча. Порой, чтобы утолить нестерпимый голод, нападали на стадо коров или табун лошадей (в вице-королевствах Рио-де-ла-Плата и Новая Гранада ходит множество легенд об их дерзких набегах, а как-то раз собаки якобы даже сумели окружить военный форт, но это случилось уже в XX веке).

И до сего дня носятся там эти невзрачные существа, которых никто и никогда не записал бы ни в один *Kennel Club*.

Наконец отряд полицейских во главе с *полковником* Рольданом добрался до берега.

Когда адмирал шагнул в лодку, которой предстояло доставить его на борт каравеллы, отплывавшей в Испанию, он увидел на песке сложенные в штабеля резные мраморные плиты — все, что осталось от райских Врат. Невольники, стоя по пояс в воде, по цепочке передавали плиты из рук в руки, чтобы переправить на судно. Адмирал

узнал среди грузчиков сына касика Гуайронекса и длинноволосого смутьяна Мордехая, дорого заплатившего за свои свободолюбивые идеи.

Люди, занимавшиеся сносом Врат, на каждом блоке писали углем соответствующий номер и теперь отправляли их в брюссельский Католический университет, где уже был открыт отдел “Археология Америндии”.

Адмирал взглянул на изрядно поредевшую пальмовую рощу. Когда-то она первой приветствовала его на этих землях. Он увидел измученных невольников. Большие усы и портупею Рольдана. Понял, что Америка попала в руки солдатни и коррехидоров, словно королевский дворец, захваченный вооруженными лакеями.

Но и это его не сломило, он прошептал:

– *Purtroppo c'era il Paradiso!*[124]

Париж
Январь 1983 *года*

---

[124] Примечания: 124
К несчастью, это был Рай! *(итал.)*